

Святитель Афанасий Великий

ИЗБРАННЫЕ ТВОРЕНИЯ

Святитель Афанасий Великий

ИЗБРАННЫЕ ТВОРЕНИЯ

Храм святых бессребреников и чудотворцев
Космы и Дамиана на Маросейке
Москва 2006

Печатается по изданию:
*Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого,
Архиепископа Александрийского.*
Издание второе, исправленное и дополненное.
Свято-Троицкая Сергиева Лавра. Ч. 1, 1902. Ч. 3, 1903.

Житие преподобного отца нашего Антония,
описанное святым Афанасием
в послании к инокам,
пребывающим в чужих странах

В доброе соревнование с египетскими иноками вступили вы, пожелав или сравниться с ними, или даже превзойти их своими подвигами в добродетели. Ибо и у вас уже появляются монастыри и водворяются иноки. Посему такое расположение ваше достойно похвалы и того, чтобы усовершил его Бог по молитвам вашим.

Поелику же и у меня требовали вы сведений о житии блаженного Антония, и, чтобы самим вам приобрести его ревность, пожелали вы знать, как начал он свою подвижническую жизнь, каков был до вступления в нее, какой имел конец жизни и справедливо ли всё о нем рассказываемое, – то с великою готовностью принял я ваше требование, потому что и для меня много пользы в одном воспоминании об Антонии, да и вы, как уверен я, услышав о нем и подивившись ему, пожелаете устремиться к той же цели, какая и им была предположена. Ибо жизнь Антония для иноков – достаточный образец подвижничества. Поэтому не почитайте невероятным то, что рассказывали вам об Антонии, а паче оставайтесь в той мысли, что еще немного только услышано вами, потому что и это малое, без сомнения, трудно было пересказать вам. Если и я, по убеждению вашему, опишу что в этом послании, то сообщу вам только немного, что припомню об Антонии. И вы не переставайте спрашивать у всякого, кто плывет отсюда. Ибо из рассказов каждого о том, что кто знает, составится, может быть, и полное повествование об Антонии. Так и я, получив послание ваше, намеревался вызвать некоторых иноков, особливо же тех, которые чаще других бывали при нем, чтобы, получив более сведений, и вам сообщить что-либо более полное. Но поелику время плаванья приходило к концу и отправляющийся с письмами спешил, то потщился я написать вашему благоговению то, что знаю об Антонии сам, многократно видел его, и какие сведения мог приобрести о нем, когда был его учеником и возливал воду на руки ему. Во всем же заботился я об истине, чтобы иной, услышав больше надлежащего, не впал в неверие или также, узнав меньше должного, не стал с неуважением думать об этом муже.

1. Антоний родом был египтянин. Поелику родители его, люди благородные, довольно богатые были христиане, то и он воспитан был по-христиански и в детстве рос у родителей, не зная ничего иного, кроме их и своего дома. Когда же стал отроком и преспевал уже возрастом, не захотел учиться грамоте, ни сближаться с другими отроками, но имел единственное желание, как человек *нелукав*, по написанному об Иакове, жить в доме своем (Быт. 25, 27). Между тем ходил он с родителями в храм Господень и не ленился, когда был малым отроком; не сделался небрежным, когда стал уже возрастать, но покорен был родителям и, внимательно слушая читаемое в храме, соблюдал в себе извлекаемую из того пользу. Воспитываемый в умеренном достатке, он не беспокоил родителей требованием разных и дорогих яств, не искал услаждения в снедах, но довольствовался тем, что было, и ничего больше не требовал.
2. По смерти родителей остался он с одною малолетнею сестрою и, будучи восемнадцати или двадцати лет от роду, сам имел попечение и о доме, и о сестре. Но не минуло еще шести месяцев по смерти его родителей – он, идя по обычаю в храм Господень и собирая воедино мысли свои, на пути стал размышлять, как апостолы, оставив всё, пошли вослед Спасителю, как упоминаемые в Деяниях верующие, продавая всё свое, приносили и полагали к ногам апостольским для раздаяния нуждающимся, какое имели они упование и какие воздаяния уготованы им на небесах. С такими мыслями входит он в храм, в чтенном тогда Евангелии слышит он слова Господа к богатому: *аще хочеши совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь нищим, и гряди в след Мене, и имети имаши сокровище на небеси* (Мф. 19, 21). Антоний, приняв это за напоминание свыше, так, как бы для него собственно было это чтение, выходит немедленно из храма и что имел во владении от предков (было же у него триста арур¹ весьма хорошей, плодоносной земли) дарит жителям своей веси, чтобы ни в чем не беспокоили ни его, ни сестру, а всё прочее движимое имущество продает и, собрав довольно денег, раздает их нищим, оставив несколько для сестры.
3. Но как скоро, вошедши опять в храм, услышал, что Господь говорит в Евангелии: *не пецытеся на утрий* (Мф. 6, 34), ни на минуту не остается в храме, идет вон и остальное отдает людям недостаточным; сестру, поручив известным ему и верным дев-

ственницам, отдает на воспитание в их обитель, а сам перед домом своим начинает, наконец, упражняться в подвижничестве, внимая себе и пребывая в терпении.

В Египте немногочисленны еще были монастыри, и инок вовсе не знал великой пустыни; всякий же из намеревавшихся внимать себе подвизался, уединившись не вдали от своего селения. Поэтому в одном ближнем селении был тогда старец, с молодых лет проводивший уединенную жизнь. Антоний, увидев его, поревновал ему в добром деле и, прежде всего, начал уединяться в местах, лежавших перед селением. И если слышал там о каком рачителе добродетели, шел, отыскивал его, как мудрая пчела, и не прежде возвращался в место свое, как увидевшись с ним. Когда же получал от него как бы напутствие какое для шествования стезею добродетели, уходил назад.

Так проводя там первоначально жизнь, Антоний наблюдал за своими помыслами, чтобы не возвращались к воспоминанию о родительском имуществе и о сродниках. Всё желание устремлял, всё тщание прилагал к трудам подвижническим. Работал собственными своими руками, слыша, что праздный *ниже да яст* (2 Сол. 3, 10), и иное издерживал на хлеб себе, иное же на нуждающихся. Молился он часто, зная, что должно наедине *молиться непрестанно* (1 Сол. 5, 17); и столько был внимателен к читаемому, что ни одно Слово Писания не падало у него на землю, но всё удерживал он в себе, почему, наконец, память заменила ему книги.

4. Так вел себя Антоний и был любим всеми. Ревнителям же добродетели, к которым ходил он, искренно подчинялся и в каждом изучал, чем особенно преуспевал тот в тщательности и в подвиге: в одном наблюдал его приветливость, в другом – неутомимость в молитвах; в ином замечал его безгневие, в другом человеколюбие; в одном обращал внимание на его неусыпность, в другом на его любовь к учению; кому удивлялся за его терпение, а кому за посты и возлежания на голой земле; не оставлял без наблюдения и кротости одного, и великодушия другого; во всех же обращал внимание на благочестивую веру во Христа и на любовь друг к другу. Так, с обильным приобретением возвращался в место собственного своего подвижничества, сам в себе сочетавая воедино то, что заимствовал у каждого, и стараясь в себе одним явить преимущества всех. А с равными ему по возрасту не входил в состязание, разве только чтобы не быть вторым после них в совершенстве. И делал это

так, что никого не оскорблял, но и те, с кем состязался, радовались о нем. Поэтому все жители селения и все добротолюбцы, с которыми был он знаком, видя такую жизнь его, называли его боголюбивым и любили его: одни – как сына, другие – как брата.

5. Но ненавистник добра, завистливый диавол, видя такое расположение в юном Антонии, не потерпел этого, но как привык действовать, так намеревается поступить и с ним. Сперва покушается он отвлечь Антония от подвижнической жизни, приводя ему на мысль то воспоминание об имуществе, то заботливость о сестре, то родственные связи, то сребролюбие, славолубие, услаждение разными яствами и другие удобства жизни и, наконец, жестокий путь добродетели и ее многотрудность, представляет ему мысленно и немощь тела, и продолжительность времени и вообще возбуждает в уме его сильную бурю помыслов, желая отвлечь его от правого произволения. Когда же враг увидел немощь свою против антониева намерения, паче же увидел, что сам поборается твердостью Антония, низлагается великою его верою, повергается в прах непрестанными молитвами, – тогда в твердой надежде на те свои оружия, *яже на пупе чрева* (Иов. 40, 11), и хвалясь ими (таковы бывают первые его козни против юных), наступает он и на юного Антония, смущая его ночью и столько тревожа днем, что взаимная борьба их сделалась приметною и для посторонних. Один влагал нечистые помыслы, другой отражал их своими молитвами; один приводил в раздражение члены, другой, по-видимому как бы стыдясь сего, ограждал тело верою, молитвою и постами. Не ослабевал окающий диавол, ночью принимал на себя женский образ, во всем подражал женщине, только бы обольстить Антония; Антоний же, помышляя о Христе и высоко ценя дарованное Им благородство и разумность души, угашал угль его обольщения. Враг снова представлял ему приятность удовольствий, а он, уподобляясь гневающемуся и оскорбленному, приводил себе на мысль огненное прещение и мучительного червя и, противопоставляя это искушению, оставался невредимым. Всё же это служило к посрамлению врага. Возмечтавший быть подобным Богу осмеян был теперь юношею. Величающийся пред плотию и кровию низложен был человеком, носящим на себе плоть, потому что содействовал ему Господь, ради нас понесший на Себе плоть и даровавший телу победу над диаволом, почему каждый истинный подвижник говорит: *не аз же, но благодать Божия, яже со мною* (1 Кор. 15, 10).

6. Наконец, поелику змий этот не возмог низложить этим Антония, а, напротив того, увидел, что сам изгнан из сердца его, – то, по написанному, *скрежеща зубы своими* (Пс. 36, 12) и как бы вне себя, каков он умом, таким является и по виду, именно же, в образе черного отрока. И поелику низложен был этот коварный, то, как бы изъявляя покорность, не нападает уже помыслами, но говорит человеческим голосом: «Многих обольстил я и еще большее число низложил, но, в числе многих напад теперь на тебя и на труды твои, изнемог». Потом, когда Антоний спросил: «Кто же ты, обращающийся ко мне с такою речью?» – не таясь нимало, отвечал он жалобным голосом: «Я – друг блуда, обязан уловлять юных в блуд, производить в них блудные разжжения и называюсь духом блуда. Многих желавших жить целомудренно обольстил я: великое число воздержных довел до падения своими разжжениями. За меня и Пророк укоряет падших, говоря: *духом блужения прельстистесь* (Ос. 4, 12), потому что я был виновником их преткновения. Многократно смущал я и тебя, но всякий раз был низложен тобою». Антоний же, возблагодарив Господа, небоязненно сказал врагу: «Поэтому и достоин ты великого презрения. Ибо черен ты умом и бессилен, как отрок. У меня нет уже и заботы о тебе. *Господь мне помощник, и аз воззрю на враги моя* (Пс. 117, 7). Черный отрок, услышав это, немедленно с ужасом бежал от слов сих, боясь уже и приближаться к Антонию.

7. Такова была первая борьба Антония с диаволом; лучше же сказать, и это в Антонии было действием силы Спасителя, осудившего грех во плоти, да оправдание закона исполнится в нас, не по плоти ходящих, но по духу (Рим. 8, 3-4).

Но и Антоний не пришел в нерадение и небрежение о себе потому, что демон уже побежден. И враг не перестал расставлять ему сети, как побежденный, но снова ходил, как лев, ища удобного случая напасть на подвижника. Антоний же, зная из Писания, что много козней у врага (Еф. 6, 11), неослабно упражнялся в подвигах, рассуждая, что если враг и не мог обольстить сердца его плотским удовольствием, то, без сомнения, покусится уловить иным способом; потому что демон грехолюбив. Посему-то Антоний паче и паче умерщвлял и порабощал тело, чтобы, победив в одном, не уступить над собою победы в другом. Поэтому приемлет он намерение приобучить себя к более суровому житию, и многие приходили в удивление, видя труд его, а

он переносил его легко. Душевная его ревность своею долговременностью производила в нем добрый навык, и потому к чему хоть малый повод подавали ему другие, в том оказывал он великую тщательность. Столько неутомим был во бдении, что часто целую ночь проводил без сна и, повторяя это не раз, но многократно, возбуждал тем удивление. Пищу вкушал однажды в день по захождении солнца, иногда принимал ее и через два дня, а нередко и через четыре. Пищей же служили ему хлеб и соль, и питием – одна вода. О мясах и вине не нужно и говорить, потому что и у других рачительных подвижников едва ли встретишь что-либо подобное. Во время сна Антоний довольствовался рогожею, а большей частью возлегал на голой земле. Никак не соглашался умащать себя елеем, говоря, что юным всего приличнее быть ревностными к подвигу и не искать того, что расслабляет тело, но приучать его к трудам, содержа в мыслях апостольское изречение: *егда немощствую, тогда силен есмь* (2 Кор. 12, 10). Душевные силы, говаривал он, тогда бывают крепки, когда ослабевают телесные удовольствия.

Чудна подлинно и эта его мысль. Не временем, как полагал он, измерять должно путь добродетели и подвижническую ради нее жизнь, но желанием и произволением. По крайней мере, сам он не памятовал о прошедшем времени, но с каждым днем, как бы только полагая начало подвижничеству, прилагал вящий труд о преспеянии, непрестанно повторяя сам себе павлово изречение: *задняя забывая, в предняя же простираяся* (Флп. 3, 13) и также припоминая слова пророка Илии, который говорит: *жив Господь, Емуже предстою пред Ним днесь* (3 Цар. 18, 15). Ибо, по замечанию Антония, Пророк, говоря «днесь», не прошедшее измеряет время, но, как бы непрестанно полагая еще только начало, старается каждый день представить себя таким, каков должен быть являющийся пред Бога, то есть чист сердцем и готов повиноваться не другому кому, но Божией воле. И Антоний говаривал сам в себе, что в житии Илии, как в зеркале, подвижник должен всегда изучать собственную свою жизнь.

8. Так изнуряя себя, Антоний удалился в гробницы, бывшие далеко² от селения, и сделал поручение одному знакомому, чтобы по прошествии многих дней приносил ему хлеб; сам же, войдя в одну из гробниц и заключив за собою дверь, остался в ней один. Тогда враг, не стерпя сего, даже боясь, что Антоний в короткое время наполнит пустыню подвижничеством, приходит к

нему в одну ночь со множеством демонов и наносит ему столько ударов, что от боли остается он безгласно лежащим на земле; и, как сам Антоний уверял, весьма жестоки были его страдания, и удары, нанесенные людьми, не могли бы, по словам его, причинить такой боли. Но по Божию Промыслу (ибо Господь не оставляет без призрения уповающих на Него) на следующий день приходит тот знакомый, который приносил ему хлеб. Отворив дверь и видя, что Антоний лежит на земле, как мертвый, берет и переносит его в храм, бывший в селении, и полагает там на земле. Многие из сродников и из жителей селения окружили Антония, как мертвеца. Около же полуночи приходит в себя Антоний и, пробудившись, видит, что все спят; бодрствует же один его знакомый. Подозвав его к себе знаками, Антоний просит, чтобы, никого не разбудив, взял и перенес его опять в гробницу.

9. Так Антоний отнесен им и, когда по обычаю дверь была заперта, остается снова один в гробнице. От нанесенных ему ударов не в силах он еще стоять на ногах и молится лежа, по молитве же громко взывает: «Здесь я, Антоний, не бегая от ваших ударов. Если нанесете мне и еще большее число, ничто не отлучит меня от любви Христовой». Потом начинает петь: *еще ополчится на мя полк, не убоится сердце мое* (Пс. 26, 3).

Так думал и говорил подвижник. Ненавидящий же добро враг, дивясь, что Антоний осмелился прийти и после нанесенных ему ударов, сзывает псов своих и, разрываясь с досады, говорит: «Смотрите – ни духом блуда, ни ударами не усмирили мы его; напротив того, отваживается он противиться нам; нападём же на него иным образом». А диавол не затрудняется в способах изъяснить свою злобу. Так и теперь: ночью демоны производят такой гром, что по-видимому всё то место пришло в колебание, и, как бы разорив четыре стены антониева жилища, вторгаются, преобразившись в зверей и пресмыкающихся. Всё место мгновенно наполнилось призраками львов, медведей, леопардов, волков, змей, аспидов, скорпионов. Каждый из этих призраков действует соответственно наружному своему виду. Лев, готовясь напасть, рыкает; вол хочет по-видимому бодать; змея не перестает извиваться; волк напрягает силы броситься. И все эти привидения производят страшный шум, обнаряжают лютую ярость. Антоний, поражаемый и уязвляемый ими, чувствует ужасную телесную боль, но тем паче, бодрствуя душою, лежит без трепета и, хотя стонет от телесной боли, одна-

ко же, трезвясь умом и как бы посмеиваясь, говорит: «Ежели есть у вас сколько-нибудь силы, то достаточно было прийти и одному из вас. Но поелику Господь отнял у вас силу, то пытаетесь устрашить множеством. Но и то служит признаком вашей немощи, что обращаетесь в бессловесных». И еще с дерзновением присовокупляет: «Если можете и имеете надо мною власть, то не медлите и нападайте. А если не можете, то для чего мятетесь напрасно? Нам печатию и стеною ограждения служит вера в Господа нашего». Так демоны после многих покушений скрежетами только зубами на Антония, потому что более себя самих, нежели его, подвергали посмеянию.

10. Господь же не забыл при сем антониева подвига и пришел на помощь к подвижнику. Возведя взор, видит Антоний, что кровля над ним как бы раскрылась и нисходит к нему луч света. Демоны внезапно стали невидимы, телесная боль мгновенно прекратилась, жилище его оказалось ни в чем не поврежденным. И, ощутив эту помощь, вздохнув свободнее, чувствуя облегчение от страданий, обращается он с молитвою к явившемуся видению и говорит: «Где был Ты? Почему не явился вначале – прекратить мои мучения?» И был к нему голос: «Здесь пребывал Я, Антоний, но ждал, желая видеть твое ратоборство; и поелику устоял ты и не был побежден, то всегда буду твоим Помощником и сделаю именитым тебя всюду». Услышав это, Антоний восстает, и начинает молиться, и столько укрепляется, что чувствует в теле своем более сил, нежели сколько имел их прежде. Было же ему тогда около тридцати пяти лет.

11. В следующий день, вышедши из гробницы и исполнившись еще большей ревности к богочестию, приходит он к упомянутому выше древнему старцу и просит его жить с ним в пустыне. Поелику же старец отказался и по летам, и по непривычке к пустынной жизни, то Антоний немедля уходит один в гору. Но враг, видя опять его ревностное намерение и желая воспрепятствовать этому, в мечтании представляет ему лежащее на пути большое серебряное блюдо. Антоний, уразумев хитрость ненавистника добра, останавливается и, смотря на блюдо, обличает кроющегося в призраке диавола, говоря: «Откуда быть блюду в пустыне? Не большая это дорога, нет даже и следов проходившего здесь. Если бы блюдо упало, не могло бы оно утаиться, потому что велико; потерявший воротился бы и, поискав, непременно нашел бы его,

ибо место здесь пустынное. Дьявольская это хитрость. Но не воспрепятствуешь этим твердому моему намерению, диавол: блюдо сие с тобою да будет в погибель» (Деян. 8, 20). И когда Антоний сказал это, оно исчезло, как дым от лица огня (Пс. 67, 2).

12. Потом идет он далее и видит уже не призрак, но действительное золото, разбросанное на дороге. Врагом ли было оно положено или иною высшею силою, которая и подвижнику давала случай испытать себя, и диаволу показывала, что он вовсе не заботится об имуществе, – этого не сказывал и Антоний, и мы не знаем; известно же одно то, что видимое им было золото. Антоний, хотя дивится его множеству, однако же, перескочив, как через огонь, проходит мимо, не обращается назад и до того ускоряет свое шествие, что место это потерялось и скрылось из вида. Так более и более утверждаясь в исполнении своего намерения, стремился он на гору и, по другую сторону реки нашедши пустое огражденное место, от давнего запустения наполнившееся пресмыкающимися, переселяется туда и начинает там обитать. Пресмыкающиеся, как будто гонимые кем, тотчас удаляются. Антоний же, заградив вход и запасши на шесть месяцев хлебов (так запасают фивяне, и хлеб у них нередко в продолжение целого года сохраняется невредимым), воду же имея внутри ограды, как бы укрывшись в какое недоступное место, пребывает там один, и сам не выходя, и не видя никого из приходящих. Так подвизаясь, провел он долгое время, два раза только в год принимая хлебы через ограду.
13. Приходящие к нему знакомые, поелику не позволял им входить внутрь ограды, нередко дни и ночи проводили вне ее; и слышат они, что в ограде как бы целые толпы мнутяся, стучат, жалобно вопят и зывают: «Удались из наших мест; что тебе в этой пустыне? Не перенесешь наших козней». Стоящие вне подумали сначала, что с Антонием препираются какие-то люди, вошедшие к нему по лестницам; когда же, прикинув в одну скважину, не увидели никого, тогда, заключив, что это демоны, объятые страхом, сами начинают звать Антония. И он скорее услышал слова последних, нежели позаботился о демонских воплях. Подойдя к двери, умоляет пришедших удалиться и не бояться. «Демоны, – говорит он, – производят мечтания для устрашения боязливых. Посему запечатлейте себя крестным зна-

мением и идите назад смело, демонам же предоставьте делать из себя посмешище». И пришедшие, оградившись знамением креста, удаляются; а Антоний остается и не терпит нималого вреда от демонов, даже не утомляется в подвиге, потому что учашение бывших ему горних видений и немощь врагов доставляют ему великое облегчение в трудах и возбуждают усердие к большим трудам. Знакомые часто заходили к нему, думая найти его уже мертвым, но заставляли поющим: *да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его вси ненавидящии Его. Яко исчезает дым, да исчезнут: яко тает воск от лица огня, тако да погибнут грешницы от лица Божия* (Пс. 67, 2-3); и еще: *вси языцы обыдоша мя, и именем Господним противляхся им* (Пс. 117, 10).

14. Около двадцати лет провел так Антоний, подвизаясь в уединении, никуда не выходя, и во всё это время никем не видимый. После же того, поелику многие домогались и желали подражать его подвижнической жизни, некоторые же из знакомых пришли и силою разломали и отворили дверь, – исходит Антоний, как таинник и богоносец из некоего святилища, и приходящим к нему в первый раз показывается из своей ограды. И они, увидев Антония, исполняются удивления, что тело его сохранило прежний вид, не утучнело от недостатка движения, не иссохло от постов и борьбы с демонами. Антоний был таков же, каким знали его до отшельничества. В душе его та же была опять чистота нрава; ни скорбью не был он подавлен, ни пришел в восхищение от удовольствия; не предался ни смеху, ни грусти; не смутился, увидев толпу людей; не обрадовался, когда все стали его приветствовать, но пребыл равнодушным, потому что управлял им разум и ничто не могло вывести его из обыкновенного естественного состояния. Господь исцелил чрез него многих, бывших тут, страждущих телесными болезнями; иных освободил от бесов; даровал Антонию и благодать слова; утешил он многих скорбящих, примирил бывших в ссоре, внушая всем ничего в мире не предпочитать любви ко Христу и увещая содержать в памяти будущие блага и человеколюбие к нам Бога, *Иже Своего Сына не пощаде, но за нас всех предал есть Его* (Рим. 8, 32); убедил многих избрать иноческую жизнь; и таким образом, в горах явились, наконец, монастыри; пустыня населена иноками, оставившими свою собственность и вписавшимися в число жительствующих на небесах.

15. Когда настояла нужда переходить водопроводный ров в Арсеное и именно для посещения братии, а ров полон был крокодилов, – Антоний совершает только молитву, потом сам и все бывшие с ним входят в ров и переходят его невредимо. Возвратившись же в монастырь, упражняется он в прежних строгих трудах с юношескою бодростью и, часто беседуя, в уже монашесствующих увеличивает ревность, в других же, и весьма многих, возбуждает любовь к подвижничеству. И вскоре по силе удивительного слова его возникают многочисленные монастыри, и во всех них Антоний, как отец, делается руководителем.

16. В один день он выходит, собираются к нему все монахи и желают слышать от него слово; Антоний же египетским языком говорит им следующее:

«К научению достаточно и Писаний, однако же нам прилично утешать друг друга верою и умащать словом. Поэтому и вы, как дети, говорите отцу, что знаете; и я, как старший вас возрастом, сообщу вам, что знаю и что изведаль опытом.

Паче всего да будет у всех общее попечение о том, чтобы, начав, не ослабевать в деле, в трудах не унывать, не говорить: давно мы подвигаемся. Лучше, как начинающие только, будем с каждым днем приумножать свое усердие, потому что целая жизнь человеческая весьма коротка в сравнении с будущими веками; почему и всё время жизни нашей пред жизнью вечною ничто. И хотя каждая вещь в мире продается за должную цену и человек обменивает равное на равное, но обетование вечной жизни покупается за малую цену. Ибо написано: *дни лет наших в нихже семьдесят лет, аще же в силах, осмьдесят лет, и множае их труд и болезнь* (Пс. 89, 10). Посему, если и все восемьдесят, даже и сто лет, пребудем в подвиге, то царствовать будем не равное ста годам время, но вместо ста лет воцаримся на веки веков и, подвизавшись на земле, примем наследие не на земле, но по обетованиям имеем его на небесах; притом же, сложив с себя тленное тело, воспримем тело нетленное».

17. «Поэтому, дети, не будем унывать, что давно подвигаемся или что сделали мы что-либо великое. *Недостойны бо страсти нынешняго времени к хотящей славе явитися в нас* (Рим. 8, 18), и, взирая на мир, не будем думать, что отреклись мы от чего-либо великого. Ибо и вся земля эта очень мала пред целым небом. Поэтому, если бы мы были господами над всею землею и

отреклись от всей земли, то и это не было бы еще равноценно Небесному Царству. Как пренебрегающий одну драхму меди, чтобы приобрести сто драхм золота, так и тот, кто господин всей земли и отрекается от нее, оставляет малость и приемлет стократно большее. Если же вся земля не равноценна небесам, то оставляющий небольшие поля как бы ничего не оставляет. Если оставит он и дом или довольное количество золота, то не должен хвалиться или унывать.

Притом должны мы рассудить, что если и не оставим сего ради добродетели, то оставим впоследствии, когда умрем, и оставим, как часто бывает, кому не хотели бы, как напоминал об этом Екклесиаст (Еккл. 4, 8). Итак, почему же не оставить нам этого ради добродетели, чтобы наследовать за то Царство?

Поэтому никто из нас да не питает в себе пожелания приобрести. Ибо какая выгода приобрести то, чего не возьмем с собою? Не лучше ли приобрести нам то, что можем взять и с собою, как-то: благоразумие, справедливость, целомудрие, мужество, рассудительность, любовь, нищелюбие, веру во Христа, безгневие, страннолюбие? Эти приобретения уготовят нам пристанище в земле кротких прежде, нежели придем туда».

18. «Таковыми-то мыслями да убеждает себя каждый не лениться, наипаче же, если рассудит, что он Господень раб и обязан работать Владыке. Как раб не осмелится сказать: поелику работал я вчера, то не работаю сегодня; и, вычисляя протекшее время, не перестанет он трудиться в последующие дни, напротив же того: каждый день, по написанному в Евангелии, оказывает одинаковое усердие, чтобы угодить господину своему и не быть в беде, — так и мы каждый день станем пребывать в подвиге, зная, что, если один день вознерадим, Господь не простит нас за прошедшее время, но прогневается на нас за нерадение. Это мы слышим и у Иезекииля (Иезек. 18, 24-26). Так и Иуда за единую ночь погубил труд протекшего времени».

19. «Поэтому, дети, пребудем в подвиге и не предадимся унынию. Ибо в этом нам споспешник Господь, как написано: всякому, избравшему благое, Бог споспешествует во благое (Рим. 8, 28).

А для того, чтобы не лениться, хорошо содержать в мысли апостольское изречение: *по вся дни умираю* (1 Кор. 15, 31). Ибо если будем жить, как ежедневно готовящиеся умереть, то не согрешим. Сказанное же Апостолом имеет тот смысл, что мы каж-

дый день, пробуждаясь от сна, должны думать, что не доживем до вечера; и также, засыпая, должны представлять, что не пробудимся от сна; потому что мера жизни нашей нам неизвестна и каждый день измеряется Промыслом. А при таком образе мыслей, так живя каждый день, не будем мы ни грешить, ни питать в себе какого-либо пожелания, ни гневаться на кого-нибудь, ни собирать себе сокровища на земле; но, как ежедневно ожидающие смерти, будем нестяжательны и всякому станем всё прощать. Никак не дадим овладеть нами плотскому вожделению или другому нечистому удовольствию, будем же отвращаться сего, как преходящего, пребывая в непрестанном страхе и имея всегда пред очами день суда. Ибо сильный страх и опасение мучений уничтожает приятность удовольствия и восстанавливает клонящуюся к падению душу».

20. «Вступив на путь добродетели и начав шествие, тем паче напряжем силы простираться вперед; и никто да не обращается вспять, подобно жене Лотовой, особенно же внимая сказанному Господом: *никтоже возложь руку свою на рало, и зря вспять, управлен есть в Царствии Небесном* (Лк. 9, 62). Обратиться вспять не иное что значит, как сожалеть и думать снова о мирском.

Не приходите в страх, слыша о добродетели, не смущайтесь при ее имени. Она не далеко от нас, не вне нас образуется; дело ее в нас, и оно легко, если пожелаем только. Эллины, чтобы обучиться словесным наукам, предпринимают дальние путешествия, переплывают моря; а нам нет нужды ходить далеко ради Царствия Небесного или переплывать море ради добродетели. Господь еще прежде сказал: *Царствие Небесное внутри вас есть* (Лк. 17, 21). Поэтому добродетель имеет потребность в нашей только воле, потому что добродетель в нас и из нас образуется. Она образуется в душе, у которой разумные силы действуют согласно с ее естеством. А сего достигает душа, когда пребывает, какою сотворена; сотворена же она доброю и совершенно правою. Посему и Иисус Навин, заповедуя народу, сказал: *исправите сердце ваше к Господу Богу Израилеву* (Нав. 24, 23); и Иоанн говорит: *правы творите стези ваши* (Мф. 3, 3). Ибо душе быть правою значит разумной ее силе быть в таком согласии с естеством, в каком она создана. Когда уклоняется душа и делается несообразною с естеством, тогда называется это пороком души. Итак, это дело не трудно. Если пребываем,

какими созданы, то мы добродетельны. Если же рассуждаем худо, то осуждаемся как порочные. Если бы добродетель была чем-либо приобретаемым отвне, то, без сомнения, трудно было бы стать добродетельным. Если же она в нас, то будем охранять себя от нечистых помыслов и соблюдаем Господу душу, как принятый от Него залог, чтобы признал Он в ней творение Свое, когда душа точно такова, какую сотворил ее Бог».

21. «Будем же домогаться, чтобы не властвовала над нами раздражительность и не преобладала нами похоть; ибо написано: *гнев мужа правды Божия не соделоваает. Похоть же зачещи раждаает грех, грех же содеян раждаает смерть* (Иак. 1; 20, 15).

А при таком образе жизни будем постоянно трезвиться и, как написано, *всяцем хранением блюсти сердце* (Притч. 4, 23). Ибо имеем у себя страшных и коварных врагов, лукавых демонов; с ними у нас брань, как сказал Апостол: *несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем, и к міродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным* (Еф. 6, 12). Великое их множество в окружающем нас воздухе, и они недалеко от нас. Великая же есть между ними разность, и о свойствах их и о разностях продолжительно может быть слово; но такое рассуждение пусть будет предоставлено другим, которые выше нас; теперь же настает крайняя нам нужда узнать только козни их против нас».

22. «Итак, во-первых, знаем, что демоны называются так не потому, что такими сотворены. Бог не творил ничего злого. Напротив того, и они созданы были добрыми; но, ниспав с высоты небесного разумения и вращаясь уже около земли, как язычников обольщали мечтаниями, так и нам, христианам, завидуя, всё приводят в движение, желая воспрепятствовать нашему восхождению на небеса, чтобы нам не взойти туда, откуда ниспали они.

Посему потребны нам усиленная молитва и подвиги, чтобы, прияв от Духа дарование *разсуждения духовом* (1 Кор. 12, 10), можно было человеку узнать о демонах, которые из них менее худы и которые хуже других, какой цели старается достигнуть каждый из них и как можно низложить и изгнать каждого. Ибо много у них ухищрений и злокозненных устремлений. Блаженному Апостолу и последователям его известны были козни сии, и они говорят: *не неразумевает умышлений его* (2 Кор. 2, 11).

А мы, сколько опытом извели о сих кознях, столько обязаны предохранять от них друг друга. Приобретя отчасти опытное о них ведение, сообщая это вам, как детям».

23. «Итак, демоны всякому христианину, наипаче же монаху, как скоро увидят, что он трудолюбив и преуспевает, прежде всего предприимлют и покушаются положить на пути соблазны. Соблазны же их суть лукавые помыслы. Но мы не должны уstraшаться таковых внушений. Молитвою, постами и верою в Господа враги немедленно низлагаются. Впрочем, и по низложении они не успокаиваются, но вскоре снова наступают коварно и с хитростию. И когда не могут обольстить сердце явным и нечистым сластолюбием, тогда снова нападают иным образом и стараются уже уstrашить мечтательными привидениями, претворяясь в разные виды и принимая на себя подобия женщин, зверей, пресмыкающихся, великанов, множества воинов. Но и в таком случае не должно приходить в боязнь от этих привидений, потому что они суть ничто и скоро исчезают, особливо, если кто оградит себя верою и крестным знамением. Впрочем, демоны дерзки и крайне бесстыдны. Если и в этом бывают они побеждены, то нападают иным еще способом: принимают на себя вид прорицателей, предсказывают, что будет чрез несколько времени; представляются или высокорослыми, достающими головою до кровли, или имеющими чрезмерную толстоту, чтобы тех, кого не могли обольстить помыслами, уловить такими призраками. Если же и в этом случае найдут, что душа ограждена сердечною верою и упованием, то приводят уже с собою князя своего».

24. И Антоний сказывал, что «нередко видел он демонов такими, каким Господь изобразил диавола в откровении Иову, говоря: *очи его видение денницы. Из уст его исходят аки свечи горящия, и размещутся аки искры огненнии: из ноздрей его исходит дым печи горящия огнем угля; душа его яко углие, и яко пламы из уст его исходят* (Иов. 41, 9-11). Таким являясь, демонский князь уstrашает, по сказанному выше, коварным своим велеречием, как еще обличил его Господь, сказав Иову: *вменяет железо аки плевые, мед же аки древо гнило; мнит же море яко мироварницу, и тартар бездны якоже пленника; вменил бездну в прохождение* (Иов. 41; 18, 22-23); и еще, говоря чрез Пророка: *рече враг: гнав постигну* (Исх. 15, 9); и также чрез другого Пророка: *вселенную всю обхвиму рукою моею яко гнездо, и яко оставленная яйца возму* (Ис. 10, 14).

Так вообще стараются величаться демоны и дают подобные обещания, чтобы обольстить богочестивых. Но мы, верные, и в этом также случае не должны страшиться производимых врагом привидений и обращать внимание на слова его, потому что диавол лжет и вовсе не говорит ничего истинного. И действительно, его-то, изрекающего столько подобных дерзостей, Спаситель, как змия, *извлек удицею*; ему-то, как व्यюнному животному, *обложил узду о ноздрях его*, ему-то, как беглецу, *вдел кольцо в ноздри его, и шилом повертел устне его, и яко врабия* связал его Господь, чтобы мы надругались над ним (Иов. 40; 20-21, 24). Диавол и все с ним демоны низложены пред нами, чтоб, как на змей и на скорпионов, наступать на них нам, христианам (Лк. 10, 19). Доказательством же сему служит то, что живем мы ныне по правилам, противным ему. И вот, дающий обещание истребить море и объять вселенную не в силах ныне воспрепятствовать вашим подвигам и даже остановить меня, который говорю против него. Поэтому не будем обращать внимания, что ни говорил бы он, потому что лжет он. Не убоимся его привидений, потому что и они лживы. Видимый в них свет не есть свет действительный; вернее же сказать, что демоны носят в себе начаток и образ уготованного им огня. В чем будут они гореть, тем и покушаются устрашать людей. Внезапно являются, но немедленно также и исчезают, не причиняя вреда никому из верующих, нося же с собою подобие того огня, который примет их в себя. Посему и в этом отношении не должно их бояться, потому что все их предначинания по благодати Христовой обращаются в ничто».

25. «Они коварны и готовы во всё превращаться, принимать на себя всякие виды. Нередко, будучи сами невидимы, представляются они поющими псалмы, припоминают изречения из Писаний. Иногда, если занимаемся чтением, и они немедленно, подобно эху, повторяют то же, что мы читаем; а если спим, пробуждают нас на молитву и делают это так часто, что не дают почти нам и уснуть. Иногда, приняв на себя монашеский образ, представляются благоговейными собеседниками, чтобы обмануть подобием образа и обольщенных ими вовлечь уже, во что хотят. Но не надобно слушать их, пробуждают ли они на молитву, или советуют вовсе не принимать пищи, или представляются осуждающими и укоряющими нас за то самое, в чем прежде были с нами согласны. Ибо не из благоговения и не ради истины

делают это, но чтобы неопытных ввергнуть в отчаяние. Подвижничество представляют они бесполезным, возбуждают в людях отвращение от монашеской жизни, как самой тяжелой и обременительной, и препятствуют вести этот, противный им, образ жизни».

26. «И посланный Господом Пророк возвестил окаянство таких, сказав: *горе напаяющему подруга своего развращением мутным* (Авв. 2, 15). Такие предначинания и помышления со-вращают с пути, ведущего к добродетели.

И Сам Господь даже говорившим правду демонам (ибо справедливо они говорили: *Ты еси Сын Божий*, – Лк. 4, 41) повелевал молчать и воспрещал говорить, чтобы вместе с истиною не посеяли они собственной злобы своей, а также чтобы приобучились и мы никогда не слушать их, хотя бы по-видимому говорили они и истину. Нам, имеющим у себя Святые Писания и свободу, дарованную Спасителем, неприлично учиться у диавола, который не соблюл своего чина и изменился в мыслях своих. Посему-то Господь запрещает ему произносить изречения Писания: *грешнику же рече Бог: вскую ты поведаеши оправдания Моя, и восприемлещи завет Мой усты твоими?* (Пс. 49, 16.)

Демоны всё делают, говорят, шумят, притворяются, производят мятежи и смятения к обольщению неопытных, стучат, безумно смеются, свистят; а если кто не обращает на них внимания, плачут и проливают уже слезы, как побежденные».

27. «Господь, как Бог, налагал молчание на демонов; так нам, научившись у святых, прилично поступать подобно им и подражать их мужеству. А они, смотря на сие, говорили: *всегда востати грешному предо мною, онемех, и смирихся, и умолчах от благ* (Пс. 38, 2-3); и еще: *аз же яко глух не слышах, и яко нем не отверзая уст своих; и бых яко человек не слышай* (Пс. 37, 14). Так и мы не будем слушать демонов, как чуждых нам; не станем повиноваться им, хотя бы пробуждали нас на молитву, хотя бы говорили о посте; будем же более внимательны к предпринятому нами подвижничеству, чтобы не обольстили нас демоны, делающие всё с хитростию. Но не должно нам и бояться демонов, хотя по-видимому нападают на нас, даже угрожают нам смертию; потому что они бессильны и не могут ничего более сделать, как только угрожать».

28. «Почему, хотя коснулся уже я сего мимоходом, однако же теперь не поленюсь сказать о том же пространнее. Такое напоминание послужит к вашей безопасности. По пришествии Господа враг пал, и силы его изнемогли. Посему, хотя ничего не может он сделать, однако же, как мучитель, по падении своем не остается в покое, но угрожает, хотя только словом.

Пусть же каждый из вас рассудит и сие и тогда в состоянии будет презирать демонов. Если бы демоны обложены были такими же телами, какими обложены мы, то могли бы они сказать: людей укрывающихся мы не находим, а найденным причиняем вред. Тогда и мы могли бы укрыться и утаиться от них, заперев двери. Но они не таковы: могут входить и в запертые двери; и все демоны, а первый из них диавол, носятся по всему воздуху; притом они зложелательны, готовы вредить, и, как сказал Спаситель, отец злобы диавол есть *человекоубийца искони* (Ин. 8, 44). Между тем мы живы еще и даже ведем образ жизни, противный диаволу. Итак, явно, что демоны не имеют никакой силы. И место не препятствует им делать зло, и в нас видят они не друзей своих, которых стали бы щадить, и сами не такие любители добра, которые могли бы исправиться; но напротив того, они лукавы, о том единственно заботятся, чтобы любителям добродетели и богочестивым делать вред; однако же поелику ничего не в силах сделать, то и не делают вреда, а только угрожают. Но если бы они были в силах, то не стали бы медлить, но тотчас сделали бы зло, имея готовое на то произволение, особливо же сделали бы зло нам. Но вот, сошедшись, теперь говорим мы против них, и знают они, что по мере нашего преуспеяния сами изнемогают; поэтому если бы у них была власть, то не оставили бы в живых никого из христиан, потому что *мерзость грешнику богочестие* (Сир. 1, 25). Поелику же ничего не в состоянии они сделать, то они паче уязвляются тем, что не могут исполнить угроз своих.

Притом чтобы не бояться нам демонов, надобно рассудить и следующее. Если бы было у них могущество, то не приходили бы толпою, не производили бы мечтаний и не принимали бы на себя различных образов, когда строят козни; но достаточно было бы прийти только одному и делать, что может и хочет, тем более, что всякий имеющий власть не привидениями поражает, не множеством устрашает, но немедленно пользуется своею властью, как хочет. Демоны же, не имея никакой силы,

как бы забавляются на зрелище, меняя личины и страшая детей множеством привидений и призраков. Посему-то наипаче и должно их презирать, как бессильных. Истинному Ангелу, посланному Господом на ассириян, не было нужды во множестве, в наружном призраке, в громе и треске; напротив того, в тишине показал он власть свою и мгновенно истребил сто восемьдесят пять тысяч. Не имеющие же никакой силы демоны, каковы с нами препирающиеся, покушаются устроить хотя мечтаниями».

29. «Если кто приведет себе на мысль бывшее с Иовом и скажет: почему же диавол пришел, и сделал с ним всё, и имущества лишил его, и детей его умертвил, и самого поразил *гноем лютым* (Иов. 1, 15-22; 2, 1-7), – то да знает таковой, что не от силы диавола это зависело, но от того, что Бог предал ему Иова на искушение; диавол же, конечно, не в силах был ничего сделать, потому просил и, получив дозволение, сделал. А поэтому тем паче достоин презрения враг, который, хотя и желал, однако же не в силах был ничего сделать даже одному праведнику. Ибо если бы имел на это силу, то не стал бы просить. Поелику же просил, и просил не однажды, но двукратно, то оказывается немощным и вовсе бессильным. И неудивительно, что не в силах был что-либо сделать с Иовом, когда не мог погубить и скота его, если бы не попустил ему Бог. Даже над свиньями не имеет власти диавол. Ибо, как написано в Евангелии, демоны просили Господа, говоря: *повели нам ити в свиней* (Мф. 8, 31). Если же не имеют власти над свиньями, тем паче не имеют над человеком, созданным по образу Божию».

30. «Посему должно бояться только Бога, а демонов презирать и нимало не страшиться их. Даже чем больше страхов производят они, тем сильнее будем подвизаться против них. Ибо сильное на них орудие – правая жизнь и вера в Бога. Боятся они подвижнического поста, бдения, молитв, кротости, безмолвия, несребролюбия, нетщеславия, смиренномудрия, нищелюбия, милостынь, безгневия, преимущественно же благочестивой веры во Христа. Посему-то и употребляют все меры, чтобы не было кому попираť их. Знают они, какую благодать против них дал верующим Спаситель, Который сказал: *се даю вам власть наступати на змию, и на скорпию, и на всю силу вражю*» (Лк. 10, 19).

31. «Поэтому, если выдают они себя за предсказателей, никто да не прилепляется к ним. Нередко сказывают они за несколько дней, что придут братия, и те действительно приходят. Делают же это демоны не по заботливости о внимающих им, но чтобы возбудить в них веру к себе, и потом, подчинив уже их себе, погубить. Посему не должно слушать демонов, а надобно возражать на слова их, что не имеем в них нужды. Ибо что удивительного, если кто, имея тело, тончайшее тела человеческого, и увидев вступивших в путь, предваряет их в шествии и извещает о них? То же предсказывает и сидящий на коне, предварив идущего пешком. Посему и в этом не надобно удивляться демонам. Они не имеют предведения о том, чего еще нет. Единый Бог есть *ведый вся прежде бытия их* (Дан. 13, 42). Демоны же, как тати, забежав наперед, что видят, о том и извещают. И теперь о том, что делается у нас, как сошлись мы и беседуем о них, дадут они знать многим, прежде нежели кто-либо из нас уйдет отсюда и расскажет о том. Но то же может сделать и какой-нибудь резво бегающий отрок, предварив ходящего медленно. И я именно сказываю. Если намеревается кто идти из Фиваиды или из другой какой страны, то прежде, нежели вступил он в путь, демоны не знают, пойдет ли; но как скоро видят идущего, забегают вперед и прежде, нежели он пришел, извещают о нем; и, таким образом, идущие чрез несколько дней действительно приходят. Нередко же случается отправившимся в путь возвратиться назад, и тогда демоны оказываются лжецами».

32. «Так, иногда велеречиво объявляют они о воде в реке Ниле, увидев, что много было дождей в странах эфиопских, и зная, что от них бывает наводнение в реке; прежде нежели вода придет в Египет, прибегают туда и предсказывают. Но то же сказали бы и люди, если бы могли так скоро переходить с места на место, как демоны. И как страж Давидов, взошедши на высоту, прежде, нежели бывший внизу, увидел бегущего, и шедший вперед прежде, нежели другие, сказал не о чем-либо еще не совершившемся, но о том, что уже было и о чем известие уже приближалось (2 Цар. 18, 24-26), – так и демоны принимают на себя труд и дают знать другим, чтобы только обольстить их. Если же Промыслу угодно будет в это время с водами или с путешествующими сделать что-либо иное (потому что и это возможно), то демоны окажутся лжецами и послушавшие их будут обмануты».

33. «Так произошли языческие прорицалища, так издавна люди вводимы были в заблуждение демонами. Но обольщение это, наконец, прекратилось. Ибо пришел Господь и привел в бездействие демонов и коварство их. Они ничего не знают сами собою, но, как тати, что видят у других, то и разглашают; и более угадывают, нежели знают по предведению. Посему, если предсказывают и правду, никто да не дивится им в этом. Ибо и врачи, опытом дознавшие свойства болезней, как скоро видят ту же болезнь в других, нередко, угадывая по навыку, предсказывают. Также кормчие и земледельцы, смотря на состояние воздуха, по навыку предсказывают или непогоду, или благорастворение воздуха. И никто не скажет поэтому, что предсказывают они по Божию внушению, а не по опыту и навыку. Посему, если и демоны, иногда угадывая, предсказывают также, то никто да не дивится им в этом и не слушает их.

И какая польза слушающим демонов заранее узнать от них будущее? Или какая важность в таком предведении, хотя бы узнали мы и правду? Это не составляет добродетели и, без сомнения, не служит доказательством добрых нравов. Никто из нас не осуждается за то, что не знал, и никто не ублажается за то, что приобрел сведение и узнал; но каждый подлежит суду в том, соблюл ли веру, искренно ли сохранил заповеди».

34. «Посему должно невысоко ценить такое предведение, подвизаться и трудиться не для того, чтобы предузнавать, но чтобы доброю жизнью угодить Богу. Надобно и молиться не о том, чтобы иметь предведение, и не этой награды просить за подвиги, но просить Господа, чтобы он споспешествовал нам в победе над диаволом.

Если же когда важно для нас иметь предведение, то чистым будем хранить ум. Ибо уверен я, что душа во всем чистая и верная своей природе, соделавшись прозорливою, может видеть больше и дальше, нежели демоны, потому что от Господа дается ей откровение. Такова была душа Елиссея, видевшая, что сделано было Пезием (4 Цар. 5, 26), и узревшая охраняющие ее силы» (4 Цар. 6, 16-17).

35. «Посему, когда демоны приходят к вам ночью, хотят возвестить будущее или говорят: «Мы – ангелы», – не внимайте им, потому что лгут. Если будут они хвалить ваше подвижничество и ублажать вас, не слушайте их и нимало не сближайтесь с

ними, лучше же себя и дом свой запечатлейте крестом и помолитесь. Тогда увидите, что они сделаются невидимыми, потому что боязливы и особенно страшатся знамения Креста Господня. Ибо, Крестом отъяв у них силу, посрамил их Спаситель.

Если же будут упорствовать, издеваясь и принимая на себя разные виды, – не приходите в боязнь, не ужасайтесь, не внимайте им, как духам добрым. Ибо при Божией помощи возможно и нетрудно распознавать присутствие Ангелов добрых и злых.

Видение святых бывает невозмутительно. Не будут они ни спорить, ни вопиять, *ниже услышит кто гласа их* (Ис. 42, 2). Являются они безмолвно и кротко, почему в душе немедленно рождаются радость, веселие и дерзновение; потому что со святыми Господь, Который есть наша радость и Сила Бога Отца. Душевные помыслы пребывают невозмутимыми и неволненными, и душа, озаряемая видением, созерцает явившихся. В ней возникает желание Божественных и будущих благ и, конечно, возжелает она быть в соединении со святыми и отойти с ними. Если же иные, как люди, приводятся в страх видением добрых Ангелов, то явившиеся в то же мгновение уничтожают этот страх своею любовью, как поступили Гавриил с Захариею (Лк. 1, 13), и Ангел, явившийся женам во гробе Господнем (Мф. 28, 5), и еще Ангел, упоминаемый в Евангелии и сказавший пастырям: *не бойтесь* (Лк. 2, 10). Ощущается же страх не от душевной боязни, но от сознания присутствия высших сил. Таково видение святых».

36. «А нашествие и видение духов злых бывает возмутительно, с шумом, гласами и воплями, подобно буйному движению худо воспитанных молодых людей или разбойников. От сего в душе немедленно происходят боязнь, смятение, беспорядок помыслов, грусть, ненависть к подвижникам, уныние, печаль, воспоминание о сродниках, страх смертный и, наконец – худое пожелание, нерадение о добродетели, нравственное расстройство.

Поэтому, если, увидев явившегося, приходите в страх, но страх ваш немедленно уничтожен, и вместо него происходят в вас неизглаголанная радость, благодушие, дерзновение, воодушевление, невозмутимость помыслов и всё прочее, сказанное выше: мужество, любовь к Богу, – то не теряйте упования и молитесь. Ибо радость и благоустроенность души показывает святость явившегося. Так Авраам, увидев Господа, *возрадовался* (Ин. 8, 56), и Иоанн от гласа Богородицы Марии *взыгрался радощами* (Лк. 1, 44). А если чье явление сопровож-

дают смятение, внешний шум и мирская пышность, угроза смертью и всё, сказанное выше, то знайте, что это – нашествие злых ангелов».

37. «Да служит вам и то еще признаком: когда душа продолжает ощущать боязнь, – явившийся есть враг, потому что демоны не уничтожают боязни, как в Марии и Захарии – великий Архангел Гавриил, и в женах явившийся во гробе Ангел. Напротив того, демоны, когда видят людей в боязни, тем паче умножают призраки, чтобы привести их в больший ужас, и, наступая, уже ругаются, говоря: *падше поклонитесь* (Мф. 4, 9). Так обольщали они язычников, и те лжеименно признавали их богами.

Но нас не оставил Господь быть в обольщении от диавола, когда, запрещая ему производить такие призраки, сказал: *иди за мною, сатано. Писано бо есть: Господу Богу твоему поклониши, и Тому единому послужиши* (Мф. 4, 10). Посему паче и паче да будет за сие презираем нами этот коварный. Что сказал ему Господь, то сказал ради нас, чтобы демоны, слыша и от нас подобное сему, обращались в бегство ради Господа, воспретившего им это».

38. «Но не должно хвалиться силою изгонять бесов и превозноситься даром исцелений; не должно дивиться тому только, кто изгоняет бесов, и уничижать того, кто не изгоняет. Пусть каждый поучается подвижничеству другого; пусть или подражает и соревнует ему, или исправляет его. Творить знамения не от нас зависит, но есть дело Спасителя. Он сказал ученикам: *не радуйтесь, яко дуси вам повинуются, но яко имена ваша написана суть на небесех* (Лк. 10, 20). То, что имена написаны на небе, свидетельствует о нашей добродетели и жизни; а изгонять бесов есть благодать даровавшего Спасителя. Посему хвалившимся не добродетелию, но знамениями и говорившим: *Господи, не Твоим ли именем бесы изгонихом, и Твоим именем силы многи сотворихом*, – отвечал Господь: *аминь глаголю вам, не вем вас* (Мф. 7, 22-23. Лк. 13, 27). Ибо Господь не ведает путей нечестивых.

Сверх же всего, как сказал я и выше, должно молиться о том, чтобы приять дарование различения духов, чтобы, по написанному, не всякому духу верить» (1 Ин. 4, 1).

39. «Намеревался было я смолчать и ничего не говорить от себя, удовольствовавшись одним сказанным, но чтобы не подумали вы, будто бы говорю это просто, а напротив того – уверились,

что сказываю вам изведенную по опыту и сущую правду, хотя поступаю, как несмысленный, однако же поелику внемлющий сему Господь знает чистоту моей совести, знает, что делаю это не ради себя, но ради вашей любви и для вашего вразумления, то скажу еще то, что дознал я о демонских начинаниях. Много раз ублажали меня демоны, а я заклинал их именем Господним. Много раз предсказывали они мне о разливе реки, а я спрашивал их: вам какое до сего дело? Иногда приходили с угрозами и окружали меня, как вооруженные воины. В иное время наполняли дом конями, зверями и пресмыкающимися, а я воспевал: *сии на колесницах, и сии на конех: мы же во имя Господа Бога нашего возвеличимся* (Пс. 19, 8), и по молитвам Господь обращал их в бегство. Иногда приходили во тьме, имея призрак света, и говорили: мы пришли озарить тебя, Антоний; но я, смежив глаза, молился, и тотчас угасал свет нечестивых. Чрез несколько месяцев пришли, и будто воспевали псалмы, и произносили места из Писаний; *аз же яко глух не слышах* (Пс. 37, 14). Иногда приводили в колебание монастырь, но я молился, пребывая неподвижен мыслию. После сего еще пришли и стали рукоплескать, свистеть, плясать; но я молился и лежа пел сам в себе псалмы. Вскоре начали они плакать и рыдать, как изнемогшие, а я прославлял Господа, сокрушившего и посрамившего их дерзость и безумие».

40. «Однажды явился с многочисленным сопровождением демон, весьма высокий ростом, и осмелился сказать: я – Божия сила, я – Промысл, чего хочешь, всё дарую тебе.

Тогда дунул я на него, произнеся имя Христово, занес руку ударить его и, как показалось, ударил; и при имени Христовом тотчас исчез великан этот со всеми его демонами. Однажды, когда я постился, пришел этот коварный в виде монаха, имея у себя призрак хлеба, и давал мне такой совет: ешь и отдохни после многих трудов, и ты – человек, можешь занемочь. Но я, уразумев козни его, восстал на молитву, и демон не стерпел сего, скрылся и, исшедши в дверь, исчез, как дым. Много раз в пустыне мечтательно показывал мне враг золото, чтобы только прикоснулся я к нему и взглянул на него, но я отражал врага пением псалмов, и он исчезал. Часто демоны наносили мне удары, но я говорил: ничто не отлучит меня от любви Христовой. И после сего начинали они наносить сильнейшие удары друг другу. Впрочем, не я удерживал и приводил их в бездействие, но Господь, Который

сказал: *видех сатану, яко молнию с небесе спадша* (Лк. 10, 18). А я, дети, помня изречение апостольское, *преобразих то на себе* (1 Кор. 4, 6), да научитесь не унывать в подвижничестве и не страшиться привидений диавола и демонов его».

41. «Поелику же стал я столько несмыслен, что рассказываю о сем, то для собственной вашей безопасности и небоязненности примите от меня и следующее и поверьте мне, потому что не лгу. Однажды кто-то в монастыре постучался ко мне в дверь. И, вышедши, увидел я какого-то явившегося огромного великана. Потом, когда спросил я: кто ты? – он отвечал: я – сатана.

После сего на вопрос мой: для чего же ты здесь? – сказал он: почему напрасно порицают меня монахи и все прочие христиане? Почему ежечасно проклинают меня?

И на слова мои: а ты для чего смущаешь их? – ответил: не я смущаю их, они сами себя возмущают, а я стал немощен. Разве не читали они: *врагу оскудеша оружия в конец, и грады разрушил еси* (Пс. 9, 7)? Нет уже мне и места, не имею ни стрел, ни города. Везде христиане: и пустыня, наконец, наполняется монахами. Пусть же соблюдают сами себя и не проклинают меня напрасно. Тогда, подивившись благодати Господней, сказал я ему: всегда ты лжешь и никогда не говоришь правды, однако же теперь и против воли сказал ты это справедливо. Ибо Христос, пришедши, соделал тебя немощным и, низложив, лишил тебя всего.

Услышав имя Спасителя и не терпя палящей силы его, диавол стал невидим».

42. «Итак, если сам диавол сознаётся в своем бессилии, то, конечно, должны мы презирать и его, и демонов его. У врага и у псов его много хитростей, но мы, узнав немощь их, можем презирать их. А таким образом, не будем упадать духом, питать в душе боязни, не станем сами для себя выдумывать побуждений к страху, говоря: не пришел бы демон и не поколебал бы меня; не восхитил бы он меня и не низринул бы; или не напал бы внезапно и не привел бы в смятение.

Вовсе не будем давать в себе места таким мыслям и скорбеть, как погибающие. Паче же будем благодушествовать и радоваться всегда, как спасаемые; будем содержать в мысли, что с нами Господь, Который низложил и привел в бездействие демонов. Будем представлять и помышлять всегда, что, поелику с нами Господь, то ничего не делают нам враги.

Они какими нас находят, приходя к нам, такими и сами делаются в отношении к нам; и какие мысли в нас находят, такие и привидения представляют нам. Поэтому если найдут нас боязливыми и смущенными, то немедленно нападают, как разбойники, нашедшие неохраняемое место, и что сами в себе думаем, то и производят в большем виде. Если видят нас страшливыми и боязливыми, то еще больше увеличивают боязнь привидениями и угрозами, и наконец – бедная душа мучится тем. Но если найдут нас радующимися о Господе и помышляющими о будущих благах, содержащими в мыслях дела Господни и рассуждающими, что всё в руке Господней, что демон не в силах побороть христианина и вообще ни над кем не имеет власти, то, видя душу, подкрепляемую такими мыслями, демоны со стыдом обращаются вспять. Так, враг, видя Иова огражденным, удалился от него; но сделал пленником своим Иуду, нашедши, что он лишен такой защиты.

Посему, если хотим презирать врага, то будем всегда помышлять о делах Господних. Душа постоянно да радуется в уповании; и увидим, что демонские игралища то же, что дым, что демоны, скорее, сами побегут, нежели нас будут преследовать; потому что они, по сказанному прежде, крайне боязливы, ожидая уготованного им огня».

- 43.** «А для небоязненности своей пред демонами делайте такое испытание. Когда бывает какое-либо привидение, не впадай в боязнь, но каково бы ни было это привидение, прежде всего смело спроси: кто ты и откуда?

И если это будет явление святых, то они удостоверят тебя и страх твой претворят в радость. А если это диавольское привидение, – оно тотчас утратит силу, как скоро мысль твоя тверда. Ибо признак невозмущаемого духа при всяком случае спрашивать: кто ты и откуда? Так спросил сын Навин и узнал, Кто был Явившийся (Нав. 5, 13). Так враг не утаился от вопросившего Даниила» (Дан. 10, 11-21).

- 44.** Когда беседовал так Антоний, все тому радовались: в одних возрастала любовь к добродетели, в других искоренялось нерадение, в иных прекращалось самомнение; все же, дивясь данной от Господа Антонию благодати к различению духов, убеждались в том, что должно презирать демонские наветы.

Монастыри в горах подобны были скиниям, наполненным божественными ликами псалмопевцев, любителей учения, постников, молитвенников, которых радовало упование будущих благ и которые занимались рукоделиями для подаяния милостыни, имели между собою взаимную любовь и согласие. Подлинно представлялась там как бы особая некая область богочестия и правды. Не было там ни притеснителя, ни притесненного, не было укоризн от сборщика податей, подвижников было много, но у всех одна мысль – подвизаться в добродетели. А потому, кто видел эти монастыри и такое благочиние иноков, тот должен был снова воскликнуть и сказать: *коль добри доми твои, Иакове, и кущи твоя, Израилю! Яко дубравы осеняющие, и яко сад при реце, и яко кущи, яже водрузи Господь, и яко кедри при водах* (Числ. 24, 5-6).

45. А сам Антоний, по обычаю уединяясь особо в монастыре своем, усиливал подвиги и ежедневно вздыхал, помышляя о небесных обителях, вождевая их и обращая взор на кратковременность человеческой жизни. Когда хотел вкушать пищу, ложился спать, приступал к исполнению других телесных потребностей – чувствовал он стыд, представляя себе разумность души. Нередко, со многими другими иноками приступая к вкушению пищи и вспомнив о пище духовной, отказывался от вкушения и уходил от них далеко, почитая для себя за стыд, если увидят другие, что он ест. По необходимому же требованию тела вкушал пищу, но особо, а нередко и вместе с братиею, сколько стыдясь их, столько уповая предложить им слово на пользу.

Он говаривал: *«Всё попечение прилагать надобно более о душе, а не о теле, и телу уступать по необходимости малое время, всё же остальное посвящать наипаче душе и искать ее пользы, чтобы не увлекалась она телесными удовольствиями, но паче ей поработалось тело. Это-то и значит сказанное Спасителем: не печетесь душою вашею, что ясте, ни телом, во что облечетесь (Мф. 6, 25). И вы не ищите, что ясте или что пите: и не возноситея. Всех бо сих языцы мира ищут: ваш же Отец весть, яко требуете сих всех. Обаче ищите прежде всего Царствия Его, и сия вся приложатся вам»* (Лк. 12, 29-31).

46. Посем постигло Церковь бывшее в то время максиминово гонение. И когда святые мученики ведены были в Александрию, последовал за ними и Антоний, оставив свой монастырь и гово-

ря: «Пойдем и мы, чтобы или подвизаться, если будем призваны, или видеть подвизающихся». Было у него желание принять мученичество, но, не хотя предать сам себя, прислуживал он исповедникам в рудокопнях и в темницах. Много было у него попечения: позванных в судилище подвижников поощрять к ревности, и принимать участие в тех, которые вступили в мученический подвиг, и сопровождать их до самой кончины. Судия, видя бесстрашие Антония и бывших с ним и их попечительность, приказал, чтобы никто из иноков не показывался в судилище и чтобы вовсе не оставались они в городе. Все прочие в этот день почли за лучшее скрываться. Антоний же столько озаботился, что даже вымыл верхнюю свою одежду, и на следующий день, став впереди всех на высоком месте, явился пред игемоном в чистой одежде. Когда все дивились сему (даже видел его и игефон и со своими воинами проходил мимо него), стоял он бестрепетный, показывая тем христианскую нашу ревность. Ибо, как сказал уже я, ему желательно было стать мучеником. И сам он, казалось, печалился о том, что не сподобился мученичества, но Господь хранил его на пользу нам и другим, чтобы соделаться ему учителем многих в подвижнической жизни, какой научился он из Писаний. Ибо многие, взирая только на образ его жизни, потщились стать ревнителями его жития. Итак, снова стал он по обычаю прислуживать исповедникам и, как бы связанный вместе с ними, трудился в служении им.

47. А когда гонение уже прекратилось и приял мученичество блаженной памяти епископ Петр, тогда Антоний оставил Александрию и уединился снова в монастыре своем, где ежедневно был мучеником в совести своей и подвизался в подвигах веры. Труды его многочисленны и велики: непрестанно постился он, одежду нижнюю (волосяную) и верхнюю (кожаную) соблюдал до самой кончины, не смывал водою нечистот с тела, никогда не обмывал себе ног, даже и просто не погружал их в воду, кроме крайней необходимости. Никто не видел его раздетым, никто не мог видеть обнаженного антониева тела до того времени, как Антоний скончался и стали предавать его погребению.

48. Когда пребывал он в уединении и решил проводить время, и сам не выходя, и к себе никого не принимая, тогда пришел и обеспокоил его один военачальник Мартиниан. У него была дочь, мучимая бесом. Долгое время продолжал он стучать в дверь и

просить Антония, чтобы вышел и помолился Богу о дочери его. Антоний не соглашался отворить двери и, выглянув сверху, сказал: «Что вопиешь ко мне? И я такой же человек, как и ты. Если веруешь во Христа, Которому служу я, то поди и, как веруешь, помолись Богу; и прошение твое будет исполнено». Мартиниан немедленно уверовал и, призвав имя Христово, удалился с дочерью, освобожденною уже от демона. Много и других знамений сотворил чрез Антония Господь, Который сказал: *просите и дастся вам* (Лк. 11, 9). Ибо многие, страждущие от демонов, поелику Антоний не отворял двери своей, посидев только вне монастыря, по вере и по искренней молитве получали исцеление.

49. Когда же Антоний увидел, что многие беспокоят его и не дают пребывать ему в избранном им уединении, как бы желалось, тогда, опасаясь, чтобы или самому не превознести тем, что творит чрез него Господь, или чтобы другой кто не подумал о нем выше того, что он есть, заблагорассудил и решился уйти в верхнюю Фиваиду, где не знали его. И, взяв у братии хлебов, сел он на берегу реки, смотря, не пойдет ли какой корабль, чтобы, войдя в него, удалиться. Когда же дожидался он корабля, был к нему свыше голос: «Куда и зачем идешь, Антоний?» Он не смутился, но, как привык уже часто слышать такие воззвания, выслушав это, сказал в ответ: «Поелику народ не дает пребывать мне в покое, то хочу идти в верхнюю Фиваиду по причине многих мне здесь беспокойств и особенно потому, что требуют у меня того, что свыше сил моих». Голос сказал ему: «Если уйдешь в Фиваиду и даже, как намереваешься, к пасущим стада волов, то еще большие и сутубые труды понесешь. Если же действительно хочешь пребывать на покое, то иди теперь во внутреннюю пустыню». На вопрос же Антония: «Кто укажет мне путь, потому что неизвестен мне он?» – голос немедленно указал ему сарацин, которым надлежало идти этим путем. Антоний, подойдя к ним, стал просить позволения идти с ними в пустыню. Сарацины, как бы по велению Промысла, охотно приняли его. Три дня и три ночи проведя с ними в пути, он приходит на одну весьма высокую гору. Из-под горы текла прозрачная, сладкая и довольно холодная вода, вокруг была равнина и несколько диких пальм.

50. Антоний как бы по внушению свыше возлюбил это место: оно было то самое, какое указывал ему голос, вещавший на берегу реки. Итак, взяв хлебы у спутников, стал он пребывать на

горе сперва один, не имея при себе никого другого, и место это признавал уже как бы собственным своим домом. Сарацины же, увидев ревность его, с намерением стали проходить путем сим и с радостью приносили ему хлебы; иногда и от палым имел он малое некое и скудное утешение. Впоследствии же и братия, узнав его местопребывание, как дети, помня отца, заботились присылать ему потребное.

Но Антоний, видя, что под предлогом доставлять ему туда хлеб иные утомляются и несут труды, щадя и в этом монахов, придумывает сам с собою средство и некоторых из пришедших к нему спрашивает принести ему заступ, топор и несколько пшеницы. Когда же было это принесено, обошедши гору, находит одно весьма необширное удобное место, возделывает его и, поелику достаточно было воды для орошения поля, засекает его. Делая же это ежегодно, получает себе отсюда хлеб, радуясь, что никого не будет сам беспокоить и соблюдет себя от необходимости чем-либо быть кому в тягость. Но после сего, видя опять, что некоторые приходят к нему, разводит он у себя несколько овощей, чтобы и приходящий к нему имел хоть малое утешение после трудов такого тяжкого пути. Вначале звери, обитавшие в пустыне, приходя пить воду, наносили нередко вред его посеву и земледелию. Он, с ласкою поймав одного зверя, сказал чрез него всем: «Для чего делаете вред мне, который не делаю никакого вреда вам? Идите прочь и во имя Господа не приближайтесь сюда более». С сего времени звери, как бы боясь запрещения, не приближались уже к тому месту.

51. Так Антоний пребывал один на внутренней горе, проводя время в молитвах и в подвигах. Служившие ему братия упросили его, чтобы позволил им приходить через месяц и приносить маслин, овощей и елея, потому что он был уже стар.

Сколько же, живя там, выдержал он браней, по написанному (Еф. 6, 12), не с плотию и кровию, но с сопротивными демонами, о том знаем от приходивших к нему. Ибо и там слышали шум, многие голоса и звук как бы оружий, а ночью видели, что гора наполнена зверями; замечали, что и сам Антоний как бы с какими-то видимыми ему врагами борется и отражает их молитвою. И Антоний приходивших к нему ободрял, а сам подвизался, преклоняя колена и молясь Господу. И подлинно достойно было удивления, что один, живя в такой пустыне, не боялся нападающих на него демонов и при таком множестве

там четвероногих зверей и пресмыкающихся не страшился их свирепости, но поистине, как написано, надеялся на Господа, был *яко гора Сион* (Пс. 124, 1), имел непоколебимый и неволненный ум, так что демоны бегали от него и *зверие дивии*, по написанному, *примирялися ему* (Иов. 5, 23).

52. Хотя диавол наблюдал за Антонием и, как воспевают Давид, скрежетал на него *зубы своими* (Пс. 34, 16), но Антоний, утешаемый Спасителем, пребывал невредимым от коварства и многообразных козней диавола. Так, в одну ночь, когда Антоний проводил время во бдении, враг посылает на него зверей. Все почти гиены, бывшие в этой пустыне, вышедши из нор, окружают его; Антоний стоял посреди них, и каждая зияла на него и угрожала ему угрызением. Уразумев в этом хитрость врага, он сказал гиенам: «Если имеете власть надо мною, то я готов быть пожран вами. А если посланы вы демонами, то не медлите и удалитесь, потому что я – раб Христов». Едва Антоний сказал это, гиены бежали, как бы гонимые бичом слова.

53. Потом чрез несколько дней, когда занимался он работой (ибо любил быть в труде), кто-то, став у двери, потянул к себе то, что плёл тогда Антоний; делал же он корзины и отдавал их проходящим за приносимое ему. Антоний встал и видит зверя, который до чресл походит на человека, а голени и ноги у него подобны ослиным. Антоний запечатлел только себя знаменiem креста и сказал: «Я – раб Христов; если послан ты на меня, то вот я перед тобой». Зверь с бывшими в нем демонами побежал так быстро, что от скорости пал и издох. Смерть этого зверя означала падение демонов, которые прилагали всё старание, чтобы удалить Антония из пустыни, и не возмogli.

54. Однажды по просьбе монахов прийти к ним и на время посетить их и место их жительства отправился он в путь вместе с пришедшими к нему монахами. Верблюд нес для них хлеба и воду, потому что пустыня эта безводна и воды, годной к питью, вовсе нет в ней нигде, кроме той одной горы, на которой был монастырь антониев, где и запаслись они водою. Когда же на пути вода у них истощилась, а зной был весьма сильный, тогда все были в опасности лишиться жизни. Обойдя окрестности и не найдши воды, не в силах уже были продолжать пути, легли на землю и, отчаявшись в жизни своей, пустили верблюда идти,

куда хочет. Старец, видя, что все бедствуют, весьма опечалившись и воздохнув, отходит от них недалеко и, преклонив колена и воздев руки, начинает молиться; и Господь вскоре соделал, что потекла вода на том месте, где он стоял на молитве; и таким образом утолили все жажду и оживились, наполнили мехи водою, стали искать верблюда и нашли его. Случилось же так, что веревка обвилась около одного камня и удержала верблюда. Итак, привели его назад, и, напоив, возложили на него мехи, и продолжали путь безбедно. Когда же Антоний дошел до первых на пути монастырей, все приветствовали его, смотрели на него, как на отца, а он, как бы принеся напугствие с горы, угощал их словом и преподавал им, что было на пользу. Снова на горах были радость, соревнование о преспеянии и утешение взаимное друг друга верою. Радовался и сам Антоний, увидев ревность иноков и сестру, состарившуюся в девстве и уже настоятельную других девственников.

55. Чрез несколько дней опять ушел он на свою гору. И тогда стали уже приходить к нему многие, осмеливались даже приходить иные и страждущие. Всякому приходящему к нему иноку давал он постоянно такую заповедь: «Веруй в Господа и люби Его, храни себя от нечистых помыслов и плотских удовольствий и, как написано в Притчах, *не прельщайся насыщением чрева* (Притч. 24, 15), бегай тщеславия, молись непрестанно, пой псалмы перед сном и после сна, тверди заповеди, данные тебе в Писании, содержи в памяти деяния святых, чтобы памятующая заповеди душа твоя имела ревность святых образцом для себя». Особливо же советовал Антоний «непрестанно размышлять об апостольском изречении: *солнце да не зайдет во гнев вашем* (Еф. 4, 26), и думать, что сказано это вообще относительно ко всякой заповеди, чтобы не заходило солнце не только в гнев, но и в другом грехе нашем. Ибо хорошо и необходимо, чтобы не осуждали нас ни солнце за дневной проступок, ни луна за ночной грех и даже за худое помышление. А чтобы соблюсти себя от этого, хорошо выслушать и сохранять апостольское слово. Ибо сказано: *себя истязуйте, себе искушайте* (2 Кор. 13, 5). Поэтому пусть каждый ежедневно дает себе отчет в дневных и ночных своих поступках. И если согрешил, да перестанет грешить; если же не согрешил, да не хвалится тем, но да пребывает в добре, и не предается нерадению, и ближнего не осуждает, и себя не почитает праведным, дондеже, как сказал блаженный апостол Павел, *приидет Господь*

(1 Кор. 4, 5), испытующий тайное. Нередко и от нас самих бывает сокрыто, что делаем мы. Но хотя не ведаем этого мы, однако же Господь видит всё. Посему, суд предоставив Господу, будем сострадательны друг к другу, станем *носить тяготы друг друга* (Гал. 6, 2) и истязывать самих себя и, в чем мы недостаточны, постараемся то восполнять. А к ограждению себя от греха будем соблюдать еще последующее. Пусть каждый из нас замечает и записывает свои поступки и душевные движения как бы с намерением сообщать это друг другу; и будьте уверены, что, стыдясь известности, непременно перестанем грешить и даже содержать в мыслях что-либо худое. Ибо кто, когда грешит, желает, чтобы это видели? Или кто, согрешив, не пожелает лучше солгать, только бы утаить грех? Как, наблюдая друг за другом, не станем творить блуда, так, если будем записывать свои помыслы с намерением сообщать их друг другу, то легче соблюдем себя от нечистых помыслов, стыдясь известности. Итак, записывание да заменит для нас очи наших сподвижников, чтобы когда записываем, чувствуя такой же стыд, какой чувствуем, когда смотрят на нас, и в мысли даже не держали мы чего-либо худого. Если так будем образовывать себя, то придем в состояние порабощать тело свое, угождать Господу и поспирать козни врага.

56. Такие наставления давал Антоний приходящим, к страждущим же был сострадателен и молился вместе с ними. И Господь часто внимал молитвам его о многих. Но когда и услышан был Господом, не хвалился, и когда не был услышан, не роптал. Но как сам всегда благодарил Господа, так и страждущим внушал быть терпеливыми и знать, что исцеление не от него и вовсе не от людей, но от одного только Бога, Который подает его, когда хочет и кому хочет. Посему и страждущие принимали наставления старца как врачевство, учась не малодушествовать, а паче быть терпеливыми, а исцеляемые научались воздавать благодарение не Антонию, но единому Богу.

57. Некто по имени Фронтон, из царедворцев, страдая жестокою болезнью, кусал себе язык и готов был лишиться себя зрения. Пришедши в гору, просил он Антония помолиться о нем. Антоний, помолившись, сказал Фронтому: «Иди и исцелеешь». А когда большой упорствовал и оставался в монастыре несколько дней, Антоний стоял в своем слове, говоря: «Не можешь ты исцелиться, пока здесь; иди и, достигнув Египта, увидишь совершив-

шееся на тебе знамение». Фронтон поверил, ушел и, как только увидел Египет, болезнь его миновала, и стал он здоров по слову Антония, как во время молитвы открыл ему Спаситель.

58. Одна девица из Трипольского Бусириса имела страшную и крайне гнусную болезнь. Слезы ее, мокроты и влага, текшая из ушей, как скоро падали на землю, тотчас превращались в червей, тело же ее было расслабленно, и глаза находились не в естественном состоянии. Родители ее, узнав, что монахи идут к Антонию, по вере в Господа, исцелившего кровоточивую, просили их идти в путь вместе с их дочерью. Поелику же монахи отказались, то родители с отроковицею остались вне горы у исповедника и монаха Пафнутия. Монахи пришли к Антонию и едва хотели известить его о девице, как он предупредил их и рассказал, какая болезнь у отроковицы и как шла она с ними; когда начали они просить, чтобы позволил и родителям с девицей войти, Антоний сего не дозволил, но сказал: «Идите и, если девица не умерла, найдете ее исцеленною. Не мое это дело и не для чего приходить ей ко мне, бедному человеку; исцеление подается от Спасителя, Который на всяком месте творит милость Свою призывающим Его. Господь преклонился на молитву ее, а чело-веколюбие Его открыло и мне, что исцелит Он болезнь находящейся там отроковицы». Так совершилось чудо; монахи пошли и родителей нашли радующимися, а отроковицу уже здоровую.

59. Шли два брата, и когда на пути недостало у них воды, один умер, а другой близок был к смерти, и, не имея сил идти, лежал уже на земле, и ждал, что умрет. Антоний, пребывавший в горе, призывает двоих бывших тогда при нем монахов и понуждает их спешить, говоря: «Возьмите сосуды с водою и идите скорее на египетскую дорогу. Из двоих путников один уже умер, другой скоро умрет, если не поспешите. Это открыто мне ныне во время молитвы». Монахи идут, находят лежащего мертвеца, предают его погребению, а другого возвращают к жизни водою и приводят к старцу; расстояние же было одного дня пути. Если кто спросит, почему Антоний не сказал прежде, нежели другой скончался, то вопрос будет неправ. Определение смерти было не от Антония, но от Бога, Который одному определил умереть, а о другом дал откровение. В Антонии же чудно было только то, что, пребывая в горе, имел трезвенное сердце; и Господь показал ему то, что происходило вдалеке.

60. Еще, однажды, пребывая в горе и возведя взор, видит Антоний, что возносится некто по воздуху к великой радости встречающих его. Потом, дивясь и ублажая таковой сонм, начинает он молиться, чтобы открыто ему было, что это значит. И вдруг приходит к нему глас: «Это душа Амуна, нитрийского инока». Амун же до старости пребыл подвижником. А расстояние от Нитрии до горы, где жил Антоний, было тринадцати дней пути. Поэтому бывшие с Антонием, видя дивящегося старца, пожела-ли знать причину и услышали, что (недавно) скончался Амун; а он был известен им, потому что часто бывал там и притом мно-го совершенно было им знамений, из которых одно таково.

Однажды настояла Амуну нужда переправиться через реку, называемую Ликос; было же тогда полноводие. Амун стал просить бывшего с ним Феодора отойти дальше, чтобы не видеть им друг друга обнаженными, когда будут переплывать реку. Потом, когда Феодор удалился, Амун устыдился также сам себя увидеть обнаженным; но пока боролся он со стыдом и беспоко-ился, внезапно перенесен был на другой берег. Феодор, также муж благоговейный, приблизившись и увидев, что Амун пред-варил его и нимало не омочился в воде, просит сказать, как он переплыл. Когда же увидел, что Амун не хочет сказать этого, обняв ноги его, стал уверять, что не пустит его, пока не узнает. Итак, Амун, видя упорство Феодора, и особенно ради слова, сказанного им, сам сперва просит никому не рассказывать об этом до смерти его и потом объявляет, что перенесен был и постав-лен на другой берег, вовсе же не ходил по водам, ибо это совер-шенно невозможно людям, возможно же единому Господу и кому Он дозволит это, как дозволил великому апостолу Петру. Феодор рассказал это по смерти Амуна.

Монахи, которым Антоний сказал о смерти Амуна, замети-ли день. И когда через тридцать дней пришли братия из Нит-рии, спрашивают их и узнают, что Амун почил в тот самый день и час, в который старец видел возносимую душу его. Те и другие много дивились чистоте души Антония и тому, как он совершив-шееся на расстоянии тринадцатидневного пути узнал в то же самое мгновение и видел возносимую душу.

61. Однажды комит Архелай, нашедши Антония на внешней горе, просит его только помолиться о Поликратии, чудной и христоносной девственнице в Лаодикии. Страдала же она от чрезвычайных подвигов жестокою болью в чреве и боку и вся

изнемогла телесно. Антоний помолился, а комит заметил день, в который принесена была молитва, и, возвратясь в Лаодикию, находит девственницу здоровую. Спросив же, когда и в какой день освободилась она от болезни, вынимает хартию, на которой записал время молитвы, и после ответа исцеленной сам в то же время показывает запись; и все удивились, узнав, что тогда Господь избавил ее от страданий, когда молился о ней и призывал на помощь Спасителю благость Антоний.

62. Часто и об идущих к нему – за несколько дней, даже за месяц – предсказывал Антоний, по какой причине идут они. Ибо одни приходили единственно для того, чтобы видеть его, другие по причине болезни, а иные потому, что страдали от бесов. И трудность путешествия никто не почитал для себя бременем и не жалел о трудах, потому что каждый возвращался, чувствуя пользу. Когда же было Антонию подобное видение и рассказывал он об этом, всегда просил, чтобы никто не удивлялся ему в том, дивился же бы паче Господу. Который нам, человекам, даровал возможность познавать Его по мере сил наших.

63. Еще, однажды, пришедши в монастыри, бывшие на внешней горе, когда упросили его взойти на корабль и помолиться с монахами, он один почувствовал сильное и весьма отвратительное зловоние. Бывшие на корабле говорили, что есть тут рыба и соленое мясо и оттого запах, но Антоний сказал, что это зловоние иного рода. Пока еще говорил он, возопил вдруг юноша, одержимый бесом, который, войдя на корабль прежде других, скрывался на нем. Бес по сделанному ему запрещению именем Господа нашего Иисуса Христа вышел, а человек этот стал здоров, и все поняли, что зловоние было от беса.

64. И иной некто из людей знатных пришел к Антонию, имея в себе беса; бес этот был весьма лют; одержимый им не знал, что приведен к Антонию, и пожирал извержения тела своего. Приведшие просили Антония помолиться о бесноватом. Антоний из сострадания к юноше молится и всю ночь проводит с ним во бдении. Пред рассветом юноша, внезапно устремившись на Антония, повергает его на землю, и, когда пришедшие с ним вознегодовали на это, Антоний говорит им: «Не сердитесь на юношу; виноват не он, но живущий в нем бес. Поелику наложено на него запрещение и велено ему идти в места безводные, то при-

шел он в ярость и поступил так со мною. Поэтому прославьте Господа. Ибо такое устремление на меня юноши было для вас знамением, что бес вышел». Когда говорил еще это Антоний, юноша тотчас стал здоров и, наконец, образумившись, узнал, где он, и приветствовал старца, принося благодарение Богу.

65. Весьма многие из монахов согласно и одинаково рассказывали, что совершенно Антонием много и иного сему подобного. Но это еще не столько чудно, сколько пред всем иным наиболее чудным кажется следующее. Однажды, пред вкушением пищи около девятого часа встав помолиться, Антоний ощущает в себе, что он восхищен умом, а что всего удивительнее, видит сам себя, будто бы он вне себя и кто-то как бы возводит его по воздуху, в воздухе же стоят какие-то угрюмые и страшные лица, которые хотят преградить ему путь к восхождению. Поелику же путеводители антониевы сопротивлялись им, то требуют они отчета, не подлежит ли Антоний какой-либо ответственности перед ними, а поэтому хотят вести счет с самого его рождения; но путеводители антониевы воспрепятствовали тому, говоря: «Что было от рождения его, то изгладил Господь; ведите счет с того времени, как сделался он иноком и дал обет Богу». Тогда, поелику обвинители не могли уличить его, свободен и невозбранен сделался ему путь. И вдруг видит он, что как бы возвращается, и входит сам в себя, и снова делается прежним Антонием. В это время, забыв о вкушении пищи, остаток дня и целую ночь проводит он в воздыханиях и молитве; ибо удивлялся, видя, со сколь многими врагами предстоит нам брань и с какими трудами должно человеку проходить по воздуху. И тогда пришло ему на память, что в этом именно смысле сказал Апостол: *по князю власти воздушныя* (Еф. 2, 2). Ибо враг имеет в воздухе власть вступать в борьбу с проходящими по оному, покушается преграждать им путь. Почему наипаче и советовал Апостол: *примите вся оружия Божия, да возможете противитися в день лют* (Еф. 6, 13), чтобы посрамился враг, *ничтоже имея глаголати о нас укорно* (Тит. 2, 8). А мы, слыша это, приведем себе на память Апостола, который говорит: *еще в теле, не вем, еще ли кроме тела, не вем, Бог весть* (2 Кор. 12, 2). Но Павел восхищен был до третьего неба и нисшел оттоле, услышав неизреченные глаголы, а Антоний видел себя проходящим по воздуху и боровшимся там, пока не оказался свободным.

66. Антоний имел еще и такое дарование. Во время пребывания своего на горе в уединении, если иногда, предложив сам себе какой-либо вопрос, приходил в недоумение, то по Божию промыслению во время молитвы бывало ему о том откровение, и блаженный, по написанному, был научаем Богом (Ис. 54, 13. Ин. 6, 45). Так, однажды вел он разговор с пришедшими к нему о состоянии души по смерти и о том, где будет ее местопребывание. В следующую ночь зовет его некто свыше, говоря: «Встань, Антоний, выйди и посмотри». Антоний выходит (ибо знал, кому должно повиноваться) и, возведя взор, видит, что стоит кто-то высокий, безобразный и страшный и касается главою облаков и что восходят еще некие как бы окрыленные, и первый простирает к последним руки, и одним преграждает путь, другие же перелетают через него и, миновав его, безбедно уже возносятся вверх; на последних великан этот скрежещет зубами, о тех же, которые падают вниз, радуется. Вдруг Антонию говорит голос: «Уразумей видимое». Тогда отверзся ум его и уразумел он, что это есть прохождение душ, что стоящий великан есть враг, завидующий верным, и он подпадших власти его удерживает и возбраняет им идти далее, но не может задержать непокорившихся ему, потому что они проходят выше его. Увидев это и такое видение приив как бы за напоминание себе, Антоний стал прилагать еще вящее старание, чтобы ежедневно преуспевать в прежних подвигах. Объявлял же он о таких видениях неохотно. Но поелику бывшие с ним, когда видели, что он долее обыкновенного молится и представляется удивленным, спрашивали его и докучали ему своими вопросами, то принужден бывал сказывать им, как отец, который ничего не может скрыть от детей; притом рассуждал он, что совесть его останется чиста, а им рассказ его послужит на пользу, когда узнают, что подвижничество имеет благие плоды и видения нередко бывают утешением в трудах.

67. Антоний был терпеливого нрава и имел смиренномудрое сердце. При всей духовной высоте своей чрезвычайно уважал церковное правило и всякому церковнослужителю готов был отдавать пред собою предпочтение. Не стыдился преклонять главу пред епископами и пресвитерами. Если когда приходил к нему какой диакон ради пользы своей, он предлагал ему слово на пользу, но совершение молитв предоставлял диакону, не стыдясь учиться и сам. Нередко предлагал вопросы и желал слу-

шать пребывающих с ним; сознавался, что и сам получает пользу, если кто скажет что-либо полезное. И лицо его имело великую и необычайную приятность. Приял же Антоний от Спасителя и сие дарование: если бывал он окружен множеством монахов и кому-нибудь, не знавшему его прежде, желательно было видеть его, то желающий, миновав других, прямо подходил к Антонию, как бы привлекаемый взором его. От других же отличался Антоний не высотой и взрачностью, но благонравием и чистотою души. Поелику душа была безмятежна, то и внешние чувства оставались невозмущаемыми, а потому от душевной радости весело было и лицо, и по движениям телесным можно было ощущать и уразумевать спокойствие души согласно с написанным: *сердцу веселящемуся, лице цветет, в печалех же сущу, сетует* (Притч. 15, 13). Так Иаков узнал, что Лаван замышляет худое, и сказал женам своим: *несть лице отца вашего, якоже вчера и третьего дне* (Быт. 31, 5). Так Самуил узнал Давида, потому что радостотворны были очи его и зубы белы, как молоко. Так узнавали и Антония, потому что при душевном спокойствии никогда не возмущался и при радостном состоянии духа никогда не бывал мрачен.

68. Весьма чуден был он по вере и благочестию. Никогда не имел общения с отщепенцами мелетианами, зная давнее их лукавство и отступничество, не беседовал дружески с манихеями или с другими еретиками, разве только для вразумления, чтобы обратились к благочестию. И сам так думал, и другим внушал, что дружба и беседа с еретиками – вред и погибель душе. Гнушался также и арианскою ересью и всякому давал заповедь не сближаться с арианами и не иметь их зловерия. Когда приходили к нему некоторые из ариан, то, испытав и изведав, что они нечествуют, прогонял с горы, говоря, что речи их хуже змеиноного яда.
69. Однажды ариане распустили ложный слух, будто и Антоний одинаковых с ними мыслей. Тогда вознегодовал он и раздражился против них, а потом по просьбе епископов и всей братии сошел с горы и, прибыв в Александрию, осудил ариан, сказав, что арианство есть последняя ересь и предтеча антихриста. Народ же он поучал, что «Сын Божий не тварь и не из не сущих, но есть вечное Слово и Премудрость Отчей сущности. А посему нечестиво говорить о Сыне: было, когда Его не было. Ибо Слово всегда соприсуще Отцу. Поэтому не имейте никакого общения с

нечестивейшими арианами. Ибо нет никакого общения свету ко тме (2 Кор. 6, 14). Как вы, благочестиво верующие, именуетесь христианами, так они, именующие тварью сущего от Отца Божия Сына и Отчее Слово, ничем не отличаются от язычников, служа твари паче сотворшего Бога. Верьте же, что даже и вся тварь негодует на них за то, что Творца и Господа вселенной, *Имже вся быша*, сопричисляют к существам сотворенным».

70. Весь народ радовался, слыша, что таким мужем анафематствуется христорборная ересь. Все жители города сбегались видеть Антония. Даже язычники и так называемые их жрецы приходили в храм Господень, говоря: «Желаем видеть человека Божия». Ибо так называли его все. И здесь Господь чрез него освободил многих от бесов и исцелил повредившихся в уме. Многие даже из язычников желали хоть прикоснуться только к старцу в той уверенности, что получают от сего пользу. И действительно, в эти немногие дни столько обратилось в христианство, сколько в иные времена обращалось в продолжение года. Иные думали, что стечение народа беспокоит его, и потому отгоняли от него всех приходящих; но не возмущаемый ничем Антоний сказал: «Число приходящих не больше числа демонов, с которыми ведем брань в горе».
71. Когда же Антоний уходил и мы сопровождали его, тогда, как скоро дошли до городских врат, одна женщина воскликнула позади нас: «Остановись, человек Божий! Дочь мою жестоко мучит бес. Остановись, умоляю тебя, чтобы и мне, бежа за тобою, не потерпеть беды». Старец, услышав это и упрошенный нами, охотно остановился. И как скоро женщина приблизилась, дочь ее повергнута была на землю; но Антоний помолился и призвал имя Христово: тогда отроковица восстала здоровою, потому что вышел из нее нечистый бес. Мать благословляла Бога, и все воздавали Ему благодарение. Сам же Антоний радовался, возвращаясь в гору, как в собственный свой дом.
72. Был же он весьма разумен и, что удивительно, не учась грамоте, отличался тонкостью и проницательностью ума. Однажды пришли к нему два языческих философа, думая, что могут искусить Антония. Был же он на внешней горе и, догадавшись по лицу шедших, какие это люди, вышел к ним и сказал через переводчика: «Почему столько беспокоитесь вы, философы, для

человека несмысленного?» Когда же ответили они, что Антоний человек вовсе не несмысленный, а напротив того – весьма умный, тогда продолжал он: «Если шли вы к человеку несмысленному, то напрасен труд ваш. А если почитаете меня разумным, то будьте такими же, каков я; потому что хорошему должно подражать. Если бы и я пришел к вам, то вам стал бы подражать. Если же вы ко мне пришли, то будьте такими же, каков я; а я – христианин». Философы удалились с удивлением. Они видели, что и демоны боятся Антония.

73. Когда еще встретились с ним на внешней горе иные, подобные сим философам, и думали осмеять его в том, что не учился он грамоте, тогда Антоний спрашивает их: «Как скажете: что первоначальнее – ум или письмена? И что чему причиною: ум ли письменам или письмена уму?» Поелику же ответили они: ум первоначальнее, и он изобретатель письмен, то Антоний сказал: «Поэтому в ком здравый ум, тому не нужны письмена». Этот ответ поразил и философов, и всех бывших при сем; и они ушли, дивясь, что в неученом нашли такую проницательность. Ибо Антоний не грубый имел нрав, как возросший и состаревшийся на горе, а напротив того – был приятен и обходителен. Слово его растворено было Божественною солью, а потому никто не имел к нему ненависти; все же приходившие к нему паче о нем радовались.

74. И действительно, когда после сего пришло к нему еще несколько человек язычников, почитавшихся мудрецами, и потребовали у него слова о вере нашей во Христа, имели же намерение войти в рассуждение о проповеди Божественного Креста, чтобы посмеяться, – тогда Антоний, помолчав немного и сперва пожалев об их невежестве, сказал им чрез переводчика, верно передававшего слова его: «Что лучше – исповедовать ли Крест или так называемым у вас богам приписывать блудодеяния и детораствление? Проповедуемое у нас есть доказательство мужества и знак презрения смерти; а чему учите вы, то заражено непотребством. Притом что лучше: сказать ли, что Слово Божие не изменилось и, пребывая одним и тем же, к благодетельствованию человеков и для спасения их восприяло на Себя человеческое тело, чтобы, приобщившись к бытию человеческому, соделать людей причастниками Божественного и духовного естества, или Божество уподоблять бессловес-

ным и потому чувствовать животных четвероногих, пресмыкающихся и человеческие изображения? А таковы чтилища ваших мудрецов! Как же осмеливаетесь вы посмеиваться над нами, которые говорим, что Христос явился Человеком, – когда сами, сводя душу с неба, утверждаете, что она блуждает и с небесного свода ниспадает в тело? И пусть бы еще ниспадала только в тело человеческое, а не переходила и не переселялась в четвероногих и пресмыкающихся! Наша вера говорит о пришествии Христовом для спасения человеческого, а вы заблуждаетесь, потому что толкуете о душе нерожденной. Мы рассуждаем о всемогуществе и человеколюбии Промысла, потому что и сие не невозможно Богу; а вы, называя душу образом Ума, приписываете ей падения и суесловите, что она превратна, а, наконец, по причине превратности души допускаете, что и сам Ум превратен. Ибо каков образ, таким необходимо быть и тому, чей он образ. Поелику же так думаете об Уме, то размыслите, не хулите ли чрез это и Того, Кто Отец Уму».

75. «А если говорить о Кресте, то что признаете лучшим: терпеть ли крест по злоумышлению людей лукавых и не ужасаться какого бы то ни было рода смерти или слагать басни о странствиях Озириса и Изиды, о кознях Тифона, о бегстве Крона, о поглощении детей и об отцеубийствах? Ибо это – ваши мудрования. Почему же, посмеываясь Кресту, не удивляетесь Воскресению? Ибо сказавшие одно написали и другое. Или почему, упоминая о Кресте, умалчиваете о воскрешенных мертвецах, о прозревших слепцах, об исцеленных расслабленных, об очищенных прокаженных, о хождении по морю и других знамениях и чудесах, показывающих, что Христос не человек, но Бог? Мне кажется, что вы весьма несправедливы сами к себе и не читали с искренним расположением наших Писаний. Прочтите же и увидите: дела, совершенные Христом, доказывают, что Он Бог, пришедший для спасения человеков».

76. «Скажите же и вы нам свое учение. Что можете сказать о бессловесных, кроме того, что они неразумны и свирепы? Если же, как слышу, вознамеритесь утверждать, будто бы всё это говорится у вас приточно, и похищение девы есть иносказание о земле, а хромой Гефест – об огне, Гера – о воздухе, Аполлон – о солнце, Артемида – о луне, Посейдон – о море, – и в этом случае чувствуете вы не Самого Бога, но – вместо сотворшего всё Бога –

служите твари. Ибо если сложили вы подобные басни по той причине, что тварь прекрасна, то должно было удивляться только тварям, а не боготворить их, чтобы чести, подобающей Создателю, не воздать созданиям. Иначе, следует вам честь, принадлежащую зодчему, воздавать сооруженному им дому или честь, принадлежащую военачальнику, воздавать воину. Что скажете на это, из чего могли бы мы узнать, точно ли Крест имеет в себе что-либо достойное осмеяния?»

77. Поелику же они были в недоумении и обращались туда и сюда, то Антоний, улыбнувшись, сказал еще чрез переводчика: «Хотя с первого взгляда видно это само собою, однако же поелику опираетесь вы более на доказательство из разума и, владея сим искусством, требуете, чтобы и наше богочестие было не без доказательств от разума, то скажите мне, прежде всего: каким образом приобретается точное познание о вещах и преимущественно ведение о Боге – посредством ли доказательств от разума или посредством действенности веры? И что первоначальнее: действенная ли вера или разумное доказательство?» Когда же ответили они, что действенная вера первоначальнее и что она есть точное ведение, тогда сказал Антоний: «Хорошо говорите вы. Вера происходит от душевного расположения, а диалектика – от искусства ее составителей. Поэтому в ком есть действенность веры, для того не необходимы, а скорее излишни доказательства от разума. Ибо что уразумевает мы верою, то вы пытаетесь утверждать из разума и часто бываете не в состоянии выразить то словом, что мы разумеет ясно; а посему действенность веры лучше и тверже ваших велемудрых умозаключений».

78. «Итак, у нас, христиан, таинство боговедения не в мудрости языческих умствований, но в силе веры, даруемой нам от Бога Иисусом Христом. И истинно слово мое; ибо вот, ныне мы, не учившись письменам, веруем в Бога, из творений познавая Его о всем промышление. И действенна вера наша; ибо вот, ныне мы утверждаемся на вере во Христа, а вы – на велемудрых словопрениях, и ваши идолы не чудодествуют более, а наша вера распространяется повсюду; и вы своими умозаключениями и своим велемудрием никого не совращаете из христианства в язычество, а мы, уча вере во Христа, отвращаем людей от вашего суеверия, потому что все признают Христа

Богом и Сыном Божиим; вы своим красноречием не можете положить преград учению Христову, а мы именем Христа распятого прогоняем всех демонов, которых страшаетесь вы, как богов; и где знамение крестное, там изнемогает чародейство, бездейственно волшебство».

79. «Скажите, где теперь ваши прорицалища? Где египетские волхования? Где призраки чародеев? Когда всё это прекратилось и утратило силу? Не с того ли времени, как явился Крест Христов? Поэтому он ли достоин посмеяния, или более смешно то, что им попрано и обличено в немощи? И то еще удивительно, что ваша вера никогда не была гонима, но чествуется людьми в городах; исповедники же Христовы гонимы, и однако же наша вера паче вашей цветет и распространяется. И ваша вера, хвалимая и прославляемая, гибнет, а вера христианская и учение Христово, вами осмеиваемые и часто гонимые царями, наполнили собою вселенную. Ибо когда просияло так боговедение? Или когда появились в такой силе целомудрие и добродетель дества? И когда люди в такой мере стали презирать смерть? Не со времени ли Креста Христова? Никто не усомнится в этом, видя мучеников, ради Христа презирающих смерть, видя дев церковных, ради Христа сохраняющих тела свои чистыми и неоскверненными!»

80. «И этих доводов достаточно в доказательство, что вера Христова есть единое истинное богочестие. Доныне еще нет веры у вас, ищущих доказательств от разума. А мы, как сказал учитель наш, *не в препретельных языческой премудрости словесех* (1 Кор. 2, 4) ищем доказательств, но ясно убеждаем верою, предваряющею построения разума. Вот и здесь находят-ся страждущие от демонов (в числе пришедших к Антонию были и мучимые бесами). И Антоний, изведя их на средину, сказал: «Или вы своими умозаклечениями и каким угодно искусством и чародейством, призвав идолов ваших, изгоните из них бесов, или, если не можете, перестаньте препираться с нами и увидите силу Креста Христова». Сказав это, призвал он имя Христово, в другой и в третий раз запечатлел страждущих крестным знамением, и вдруг они избавились от страданий, стали здоровы умом и возблагодарили, наконец, Господа. А так называемые философы дивились и подлинно изумлялись, видя и благоразумие Антония, и совершенное им чудо. Антоний же

сказал им: «Что дивитесь сему? Не мы делаем это, творит же сие Христос чрез верующих в Него. Посему и вы уверуйте, тогда увидите, что у нас не искусство владеть словом, но вера, сильная действенною ко Христу любовию. Если бы и вы имели веру сию, то не стали бы искать доказательств от разума, но почли бы достаточною для себя веру во Христа». Так говорил Антоний. Они же с удивлением удалялись, лобзая Антония и сознаваясь, что приобрели от него пользу.

81. Слух об Антонии дошел и до царей. Константин Август и сыновья его Констанций и Констанс Августы по слуху сему писали к нему, как к отцу, и желали получить от него ответ. Но для Антония немного значили и царские письма, не восхитился он этими посланиями, но пребыл таким же, каким был и прежде, нежели писали к нему цари. А когда принесли ему эти послания, созвал он монахов и сказал: «Не дивитесь, если пишет к нам царь, потому что и он человек, но дивитесь паче тому, что Бог написал людям закон и глаголал к ним чрез собственного Сына Своего». Поэтому думал он не принять писем, говоря: «Не умею отвечать на подобные писания». Но монахи представляли, что цари эти суть христиане и могут соблазниться, если письма будут отринуты; посему дозволил прочесть и отвечал на эти послания, восхваляя царей за то, что поклоняются Христу, и дал им спасительные советы невысоко ценить настоящее, но памятовать паче о будущем суде и ведать, что Христос есть единый истинный и вечный Царь; просил также царей быть человеколюбивыми, заботиться о правде и о нищих. И они с радостью приняли ответ. Так был он возлюблен всеми, так все желали иметь его отцом.

82. Сделавшись уже столько известным и после того, как давал такие ответы приходившим, снова возвратился он во внутреннюю гору и проводил время в обычных своих подвигах. Нередко, сидя или ходя с пришедшими к нему, бывал в ужасе, как пишется о Данииле (Дан. 4, 16), и по прошествии некоторого времени продолжал беседу свою с бывшими при нем братьями. И они догадывались, что Антонию было какое-либо видение. Ибо нередко, пребывая в горе, видел он, что делалось в Египте, и пересказывал это епископу Серапиону, который был тогда при Антонии и примечал, что Антонию было видение. Однажды, сидя и занимаясь рукоделием, Антоний пришел как бы в восхи-

щение и во время видения сильно вздыхал. Потом, чрез несколько времени обратясь к бывшим при нем, воздохнул и, трепеща всем телом, начал молиться, преклонив колена, и долго оставался в таком положении. Встав же, старец стал плакать. Поэтому бывшие при нем, приведенные в трепет и великий страх, изъявили желание узнать его видение и долго утруждали его просьбами, пока не вынудили сказать. И, сильно воздохнув, произнес он: «Лучше, дети, умереть, пока не исполнилось видение». Поелику же они снова стали упрашивать, то, залившись слезами, сказал: «Гнев постигнет Церковь, будет она предана людям, которые подобны скотам бессловесным. Ибо видел я трапезу храма Господня и кругом ее отовсюду стоящих мсков³, которые бьют в нее ногами, как обыкновенно делают бесчинно прыгающие и лягающиеся скоты. Конечно же, заметили вы, – продолжал он, – как вздыхал я, ибо слышал голос, говорящий: «Осквернен будет жертвенник Мой». Такое видение было старцу. И чрез два года открылось у нас нынешнее нашествие ариан и расхищение церквей, когда ариане, с насилием похищая церковную утварь, носить ее заставляли язычников, когда язычники принуждаемы были оставлять свои работы и идти в собрания ариан, где они в присутствии язычников делали на святых трапезах, что хотели. Тогда-то все мы поняли, что ляганием мсков предуказано было Антонию то именно, что теперь, как скоты, неразумно делают ариане. После же того, как было Антонию это видение, утешал он бывших при нем, говоря: «Не унывайте, дети; как прогневался Господь, так и исцелит опять. И Церковь вскоре восприимет снова благолепие свое и обычную ей светозарность. Тогда увидите, что гонимые будут восстановлены, нечестие снова удалится в норы свои, а благочестивая вера повсюду возвещаемая будет со всею свободою. Не оскверняйте только себя с арианами, потому что не апостольское это учение, но бесовское, ведет начало от отца их диавола и, лучше сказать, так же бесплодно, неразумно, лишено правого смысла, как и бессловесные мски».

83. Таковы-то антониевы деяния, и не должно повергать нас в неверие то, что столько чудес произведено человеком. Ибо Спаситель дал обетование, говоря: *еще имате веру яко зерно горушно, речете горе сей: прейди отсюда тамо, и прейдет, и ничтоже невозможно будет вам* (Мф. 17, 20); и еще: *аминь, аминь глаголю вам, еще чесо просите от Отца во имя Мое, даст вам.*

Просите и примете (Ин. 16, 23-24). Сам Господь говорит ученикам и всем верующим в Него: болящия исцеляйте, бесы изгоняйте: туне приясте, туне дадите (Мф. 10, 8).

84. Антоний исцелял не повелительным словом, но молитвою и призыванием имени Христова, желая для всех соделать явленным, что творит это не он, но Господь чрез Антония являет Свое человеколюбие и исцеляет страждущих; Антонию же принадлежат только молитва и подвиги, ради которых, пребывая в горе, утешаем он был Божественными видениями. Он скорбел, что многие беспокоят и принуждают его оставлять гору.

Все судьи просили его сходить с горы, ссылаясь на невозможность самим им входить туда с сопровождающими их подсудимыми, а на самом деле желая только, чтобы пришел Антоний и можно было видеть его. Поэтому Антоний уклонялся от сего и отказывался ходить к ним. Но они настаивали и даже подсудимых посылали вперед в сопровождении воинов, чтобы хоть ради них сошел Антоний. Посему, вынуждаемый необходимостью и видя их жалобы, выходил он на внешнюю гору. И сей труд его бывал также не бесполезен; напротив же того, присутствие его многим служило на пользу и было благотельно. И судьям давал он полезные советы предпочитать всему правду, бояться Бога и знать, что каким судом сами судят, таким и судимы будут (Мф. 7, 2). Впрочем, паче всего любил он пребывание в горе.

85. Посему однажды, когда сильно побуждали его сойти с горы имеющие в нем нужду и долго просил о том один военачальник, Антоний пришел и, кратко побеседовав о том, что служит ко спасению, и о потребностях нуждающихся, спешил идти назад. Поелику же упомянутый военачальник стал просить, чтобы помедлил, сказал он, что не может долее оставаться с ними, и убедил в этом военачальника таким остроумным сравнением: «Как рыбы, оставаясь долго на сухой земле, умирают, так и монахи, замедляя с вами и проводя время в вашем обществе, расслабевают. Поэтому, как рыбе должно спешить в море, так нам – в гору, чтобы, промедлив у вас, не забыть того, что внутри». Военачальник, выслушав от него это и многое другое, в удивлении сказал: «Подлинно он Божий раб. Ибо откуда у человека некнижного быть такому великому уму, если бы не был он возлюблен Богом?»

86. Один же военачальник, по имени Валакий, немилосердно гнал нас, христиан, из усердия к злоименным арианам. Он был до того жесток, что бил дев, обнажал и наказывал бичами монахов. Антоний посылает к нему и пишет письмо в таком смысле: «Вижу грядущий на тебя гнев Божий. Перестань гнать христиан, иначе гнев постигнет тебя. Ибо он готов уже поразить тебя». Валакий, рассмеявшись, бросил письмо на землю и оплевал его, принесшим же нанес оскорбление и велел сказать Антонию следующее: «Поелику заботишься о монахах, то дойду и до тебя». Но не прошло пяти дней, как постиг его гнев Божий. Валакий с Несторием, епархом египетским, отправился на первый ночлег от Александрии, именуемый Хереус; оба ехали на конях, принадлежавших Валакию, и кони эти были смиреннее всех, каких только держал он у себя. Не успели добраться до места, как начали кони по обычаю играть между собою, и самый смирный из них, на котором ехал Несторий, вдруг начал кусать Валакия и до того зубами изгрыз ногу его, что немедленно отнесли его в город, а на третий день он умер. Тогда все удивились, что так скоро исполнилось антониево предсказание.

87. Так вразумлял Антоний людей жестокосердых; других же, приходивших к нему, приводил в такое умиление, что немедленно забывали они о делах судебных и начинали ублажать отрекшихся от мирской жизни. За обиженных же Антоний предстательствовал с такою силою, что можно было подумать, будто бы терпит обиду сам он, а не другой кто. Притом в такой мере умел он говорить на пользу каждому, что многие из людей военных и имеющих большой достаток слагали с себя житейские тяготы и делались, наконец, монахами. Одним словом, как врач, дарован он был Богом Египту. Ибо кто, если приходил к нему печальным, возвращался от него не радующимся? Кто, если приходил к нему проливающим слезы об умерших, не оставлял тотчас своего плача? Кто, если приходил гневным, не переменял гнева на приязнь? Какой нищий, пришедши к нему в унынии, и послушав его, и посмотрев на него, не начинал презирать богатства и не утешался в нищете своей? Какой монах, предававшийся нерадению, как скоро приходил к нему, не делался гораздо более крепким? Какой юноша, пришедши на гору и увидев Антония, не отрекался тотчас от удовольствий и не начинал любить целомуд-

рие? Кто приходил к нему искушаемый бесом и не обретал себе покоя? Кто приходил к нему смущаемый помыслами и не находил тишины уму?

88. Великим плодом антониева подвижничества было и то, что Антоний, как говорил я и выше, имея дар различения духов, узнавал их движения, и не оставалось для него неизвестным, к чему было рвение и стремление какого-либо духа. Не только сам он не бывал поруган бесами, но и смущаемых помыслами, утешая, учил, как нужно низлагать наветы врагов, рассказывая о немощи и коварстве их. Посему каждый отходил от него, укрепившись в силах, чтобы небаязненно противостоять умышлениям диавола и демонов его. Сколько дев, имевших уже у себя женихов, когда издали только увидели Антония, пребыли Христовыми девами! Приходили к нему и из чужих земель и, вместе со всеми получив пользу, возвращались, как бы расставаясь с отцом. И теперь, по его успении, все, став как сироты после отца, утешаются одним воспоминанием о нем, храня в сердце наставления и увещания его.

89. А каков был конец жизни его, это достойно того, чтобы и мне напомнить, и вам выслушать с любовью, потому что и в этом должно соревновать ему. Посещал он по обычаю монахов, живущих на внешней горе, и, предуведомленный Промыслом о кончине своей, сказал братии так: «Последнее это мое посещение вас, и удивительно будет, если увидимся еще в жизни сей. И мне время уже разрешиться, потому что близ ста пяти лет имею себе от роду». Братия, слыша это, плакали, обнимали и лобызали старца. А он, как бы из чужого города возвращаясь в свой, беседовал с ними весело и заповедал им трудиться неленостно и не унывать в подвиге, но жить как бы ежедневно умирая и, по сказанному выше, «стараться охранять душу свою от нечистых помыслов, соревновать святым, не сближаться с отщепенцами мелетианами, зная лукавое и мерзкое их произволение, не иметь никакого общения с арианами, потому что их нечестие всякому явно. И если видите, что им покровительствуют судьи, не смущайтесь, потому что лжемудрие их прекратится, оно временно и непродолжительно. Посему храните себя паче чистыми от него, соблюдайте предание отцов, предпочтительно же всему благочестную веру в Господа нашего Иисуса Христа, какой научились вы из Писания и о какой часто напоминал я вам».

90. Когда же братия неотступно стали просить, чтобы у них остался и скончался, он не согласился на это как по многим причинам, какие, даже умалчивая о них, давал однако же уразуметь, так особенно по следующей. Египтяне имеют обычай, хотя совершать чин погребения над телами скончавшихся уважаемых ими людей и особенно святых мучеников и обвивать их пеленами, но не предавать их земле, а возлагать на ложах и хранить у себя в домах, думая, что этим воздают чествование отшедшим. Антоний многократно просил епископов запретить это мирянам, также и сам убеждал мирян и делал выговоры женщинам, говоря: «Незаконно это и вовсе неблагочестно. Ибо тела Патриархов и Пророков доньше хранятся в гробницах, и само Тело Господне положено было во гроб, и приваленный камень скрывал оное, пока не воскресло в третий день». Говоря же это, показывал он, что незаконно поступает тот, кто тела скончавшихся, даже и святые, не предает по смерти земле. Ибо что досточестнее и святее Господня Тела? Посему многие, выслушав это, стали потом тела умерших предавать земле и, научившись у Антония, благодарили за сие Господа.

91. Антоний же, зная этот обычай и опасаясь, чтобы не поступили так и с его телом, простившись с монахами, пребывавшими на внешней горе, поспешил отшествием и, пришедши во внутреннюю гору, где обыкновенно пребывал, чрез несколько месяцев впал в болезнь. Тогда, призвав бывших при нем (было же их двое: они жили с ним на внутренней горе, подвизаясь уже пятнадцать лет и прислуживая Антонию по причине старости его), сказал им: «Аз, как написано, *отхожду в путь* отцов (Нав. 23, 14). Ибо вижу, что зовет меня Господь. А вы трезвитесь и не погубите многолетних наших подвигов, но как начали теперь, так и старайтесь соблюсти свое усердие. Знаете злокозненность демонов, знаете, как они жестоки, но немощны в силах. Поэтому не бойтесь их, но паче укрепляйтесь всегда о Христе и веруйте в Него; живите как бы ежедневно умирая, будьте внимательны к себе самим, помните наставления, какие слышали от меня. Да не будет у вас никакого общения с отщепенцами и особенно с еретиками арианами. Ибо знаете, сколько и я избегал их за христорборную и иномысленную их ересь. Старайтесь же паче пребывать всегда в единении между собою, а преимущественно с Господом и потом со святыми, да примут они и вас по смерти в вечные кровы, как друзей и знакомых. О сем помышляйте, сих

держитесь мыслей и, если имеете попечение о мне и помните, как об отце, то не попустите, чтобы кто-либо взял тело мое в Египет и положил у себя в доме; во избежание сего удалился я в гору и пришел сюда. Знаете, как всегда порицал я делающих это и убеждал оставить такой обычай. Предайте тело мое погребению и скройте под землею. Да соблюдено будет вами сие мое слово, чтобы никто не знал места погребения тела моего, кроме вас одних, потому что в Воскресение мертвых прииму оное от Спасителя нетленным. Разделите одежды мои – епископу Афанасию отдайте одну милоть и подостланную подо мною одежду: она им мне дана новая и у меня обветшала; а епископу Серапиону отдайте другую милоть; власяницу возьмите себе. Прощайте, чада; Антоний преселяется, и не будет его более с вами!»

92. Сказав это, когда облобызали его бывшие при нем, Антоний протянул ноги и, как бы видя пришедших к нему друзей и обрадованный прибытием их (ибо возлежал с веселым лицом), скончался и приложился к отцам. Они же, как дал им заповедь, совершив чин погребения, обвив тело, предали его земле, и, кроме их двоих, доньяне никто не знает, где оно погребено. Каждый из получивших милоть блаженного Антония и изношенную им одежду хранит, как нечто великое. Ибо взирать на сие значит как бы видеть самого Антония, а носить это на себе значит как бы с радостью исполнять его наставления.

93. Таков был конец антониевой жизни в теле, и таково начало его подвижничества. И хотя повествование сие малозначительно в сравнении с антониевыми добродетелями, однако же и из сего заключайте, каков был Божий человек Антоний. С юных лет и до такого возраста соблюдавший равное усердие к подвижничеству, ни по старости не обольщавшийся дорогими снедами, ни по немощи тела своего не изменявший вида своей одежды или даже не обмывавший ног водою, ни в чем, однако же, не потерпел он вреда. Глаза у него были здоровы и невредимы, и видел он хорошо. Не выпало у него ни одного зуба, а только ослабили они в деснах от преклонных лет старца. Здоров он был руками и ногами. Одним словом, казался бодрее и крепче всякого, пользующегося разнообразными снедами, омовениями и различными одеждami. А что всюду говорили о нем, все удивлялись ему, даже не выдавшие любви его, это служит доказательством его добродетели и боголюбивой души. Ибо не сочине-

ниями и внешнею мудростью, не искусством каким, но единым богочестием стал известен Антоний. И никто не станет отрицать, что это был Божий дар. Ибо как в Испанию, в Галлию, в Рим и в Африку дошел бы слух о человеке, который скрывался и жил в горе, если бы не Бог соделывал повсюду известными рабов своих, что и Антонию обещал Он еще вначале? Хотя сами они делают всё тайно и желают быть сокрытыми, но Господь делает их видимыми для всех, подобно светильникам, чтобы, слыша о них, знали, как могут заповеди приводить к преспеянию, и возревновали идти путем добродетели.

94. Поэтому прочтите сие жизнеописание и другим братиям; пусть узнают, какова должна быть жизнь иноческая, и пусть убедятся, что Господь и Спаситель наш Иисус Христос прославляет прославляющих Его и служащих Ему до конца не только вводит в Небесное Царствие, но и здесь, сколько бы ни утаивались и ни старались пребывать в уединении, соделывает повсюду известными и славными ради добродетели их и ради пользы других. Если же потребует нужда, прочтите это и язычникам; пусть и они таким образом познают, что не только Господь наш Иисус Христос есть Бог и Сын Божий, но и искренне служащие Ему и благочестно верующие в Него христиане тех самых бесов, которых язычники почитают богами, не только изобличают, что они не боги, но как обольстителей и растлителей человека попирают и прогоняют о Христе Иисусе Господе нашем. Ему слава во веки веков! Аминь.

1) Арура – египетская мера земли в сто локтей.

2) В переводе Евагрия (IV в.) читается «*недалеко*».

3) Мска, меск – мул, лошак.

Слово на язычников

1. Ведение богочестия и вселенской истины не столько имеет нужды в человеческом наставлении, сколько познается само собой, потому что едва не вопиет о себе ежедневно в делах и светлее солнца открывает себя в Христовом учении. Но поелику тебе, блаженный, желательно слышать о сем, то по мере сил своих предложу нечто о вере Христовой: тем паче, что, хотя и сам ты можешь найти это в Божием слове, однако же с любовью слушаешь то, что говорят и другие. Ибо как святых и богодухновенных Писаний достаточно к изъяснению истины, так и блаженными нашими учителями сочинены об этом многие книги. И если кто будет читать их, то найдет в них некоторым образом истолкование Писаний и придет в состояние приобрести желаемое им ведение. Но поелику не имеем в руках теперь сочинений этих учителей, то, чему научился я из них, – разумею же о вере во Христа Спасителя, – необходимо изложить и сообщить это тебе письменно, чтобы учения, заключающегося в слове нашем, не почел кто маловажным и не стал предполагать, будто бы вера во Христа неразумна.

Такие же клеветы в укоризну нашу слагают язычники. Они громко смеются над нами, указывая не на иное что, а только на Крест Христов. Но тем паче можно пожалеть о бесчувствии их. Клеветца на Крест, не видят они силы Креста, наполнившей целую вселенную, не видят, что Крестом стали явны для всех дела боговедения. Ибо если бы сами они искренно вникли умом в Божество Христово, то не стали бы столько насмехаться, а, напротив того, познали бы сего Спасителя міру, познали бы, что в Кресте не вред, но врачевство твари. Если с явлением Креста уничтожено всякое идолослужение и крестным знаменiem прогоняется всякое бесовское мечтание, если единому Христу поклоняются и чрез Него познается Отец, если противоречащие постыждаются и Христос с каждым днем невидимо преклоняет к Себе души прекословов, – то вправе мы сказать язычникам: как же можно это дело признать человеческим, а не исповедать паче, что Восшедший на Крест есть Божие Слово и Спаситель міра? Мне кажется, что с язычниками делается то же, что и с человеком, который бы стал унижать солнце, закрытое облаками, и потом дивиться его свету, видя, что озаряется им вся тварь. Как прекрасен свет, а еще прекраснее

виновник света – солнце, так, поелику наполнение целой все-ленной боговедением есть Божие дело, необходимо виновником и вождем в таком успешном действии быть Богу и Божию Слову.

Итак, сперва обличу, сколько могу, невежество неверующих, чтобы по обличении лжи сама собой воссияла наконец истина и для тебя несомненно было, что уверовал ты в истину и, познав Христа, не впал в обман. Думаю же, что с тобой, как с христоролюбцем, прилично рассуждать о Христе. Ибо уверен, что ведение о Нем и веру в Него предпочитаешь всему.

2. В начале не было зла, потому что и теперь нет его во святых, и для них вовсе не существует оно. Но люди впоследствии сами против себя начали примышлять и воображать злое. Отсюда же, конечно, образовали себе и первую мысль об идолах, несущее представляя как сущее.

Создатель мира и Царь царей Бог, превысший всякой сущности и человеческого примышления, как благий и всё превосходящий добротой, сотворил род человеческий по образу Своему, собственным Словом Своим, Спасителем нашим Иисусом Христом, и чрез уподобление Себе соделал его созерцателем и знателем сущего, дав ему мысль и ведение о собственной Своей вечности, чтобы человек, сохраняя это сходство, никогда не удалял от себя представления о Боге и не отступал от сожития со святыми, но, имея в себе благодать Подателя, имея и собственную свою силу от Отчего Слова, был счастлив и беседовал с Богом, живя невинной, подлинно блаженной и бессмертной жизнью. Ни в чем не имея препятствия к ведению о Боге, человек – по чистоте своей – непрестанно созерцает Отчий образ, Бога-Слова, по образу Которого и сотворен; приходит же в изумление, уразумевая Отчее чрез Слово о всем промышление, возносясь мыслью выше чувственного и выше всякого телесного представления, силой ума своего касаясь Божественного и мысленного на небесах. Когда ум человеческий не занят телесными предметами и не примешивается к нему совне возбуждаемое ими вожделение, но весь он горе и собран в себе самом, как было в начале, – тогда, преступив за пределы чувственного и всего человеческого, парит он в горних и, взирая на Слово, видит в Нем Отца Слову, услаждаясь созерцанием Его и обновляясь в любви к Нему. Так и Священные Писания о первом сотворенном человеке, который на ев-

рейском языке назван Адамом, говорят, что в начале с непотыдным дерзновением устремлен был он умом к Богу и сожительствова^л со святыми в созерцании мысленного, какое имел в том месте, которое святой Моисей в переносном смысле наименовал *раем* (Быт. 2, 8). А к тому, чтобы видеть в себе Бога, достаточно душевной чистоты, как и Господь говорит: *блаженни чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8).

3. Таким, по сказанному, Создатель соделал род человеческий и желал, чтобы таким же и пребыл он. Но люди, вознераде^в о совершеннейшем и поленившись постигнуть его, охотнее взыскали того, что ближе к ним; ближе же к ним были тело и телесные чувства. Посему уклонили они ум свой от мысленного, начали же рассматривать самих себя. А рассматривая себя, занявшись телом и иными чувственными вещами и обольщаясь этим, как своей собственностью, впали в самовожделение, предпочтя собственное созерцанию Божественного, и, закосне^в в этом, не хотя оставить ближайшего к ним, смятенную и возмущенную всякими вождениями душу свою подавили плотскими удовольствиями, наконец же забыли о своих силах, дарованных Богом в начале. Что это истинно, – можно видеть то и на первосозданном человеке, как говорят о нем Священные Писания. Пока ум его устремлен был к Богу и к созерцанию Бога, он отвращался от воззрения на тело. Когда же по совету змия оставил мысль о Боге и начал рассматривать себя самого, тогда впал в плотское вождение. *И уразумеша, яко нази беша* (Быт. 3, 7), и, уразумев, устыдились. Узнали же наготу свою не столько по недостатку одежд, но и потому, что совлеклись созерцания Божественного и обратили мысль к противоположному. Ибо, уклонившись от мысленного устремления к Единому и Сущему (разумею Бога) и от любви к Нему, вдалились уже в различные и частные пожелания тела. Потом, как обыкновенно бывает, допустив в себя вождение каждой вещи и вдруг многих вещей, начали иметь привязанность и к самим вождениям, а потому стали бояться оставить их.

От сего произошли в душе и боязнь, и страх, и удовольствие, и мысли, свойственные смертному. Душа, не желая оставить вождений, боится смерти и разлучения с телом; снова же вожде^левая и не достигая подобного прежнему, научается убивать и делать неправду. А почему и это делает душа – уместно будет объяснить это по мере сил.

4. Уклонившись от созерцания мысленного, употребляя во зло частные телесные силы, услаждаясь рассматриванием тела, замечая, что удовольствие для нее есть нечто доброе, душа в обольщении своем злоупотребила наименованием «доброе» и подумала, что удовольствие есть само существенное добро; как и человек, помешавшийся в уме, просит меча на всякого встречного и думает о себе, что поступает в этом благоразумно. Полюбив же удовольствие, душа начала различными способами воспроизводить его, потому что по природе будучи деятельной, хотя отвращается от доброго, однако же не прекращает своей деятельности и потому обращает свою деятельность уже не на добродетель и не на то, чтобы созерцать Бога, но, остановясь мыслью на не-сущем, употребляет способности свои превратно, пользуясь ими для измышленных ей вожеланий, ибо сотворена свободной, может как преклоняться на доброе, так и отвращаться от доброго; отвращаясь же от доброго, непременно останавливается мыслью на противном тому. Но не может вовсе прекратить свою деятельность, будучи, как сказано выше, деятельной по природе; и, сознавая свободу свою, видит в себе способность употреблять телесные члены на то и на другое: и на сущее, и на не-сущее. Сущее же – добро, а не-сущее – зло. И сущее называю добром, поколику оно имеет для себя образцы в сущем Боге, а не-сущее называю злом, поколику не-сущее произведено человеческими примышлениями. Тело имеет у себя глаза, чтобы взирать на тварь и из примечаемого в ней всестройного порядка познавать Создателя. У него есть слух для слышания Божиих словес и Божиих законов. У него есть руки для произведения ими необходимого и для молитвенного воздеяния их к Богу. Но душа, уклонившись от созерцания того, что добро, и от обращения на то своей деятельности, в заблуждении своем обращает уже ее на противоположное. Потом, как сказано выше, усматривая свои способности и злоупотребляя ими, воображает, что может обратить и телесные члены на противоположное. Посему вместо того, чтобы рассматривать тварь, обращает она глаз на вожелания, доказывая сим, что и это ей возможно, и думает, что, однажды устремив свою деятельность, сохраняет она свое достоинство и не погрешает, делая, что можно; не знает же, что сотворена не просто устремлять свою деятельность, но устремлять, на что должно. Посему-то и апостольское слово заповедует: *вся леть суть, но не вся на пользу* (1 Кор. 10, 23).

5. Но человеческая дерзость, имея в виду не то, что полезно и прилично, а что возможно, начала делать противоположное. Потому, и руки подвигнув на противное, стала ими убивать, и слух употребила на преслушание, и иные члены вместо законного чадородия – на прелюбодеяния, и язык вместо благохваления – на хулы, злословие и ложные клятвы, опять, и руки – на татьбу и на то, чтобы бить подобных нам человеков, и обоняние – на разнообразие благовоний, возбуждающих к похотливости, и ноги – на скорость *излияти кровь* (Притч. 1, 16), и чрево – на пьянство и на пресыщение без меры.

Всё же это – порок и душевный грех, и не иное что сему причиной, как отвращение от совершеннейшего. Представь, что ездок, сев на коней на ристалище, не обратит внимания на цель, к которой ему должно направить свой бег, а, поворотив в другую сторону, просто погонит коня, сколько может (а может он, сколько хочет), и иногда направит коней на встречных, а иногда погонит их по стремнине, несясь, куда увлекается быстротой коней, между тем как думает, что и при таком беге не минует цели, потому что в виду у него одна скорость езды, а не смотрит на то, что далеко он от цели. Так и душа, совратившись с пути к Богу и сверх меры понуждая телесные члены, лучше же сказать, гоня с ними и себя, погрешает и делает себе зло, не примечая, что сбилась с дороги и удалилась от истинной цели, на которую взирая, христоносный муж блаженный Павел сказал: *к преднамеренному теку, к почести вышнего звания Христа Иисуса* (Флп. 3, 14). Так святой, имея целью добро, никогда не делал зла.

6. Некоторые из эллинов, уклонясь с пути и не познав Христа, утверждали, что зло существует самостоятельно и само по себе, и в этом погрешают они по двум отношениям: или Создателя лишают достояния быть Творцом сущего, ибо не будет Он Господом сущего, если зло, как они говорят, само по себе имеет самостоятельность и сущность; или опять, желая, чтобы Он был Творцом всяческих, по необходимости делают Его и творцом зла, потому что, по словам их, и зло в числе существ. А это окажется нелепым и невозможным, потому что зло не от добра, не в нем и не чрез него. Ибо не будет уже то и добром, что имеет смешанную природу или стало причиной зла.

И некоторые еретики, отпад от церковного учения и потерпев крушение в вере, в безумии своем приписывают также злу самостоятельность. Кроме же истинного Отца Христова, воображают

себе иного бога и сего нерожденного творца зла и виновника злобы признают и создателем твари. Но нетрудно опровергнуть их Божественным Писанием и тем же самым человеческим разумом, которым, измыслив сие, приводятся они в беснование. Так, Господь и Спаситель наш Иисус Христос, подтверждая слова Моисеевы, что *Господь Бог един есть* (Втор. 6, 5), говорит в Евангелии Своем: *исповедаются, Отче, Господи небесе и земли* (Мф. 11, 25). Если же един Бог и Он – Господь неба и земли, то как быть иному Богу, кроме Него? Где будет признаваемый ими бог, когда в целом объеме неба и земли всё наполняется единым истинным Богом? И как иному быть творцом того, над чем Господь есть Сам Бог и Отец Христов, по Спасителеву слову? Разве скажут, что злой может быть господом и принадлежащего благому Богу, как бы в равновесии с Ним. Но если станут утверждать это, то смотри, в какое впадут нечестие. Между равномошными невозможно будет найтись превосходнейшему и совершеннейшему. Ибо если без воли одного существует другое, то в обоих – равная сила и в обоих – немощь; в обоих – равная сила, потому что бытием своим преодолевают изволение друг друга; и в обоих – немощь, потому что, когда не хотят они, против воли выходит дело; и благой существует против воли злого, и злой – против воли благого.

7. С другой стороны, можно сказать и сие. Если видимые вещи суть произведения злого, что будет произведением благого? Ибо ничего не видим, кроме единой твари Создателя. Что же служит и признаком бытию благого, когда нет Его произведений, по которым бы можно было познать Его? Ибо Создатель познаётся из дел. Да и вообще, как будут два существа, противоположные друг другу? Или что будет разделять их, чтобы существовали они одно вне другого? Вместе им быть невозможно, потому что разрушительны одно для другого; не могут же существовать и одно в другом, потому что несоединимо и неподобно естество их. Следовательно, разделяющим их окажется нечто третье, и оно будет также бог. Но неизвестным останется, к какому естеству принадлежит сие третье: к естеству ли доброго или к естеству злого; к естеству же того и другого принадлежать ему невозможно.

Итак, поелику такая мысль их оказывается нетвердой, необходимо просиять истине церковного ведения, а именно, что зло не от Бога и не в Боге, что его не было вначале и нет у него какой-либо сущности; но люди с утратой представления о добре сами себе по своему произволу стали примышлять и воображать не-

сущее. Как смежающий глаза, когда солнце взошло и вся земля осиявается светом его, вымышляет себе тьму, хотя и нет тьмы, и потом ходит, блуждая, как во тьме, нередко падая, приближаясь к стремнинам, сам же остается в той мысли, что нет света, а есть тьма (ибо, думая, что смотрит глазами, вовсе ничего ими не видит), так и душа человеческая, смежив око, которым может созерцать Бога, измыслила себе злое и, на него обратив свою деятельность, не знает, что, представляя себя делающей нечто, ничего она не делает, потому что воображает не-сущее и не такой уже остается, какой сотворена, но в какое смешение сама себя привела, такой и оказывается. Ибо сотворена была созерцать Бога и озаряться Им; она же вместо Бога взыскала тленного и тьмы, как негде и Дух говорит в Писании: *Сотвори Бог человека правого. И си взыскаша помыслов многих* (Еккл. 7, 30).

Так произошло и образовалось в начале изобретение и примышление зла людьми. Но нужно сказать уже и о том, как люди дошли до идолобесия. Из сего узнаешь, что изображение идолов было вовсе не от благого, но от злобы. А что имеет худое начало, то, будучи всецело худо, никогда ни в чем не может быть призначно добрым.

8. Душа человеческая, не удовольствовавшись примышлением зла, постепенно начала вдаваться еще в худшее. Познав различия удовольствий, утвердившись в забвении Божественного, услаждаясь же телесными страстями и имея в виду одно настоящее и уважение к нему, душа помыслила, что нет уже ничего, кроме видимого, но одно преходящее и телесное – для нее добро. Сравтившись же с пути и забыв о себе, что сотворена по образу благого Бога, не созерцает уже при помощи данных ей сил того Бога-Слова, по Которому и сотворена, но, став вне себя самой, останавливается мыслью на не-сущем и воображает его. И это как бы зеркало, в котором одном могла видеть Отчий образ, закрыв в себе множеством столпившихся телесных вожделений, не видит уже того, что должно умопредставлять душе, а носится повсюду и видит одно то, что подлежит чувству. Оттого, исполнившись всяких плотских вожделений и смущаемая уважением к чувственному, наконец, того Бога, Которого предала забвению в уме, воображает в телесном и чувственном, имя Божие присвоив видимому и то одно прославляя, что ей кажется угодным и на что взирает она с приятностью. Итак, идолослужению предшествует зло как причина. Люди, научившись примышлять себе не-сущее

зло, вообразили себе также и не-сущих богов. Представь, что погрузившийся в глубину не видит уже света и вещей, видимых при свете, потому что глаза его обращены вниз и над ним лежит глубокий слой воды; ощущая же одно то, что находится в глубине, думает он, что, кроме сего, нет уже ничего, а, напротив того, эти видимые им вещи составляют всё в собственном смысле существующее. Так и в древности обезумевшие люди, погрузившись в плотские пожелания и мечтания, предав забвению и понятие, и мысль о Боге, при слабом своем рассудке, лучше же сказать, при отсутствии разума, видимые вещи вообразили себе богами, прославляя тварь паче Творца и обожая скорее произведения, нежели их Виновника и Создателя – Владыку Бога.

Но как в приведенном выше примере погружающиеся в глубину чем более сходят вниз, тем в большую стремятся тьму и глубь, так было и с человеческим родом. Ибо не просто впали люди в идолослужение и не остановились на том, с чего начали; но в какой мере закосневали в прежнем, в такой же изобретали себе новые суеверия и, не зная сытости в прежних своих худых делах, пресыщались новыми, преуспевая в срамоте, далее и далее простирая свое нечестие. Об этом свидетельствует и Божественное Писание, говоря: *егда приидет нечестивый во глубину зол, нерадит* (Притч. 18, 3).

9. Как скоро ум человеческий отступил от Бога, люди, ниспадая в понятия и помыслах, прежде всего воздали божескую честь небу, солнцу, луне и звездам, подумав, что они не только боги, но и виновники всего прочего. Потом, еще ниже нисходя омраченными помыслами, наименовали богами эфир, воздух и что в воздухе. Поступив же далее во зле, возвеличили уже богами стихии и начала телесного состава: теплоту, холод, сухость и влажность. И как совершенно упавшие влачатся по земле, подобно земляным улиткам, так злочестивейшие из людей, пав и унизившись в представлении о Боге, в число богов включили, наконец, людей и изображения людей, как еще живых, так и уже умерших. А возжелав еще худшего и остановившись на том мыслью, Божественное и премірное Божие имя перенесли уже на камни, на деревья, на пресмыкающихся в воде и на суше и из бессловесных – на животных свирепых; им стали воздавать всякую божественную честь, отвратились же от истинного, действительно сущего Бога Отца Христова. И, о если бы хоть на этом остановилась дерзость неразумных и не сквернили они себя большим злочестием, про-

стираясь еще далее! Ибо некоторые до того унизились мыслью и омрачились умом, что измыслили себе и вместе обоготворили даже то, что вовсе никогда не существовало и чего не видно между сотворенными вещами. Смешав и разумное, и бессловесное, сочетав между собой несходное по природе, кланяются они тому как богам. Таковы у египтян боги с песьими, змеиными и ослиными головами, а у ливиян Аммон с головой овна. Иные же, взяв отдельно телесные члены: голову, плечи, руки, ноги, – каждый член включили в число богов и стали обожать, как будто не довольствуясь поклонением целому телу в его совокупности. Другие простерли далее свое нечестие и, обоготворив то, что было предложено к изобретению сих богов и к собственному их злонравию, то есть сластолюбие и вожделение, – и сему кланяются. Таковы у них Эрот и Афродита в Пафосе. Другие же, как бы соревнуя друг другу в худом, дерзнули причесть к богам своих государей и детей их или из почтения к властвовавшим, или страхась их самоуправства; таковы в Крите пресловутый у них Зевс, в Аркадии – Гермес, у индов – Дионис, у египтян – Изиды, Озирис и Ор. И ныне Антиноя, любимца римского царя Адриана, хотя знают, что он человек и человек не благонравный, но весьма развратный, чтут, страхась того, кто дал о сем повеление. Ибо Адриан, находясь в Египте, когда умер служитель его сластолюбия Антиной, любя юношу и по смерти, повелел воздавать ему божескую честь; а тем и сам себя обличил, и вместе дал знать вообще об идолослужении, что не иначе изобретено оно у людей, как из вожделения к воображаемому. Об этом свидетельствует и Божия премудрость, говоря: *начало блуждения умышление идолов* (Прем. 14, 12).

И не дивись тому, что говорю, не почитай сего превосходящим вероятие. Не так давно бывало (а может быть, и доньше это соблюдается), что сенат римский о своих от начала бывших царях или о всех, или о ком изволит и заблагорассудит он, делал постановление: «Быть им в числе богов», и предписывал воздавать им божескую честь. Если которые ненавистны сенату, то объявляет он природу их и как врагов именует людьми; а которые угодны ему, тем за доблестные дела повелевает воздавать божескую честь, как будто сенаторы имеют власть делать богами, хотя сами они люди и не отрицают о себе, что они смертные. А между тем надлежало бы, чтоб делающие других богами тем паче сами были боги; потому что творящее должно быть совершеннее творимого; и кто судит, тот необходимо выше подсудимого, и кто дает, тот, без сомнения, чем одаряет других, то и сам имеет; как и всякий царь, конечно, что

имеет, то и дарит, и сам – лучше и выше приемлющих дар. Посему если и они о ком хотят, о тех и делают поставления: «Быть им в числе богов», то прежде самим бы им надлежало быть богами. Но это-то и достойно удивления, что они, умирая, как люди, тем самым показывают лживость своего приговора о тех, которые обоготворены ими.

10. Но обычай этот не нов и не в римском начался сенате, напротив же того, с давних времен получил начало и наперед замышлен с понятием об идолах. Ибо древние, пресловутые у эллинов боги: Зевс, Посейдон, Аполлон, Гефест, Гермес, – и женского пола: Гера, Деметра, Афина, Артемида, – удостоены именованья богов по указам известного по истории у эллинов Тесея. И давшие указы, умирая, оплакиваются как люди; о ком же дали они указы, тем поклоняются как богам. Какое противоречие и умоисступление! Зная давшего указ, предпочитают ему тех, о ком дан указ.

И пусть бы еще идолобесие их ограничилось только мужами и не перенесло божеского именованья и на женский пол! Ибо и женам, которых небезопасно принимать в общее совещание о делах, воздают божескую честь и чтут их. Таковы те, которых, по сказанному выше, указано чтить Тесеем; у египтян же: Изиды, Кора и Неотера, а у иных – Афродита, ибо имена других, как исполненные всякого позора, не почитаю позволительным и повторять.

Не только в древности, но и в наши времена многие, утратив самых любимых ими братьев, сродников и жен, и жены, утратив мужей, – когда сама природа показала, что утраченные были смертные люди, – но по причине великой о них скорби изобразив их на картине и выдумав жертвы, поставили напоказ, а жившие впоследствии ради изображения и художникова искусства стали таковым кланяться как богам, поступив вовсе неестественно. Ибо родители оплакивали изображенных на картине вовсе не как богов; а если бы признавали их богами, то не плакали бы о них как об утраченных. Поелику они не признавали их не только богами, но даже и вовсе существующими, то изобразили их на картине, чтобы, видя напоминаемое картиной, утешиться в их несуществовании. И сим-то безрассудные молятся как богам и воздают им честь, подобающую истинному Богу! В Египте и доньше еще совершается плач об утрате Озириса, Ора, Тифона и других. Додонские утвари и кориванты в Крите доказывают, что Зевс не бог, а человек и рожден плотояд-

ным отцом. И удивительно то, что самый мудрый и много похвальный у эллинов за то, что уразумел Бога, т. е. Платон, идет с Сократом в Пирей поклониться изображению Артемиды, сделанному человеческим искусством!

11. О таковых и подобных этим изображениям идолобесия давно и задолго прежде научило Писание, говоря: *Начало блуждения умышление идолов: изобретение же их, тление живота. Ниже бо была от начала, ниже будут во веки: тщеславием бо человеческим внидоша в мир, и сего ради краток их конец вменися. Горьким бо плачем сетуя отец скоро восхищенного чада образ сотворив, егоже тогда человека мертва, ныне яко жива почти, и предаде подручным тайны и жертвы: потом временем возмощий нечестивый обычай, аки закон храним бысть, и мучителей повелением почитаема бяху изваянная. Ихже бо в лице не могуще чествовати человецы дальняго ради обитания, издавеча лице изобразивше, явный образ почитаемого царя сотвориша, яко да отстоящаго аки близ сущаго ласкают с прилежанием. В продолжение же нечестия и не разумеющих понуди художниково искусство. Сей бо хотя угодити державствующему, произведе хитростию подобие на лучшее: множество же человек привлечено благообразием дела, прежде в мале чествованнаго человека, ныне в бога вмениша. И сие бысть житию в прельщение, яко или злосключению, или мучительству послуживше человецы, несообщно имя камению и древам обложиша (Прем. 14, 12-21).*

Так, по свидетельству Писания, началось и произошло у людей изобретение идолов. Время уже представить тебе и обличение идолопоклонства, заимствовав доказательства не столько отвне, сколько из того, что сами язычники думают об идолах.

Если кто возьмет во внимание деяния так называемых ими богов (начну сперва с сего), то найдет, что они не только не суть боги, но даже гнуснейшие были из людей. Ибо каково видеть у стихотворцев описанные распутства и непотребства зевсовы? Каково слышать, что Зевс похищает Ганимеда, совершает тайные прелюбодеяния, боится и мучится страхом, чтобы против воли его не были разорены троянские стены? Каково видеть, что он скорбит о смерти сына своего Сарпедона, хочет помочь ему и не может, что против него злоумышляют другие так называемые боги, именно: Афина, Гера и Посейдон, а ему помогают женщина Фетида и сторукий Эгеон, что Зевс преодолевается сластолюбием, раболепствует женщинам и для них вдается в

опасности, принимая на себя мечтательный вид бессловесных животных, четвероногих и птиц, и что еще укрывают его от отцова злоумышления, Крон же, который сам обрезал отца, связан им? Посему справедливо ли предполагать богом того, кто совершил такие черные дела, каких общие римские законы не позволяют делать и простым людям?

12. По обилию примеров напому из многого немногое: видя незаконные и безнравственные поступки Зевса с Семелой, Ледой, Алкменой, Артемидой, Латоной, Майей, Европой, Данаей и Антиопой или зная его бесстыдное отношение к собственной сестре, которая была ему и сестрой, и женой, – кто не предал бы его поруганию и смертной казни? Притом же, он не только прелюбодействовал, но и возводил в ряд богов своих детей, рожденных от прелюбодеяния, прикрывая видом обоготворения собственное беззаконие. Так сделались богами Дионис, Геракл, Диоскуры, Гермес, Персей и Сотеира.

Также, зная непримиримую между собой вражду так называемых богов в Илионе за эллинов и троян, кто не осудит их в бессилии, потому что из ревности друг к другу раздражали и людей? Или, зная, что Диомедом ранены Арей и Афродита, а Гераклом – Гера и преисподний, которого называют адским богом, Персеем же – Дионис, Аркадом – Афина, что Гефест сринут и стал хромым, – кто не заключит худо об их природе и не откажется утверждать, что они – боги? Слыша же, что подлежат они страданию и тлению, не признает ли их не более как людьми, и людьми немощными, и не станет ли скорее дивиться тем, которые наносили им раны, нежели им раненым?

Или, видя прелюбодеяние Арей с Афродитой и Гефеста, устраивающего ловушку для них обоих, видя также, что другие так называемые боги, призванные Гефестом посмотреть на это прелюбодеяние, идут и смотрят на их бесстыдство, – кто не посмеялся бы и не признал бы их недостойнство? Или кто не посмеялся бы, видя бражничанье и дурачество Геракла с Омфалой?

Нет нужды и обличать с усилием сластолюбивые их поступки, превосходящие всякую меру злободейства; также изваяние богов из золота, серебра, меди, железа, камней и дерева, потому что всё это само в себе ненавистно и само собой показывает в себе признак заблуждения. А поэтому жалеть наипаче должно о тех, которые вводятся этим в обман. Ненавидят они злодея, который приступает к женам их, но не стыдятся боготворить

учителей любодейства; сами воздерживаясь от кровосмешения, они молятся тем, которые делают это; и, признавая деторастление злом, они чтут тех, которые повинны в нем; и что по законам непозволительно у людей, то не стыдятся приписывать так называемым богам своим.

13. Притом кланяющиеся камням и деревьям не примечают, что ногами они попирают и жгут подобные вещи, а часть тех же вещей именуют богами. Что незадолго прежде употребляли на свои нужды, то самое, сделав из сего изваяние, в безумии своем чествуют, вовсе не примечая и не рассуждая, что кланяются не богам, но искусству ваятеля. Пока не обтесан еще камень и не обделано вещество, до тех пор попирают их и пользуются ими на потребности свои, часто и низкие; а когда художник по науке своей приведет их в соразмерность и напечатлеет на веществе образ мужа или жены, тогда, свидетельствуя благодарность свою художнику и купив их у ваятеля за деньги, кланяются уже им как богам. Нередко же и сам делатель истуканов, как бы забыв, что им они сработаны, молится собственным своим произведениям и, что недавно обтесывал и обрубал, то – по искусственной обделке – именует богами. Ежели бы и следовало удивляться чему в истуканах, то надлежало бы похвалить художество искусника и сделавшему не предпочитать того, что сделано им, потому что не веществом украшено и обоготворено искусство, но искусством – вещество. Посему гораздо было бы справедливее, чтобы кланялись они художнику, а не произведениям его, потому что он был еще прежде сделанных искусством богов; и как ему хотелось, так и сделаны они. Теперь же, отринув справедливое, не уважив науки и искусства, кланяются тому, что сделано по науке и искусству. И когда сделавший человек умирает, его произведения чествуют как нечто бессмертное, хотя они, если бы не прилагать о них ежедневного попечения, без сомнения, по природе своей уничтожились бы со временем.

Как же не пожалеть о них и по той причине, что, сами видя, кланяются не видящим, сами слыша, воссылают мольбы к неслышащим, сами по природе одушевленные и разумные люди именуют богами вовсе не движущихся и неодушевленных? Удивительно также, что сами их охраняют, имея у себя под властью, и служат им как владыкам! И не подумай, что говорю это без основания или лгу на них. Достоверность этого сама собой падает в глаза, и всякому желающему можно видеть это.

14. Но лучшее об этом свидетельство находится в Божественном Писании, которое издревле учит и говорит: *Идоли язык сребро и золото, дела рук человеческих: очи имут, и не узрят: уста имут, и не возглаголют: уши имут, и не услышат: ноздри имут, и не обоняют: рuce имут, и не осяжут: нозе имут, и не пойдут: не возгласят гортанем своим. Подобни им да будут творящий я* (Пс. 113; 12, 16). Согласно с этим и пророческая укоризна: в том же и Пророки обличают идолов, когда Дух говорит: *Посрамятся созидающие Бога, и ваяющие вси суетная. И вси, отнюдуже быша, изсохша: и глусии от человек да соберутся вси, и да станут вкупе: и да посрамятся, и устыдятся вкупе. Яко наостри древоделатель сечиво, теслою содела оное, и свердлом сострой е, и состави е крепостию мышцы своея: и взалчет, и изнеможет, и не напиется воды. Древо бо избрав древоделя, постави е в меру, и клеєм сострой е, и сотвори е яко образ мужеск, и аки красоту человеку, поставити е в дому. Посече древо в дубраве, еже насади Господь, и дождь возрасти, да будет человеком на жжение, и взяв от него, согресь, и изжегше я, испекоша им хлебы, из оставшаго же сотвориша боги, и поклоняются им. Пол его сожгоша огнем, и на пол его, испече мясо, и яде, и насытится, и согресь, рече: сладко мне, яко согрехся, и видех огонь. Оставшему же поклоняется, глаголя: избави мя, яко бог мой еси ты. Не уведаша смыслити, яко отемнеша очи их, еже видети, и разумети сердцем своим. И не помысли в сердце своем, ни помысли в душе своей, ни уведе смышлением, яко пол его сожже огнем, и испече на углях его хлебы, и испек мяса снеде, и оставшее его в мерзость сотвори, и поклоняются ему. Увеждь, яко пепел есть сердце их, и прельщаются, и ни один может души своея избавити: видите, не рцыте яко лжа в деснице моей* (Ис. 44, 10-20). Как же не признать всякому безбожными тех, кого и Божественное Писание обвиняет в нечестии? Не злосчастны ли так явно обличаемые в том, что вместо истины служат вещам неодушевленным? Какая у них надежда? Или какое будет извинение возложившим упование на тварей бессловесных и не имеющих движения, которых чествуют они вместо истинного Бога?

15. Пусть художник соорудил бы им богов, не придавая никакого образа, чтоб не иметь им явного обличения в бессмысленности! Скрыли бы они от людей простых и возможность предположения, что идолы чувствуют, если бы у идолов не было указания на чувства, как-то: глаз, ноздрей, ушей, рук, уст, остающихся в

бездействии, так что не могут воспользоваться чувством и наслаждаться чувствуемым. Теперь же, имея их, вместе и не имеют; стоя, не стоят, сидя, не сидят, потому что не действуют ими; но какое положение захотел дать им соорудитель, в таком и пребывают неподвижно, не представляя в себе ни одного признака Божественности, но оставаясь совершенно неодушевленными и только от искусства человеческого принявшими свой вид.

Пусть также провозвестники и провещатели таковых лжебогов (разумею стихотворцев и бытописателей) просто написали бы, что они – боги, а не описывали бы их деяний в обличие небожественности и срамного жития! Одним именем Божества могли бы они скрыть истину, лучше же сказать, отвратить многих от истины. Теперь же, повествуя о любодеениях и непотребствах зевсовых, о деторащении других богов, о сладострастной похотливости на женский пол, о страхе и робости и об иных пороках, не иное что делают, как изобличают самих себя, что не только не о богах они повествуют, но даже слагают свои басни не о честных, а о гнусных и далеких от совершенства людях.

16. Но, может быть, злочестивые прибегнут в этом случае к свойству стихотворцев, говоря, что отличительная черта стихотворцев изображать несуществующее и лгать, слагая басни в удовольствие слушателей. Посему-то, скажут, сложили они басни и о богах. Но предлог этот всего более для них ненадежен, как докажется это тем самым мнением, какое имеют и предлагают они о богах. Ибо если у стихотворцев всё – вымыслы и ложь, то ложно будет и само именование, когда говорится о Зевсе, Кроне, Гере, Арее и о других. Может быть, как говорят они, вымышлены и имена и вовсе нет ни Зевса, ни Крона, ни Арея; стихотворцы же на обольщение слушателей изображают их как существующих. Но если стихотворцами вымышлены боги, которых нет, то почему же поклоняются им, как существующим? Или, может быть, скажут еще, что имена стихотворцами не вымышлены, деяния же приписаны богам ложно. Но и это не более надежно к их оправданию. Ибо если солганы ими деяния, то, без сомнения, солганы и имена тех, чьи деяния описывались. Или, если соблюдена ими истина в именах, то по необходимости соблюдена и в деяниях. С другой стороны, сложившие баснь, что они боги, верно знали, что и делать должно богам, и не стали бы приписывать богам человеческих понятий; как действий огня никто не припишет воде, потому что огонь жжет, а вода, напротив, в сущности холодна. Посему, если деяния достойны богов,

то и деятели будут боги. Если же людям, и людям злонравным, свойственно прелюбодействовать и делать всё выше исчисленное, то и делавшие это будут люди, а не боги; потому что сущность и деяния должны быть ответственны между собой, чтобы образ действия свидетельствовал о том, кто действовал, и по сущности познавалось деяние. Кто рассуждает о воде и об огне и описывает образ их действия, тот не скажет, что вода жжет, а огонь прохлаждает. И если кто поведет речь о солнце и земле, то не станет утверждать, что земля светит, а солнце произращает травы и плоды; напротив того, утверждая это, превзошел бы он всякую меру безумия. Так языческие писатели, особенно же преимущественнейший из всех стихотворец, если бы знали, что Зевс и другие суть боги, то не приписали бы им таких деяний, которые обличают, что они не боги, а, напротив того, люди, и люди нецеломудренные. Или, если солгали они, как стихотворцы, и ты уличаешь их в этом, то почему же не солгали они, говоря о мужестве героев, и вместо мужества не изобразили немощи, а вместо немощи – мужества? Как лгали они о Зевсе и Гере, так надлежало им уличать Ахиллеса в недостатке мужества, дивиться же силе терситовой, Одиссея оклеветать в неблагоразумии, изобразить нестерово малоумие, сложить баснь о женоподобных деяниях Диомеда и Гектора и о мужестве Гекубы, потому что стихотворцам, как утверждают они, должно всё вымышлять и лгать. Теперь же, говоря о людях, соблюли они истину, но не побоялись оклеветать так называемых богов.

Кто-нибудь из них скажет следующее: стихотворцы лгут, говоря о непотребных деяниях богов, а в похвалах, когда Зевса называют отцом богов, верховным, олимпийским и царствующим на небе, не вымышляют они, говорят же истину. Но не я один, а и всякий другой может доказать, что это рассуждение идет против них, потому что из прежних опять доводов в укор им обнаружится истина. Деяния изобличают, что они – люди, а похвалы – выше человеческой природы. Но то и другое не согласно между собой, и небожителям не свойственно делать подобные дела, и о делающих подобные дела никто не предположит, что они – боги.

17. Что же остается подумать? Не то ли, что похвалы ложны и дело лести; деяния же, вопреки им, говорят истину? И справедливость этого можно познать из обычая. Кто хвалит другого, тот не отзывается худо о жизни его; скорее же, если и гнусны чьи деяния по укоризненности дел, стараются превозносить таких лю-

дей похвалами, чтобы, обольстив слушателей избытком похвал, прикрыть беззакония хвалимых. Посему как предположивший похвалить кого-нибудь, если ни в жизни, ни в душевных доблестях не находит предлога к похвалам, потому что всё это срамно, то превозносит его в других отношениях, приписывая ему качества, которые выше его, – так и стихотворцы, которым удивляются язычники, приводимые в стыд срамными деяниями так называемых ими богов, присвоили им имя выше человеческого, не зная того, что предположением чего-то вышечеловеческого не прикроют в них собственно человеческого; скорее же человеческими их недостатками изобличат, что неприличны им Божественные черты. Думаю же, что стихотворцы против воли своей говорили о страстях и деяниях богов своих. Поелику они *несообщно*, как сказало Писание (Прем. 14, 21), Божие имя и Божию честь старались приложить тем, которые не боги, но смертные люди, и дерзкое предприятие их было весьма важно и злочестиво, то по сему самому невольно вынуждены они истиной изобразить их страсти, чтобы сказанное в писаниях их о богах всем последующим родам служило доказательством, что это – не боги.

18. Какое же оправдание, какое доказательство представят суеверные читатели сих богов, что это действительно боги? Тем, что говорено было незадолго пред сим, доказано, что это – люди, и люди не добронравные. Разве обратятся к тому, что высоко ценят их изобретения, полезные для жизни, и скажут: и богами они признаны за то, что были полезны для людей. Ибо Зевс, как называют, владел искусством ваятельным, а Посейдон – судоходным, Гефест – кузнечным, Афина – ткацким; Аполлон изобрел музыку, Артемида – псовую охоту, Гера – искусство одеваться, Деметра – земледелие, другие же – иные искусства, как повествуют о них историки. Но эти и подобные им познания должны люди приписывать не им одним, а общей человеческой природе, углубляясь в которую, люди изобретают искусства. Ибо искусство, по словам многих, есть подражание природе. Посему, если они были сведущи в искусствах, которыми тщательно занимались, то за это нужно признать их не богами, а скорее людьми, потому что и они не от себя произвели искусства, но подражали в них природе. Поелику, как люди, по природе способны они были приобретать познания в положенных для людей пределах, то нимало не удивительно, если, вникнув в свою природу и приобретая о ней познание, изобрели они искусства. Если же утверждают, что за

изобретение искусств справедливо было наименовать их богами, то и изобретателей других искусств следует наименовать богами на том же основании, на каком они удостоены этого наименования. Финикияне изобрели письма, Гомер – героическую поэзию, элеатец Зенон – диалектику, сиракузанин Коракс – риторическое искусство, Аристей ввел в употребление пчелиный мед, Триптолем – сеяние жита, спартанец Ликург и афинянин Солон издали законы, Паламид изобрел словосочинение, числа, меры и весы, а другие, по свидетельству историков, сделали известными иные различные и для человеческой жизни полезные вещи. Поэтому, если познания делают богами и за них стали ваять богов, то необходимо, чтобы, подобно им, стали богами и те, которые впоследствии были изобретателями других вещей. Если же последних не удостаивают божеской чести, а признают людьми, то следует и Зевса, и Геру, и других не именовать богами, но верить, что и они были люди, тем более, что не были они и благонравны: как и самим изваянием кумиров язычники доказывают, что боги их не иное что, как люди.

19. В какой иной образ облачают их ваятели, как не в образ мужей и жен? Разве еще, что ниже этого: в образ животных по природе бессловесных, всяких птиц, четвероногих, и кротких, и свирепых, также – пресмыкающихся, каких только производят земля, море и всякое водное естество? Люди, унизившись до скотского состояния страстями и сластолюбием и не имея в виду ничего иного, кроме удовольствий и плотских вожделений, как сами устремились мыслью в эти, бессловесным свойственные дела, так в виде же бессловесных стали представлять и Божество, по разнообразию страстей своих изваяв такое множество богов. Ибо у них есть изображения четвероногих, пресмыкающихся и птиц; как и истолкователь Божественного и истинного благочестия говорит: *Осуетишася помышлении своими, и омрачися неразумное их сердце: глаголющеся быти мудри, объюродеша, и измениша славу нетленного Бога в подобие образа тленна человека и птиц и четвероног и гад. Тем же и предаде их Бог в страсти безчестия* (Рим. 1; 21, 23, 26). Осквернив наперед душу скотским сластолюбием, как сказано выше, ниспали люди до подобных изображений Божества; а по падении уже как бы преданные тем самым, что отвратился от них Бог, погрязают в этом и Бога, Отца Слово, изображают в подобии бессловесных.

Так называемые у эллинов философы и люди сведущие, когда обличают их в этом, не отрицают, что видимые их боги суть изображения и подобия людей и бессловесных, но в оправдание свое говорят: для того у нас всё сие, чтобы чрез это являлось нам Божество и давало ответы, потому что невидимого Бога невозможно иначе и познать, как при помощи подобных изваяний и обрядов. А другие, сих превосходя любомудрием и думая сказать нечто еще более глубокомысленное, говорят: учреждения и изображения эти введены для призывания и явления божественных Ангелов и Сил, чтобы, являясь в этих изображениях, сообщали людям ведение о Боге; это как бы письма для людей; читая их, по бывающему в них явлению божественных Ангелов могут они познать, какое иметь понятие о Боге. Так баснословят, а не богословствуют (не скажем сего) языческие мудрецы! Но если кто со тщанием исследует это рассуждение, то найдет, что и их мнение не менее ложно, как и показанных прежде.

20. Иной, вступя с ними в речь, пред судом истины спросит: почему Бог ответствует и познается чрез идолов, по причине ли вещества, из какого сделаны идола, или по причине данного им образа? Если по причине вещества, то какая нужда в образе? Почему Бог не является просто во всем веществе, прежде нежели сделано из него это? Напрасно воздвигали они стены храма, заключая в них один камень, или одно дерево, или часть золота, когда вся земля наполнена их сущностью. А если причиной Божественного явления бывает наложенный на вещество образ, то какая нужда в веществе золота или чего-либо иного? Почему Богу не являться лучше в самих в природе существующих животных, которых образ имеют на себе изваяния? На этом основании мысль о Боге была бы лучше, если бы являлся Он в одушевленных живых существах, словесных или бессловесных, и не нужно было ожидать Его явления в вещах неодушевленных и не движущихся. В этом случае язычники впадают в нечестие, в котором всего больше противоречат сами себе. Естественных животных, четвероногих, птиц и пресмыкающихся почитают мерзостью и гнушаются ими или по причине их свирепости, или по нечистоте, и однако же, изваяв подобия их из камня, дерева, золота, боготворят оные. Надлежало бы им лучше чествовать самих животных, нежели чтить изображения их и поклоняться им в изображениях. Или, может быть, в идолах ни то, ни другое – ни образ, ни вещество – не служит причиной Божия присут-

ствия; призывает же Божество на них одно сведущее искусство, которое само есть подражание природе. Но если при помощи знания нисходит Божество на изваяния, то, опять, какая нужда в веществе, когда знание в человеке? Ибо если при помощи одного искусства является в изваяниях Бог, и потому изваяния чествуются как боги, то надлежало бы поклоняться людям, как виновникам искусства, и их чествовать, поколику они разумны и в себе самих имеют сведение.

21. На второе же, конечно, более глубокомысленное оправдание их не без основания можно сказать следующее: если делается это у вас, эллины, не по причине явления Самого Бога, но по причине присутствия там Ангелов, то почему изваяния, чрез которые призываете вы Силы, у вас лучше и выше самих призываемых Сил? Делая изваянные образы, как говорите, для приобретения понятия о Боге, присвоите этим изваяниям честь и наименование Самого Бога и в этом поступаете неблагочестно. Признавая, что сила Божия превышает ничтожества идолов, и потому осмеливаясь чрез них призывать не Бога, но низшие Силы, потом, оставив Силы эти в стороне, камням и деревьям присвоили вы имя Того, Чье присутствие для вас страшно; и не камнями, не произведением человеческого искусства именуете их, но богами и поклоняетесь им. Если, как ложно уверяете, это у вас письма для умозрения о Боге, то несправедливо знаки предпочитать означаемому. Если кто напишет царево имя, то предпочитающий написанное царю не останется в безопасности, а, напротив того, наказан будет смертью. Письмена же изобретаются искусством пишущего. Так и вы, если имеете здравый рассудок, то не можете на вещество переносить таковой признак Божества; даже изваяния не можете предпочесть изваявшему. Если идола, точно как письма, означают явление Бога и потому, как означающие собой Бога, достойны обоготворения, – то изваявшему и начертавшему их (разумею опять художника) тем паче надлежало быть обоготворенным, потому что он и могущественнее, и божественнее идолов, так как по его изволению обделаны и получили свой вид идола. Посему, если достойны удивления письма, то написавший их возбуждает гораздо большее удивление своим искусством и душевным знанием. Итак, если идолов не следует по этой причине почитать богами, то можно еще предложить вопрос об идолобесии, если кому желательно знать причину, почему идола имеют такой образ.

22. Если Божество человекообразно, а потому и идолы так изображаются, то для чего присвоят Божеству и подобия бессловесных? Если же у Него подобие бессловесных животных, то почему присвоят Ему изваяния существ словесных? А если в Нем то и другое, и в том и другом виде представляют они Бога, потому что имеет подобие и бессловесных, и словесных существ, – то для чего разделяют соединенное и отдельно делают изваяния бессловесных и изваяния людей, а не всегда изваяния их имеют вид тех и других, каковые изображения действительно находятся в баснословии, например: Сцилла, Харибда, Гиппоцентавр и у египтян – Анубис с головой пса? Надлежало бы или только так изображать их, имеющих двоякую природу, или, если имеют один только образ, не вымышлять для них другого. И еще: если они имеют мужеский образ, то для чего придают им и подобия женские? И если женский имеют образ, то для чего ложно представляют их в образе мужей? Опять, если они – то и другое, то надлежало не разделять, а соединять то и другое и уподоблять так называемым жено-мужам (гермафродитам), чтобы языческое суеверие не только обнаруживало в себе нечестие и клевету, но возбуждало и смех в зрителях.

И вообще, если представляют себе Божество телообразным, а потому воображают у Него и изваяниям дают: чрево, руки, ноги, также выю, грудь, уши, члены, у людей служащие к деторождению, – то смотри, до какого нечестия и безбожия унизились ум их, когда мог так думать о Божестве. Ибо Божеству следовало бы посему претерпевать непременно и всё прочее, свойственное телу, то есть быть рассекаемым, делимым и даже вообще подверженным истлению. Это же и подобное этому свойственно не Богу, а скорее – земным телам; потому что Бог бесплотен, нетленен, бессмертен и ни в ком ни для чего не имеет нужды; это же тленно, подобно телам, и, как говорено было прежде, имеет нужду в прислуге человеческой. Ибо часто видим, что обветшавшие идолы обновляются; уничтоженные временем, дождем или каким-либо из земных животных созидаются вновь. А посему можно осудить язычников в неразумии за то, что именуют богами идолов, которых сами делают, просят спасения у тех, которых искусством своим предохраняют от тления, молятся об удовлетворении своих нужд тем, о ком знают, что требуют собственной их попечительности, и, заключая их в небольших зданиях, не стыдятся называть владыками неба и всей земли.

23. И не из этого только можно усматривать безбожие язычников, но также и из того, что о самих идолах мнения их несогласны. Ибо если идолы – боги, как говорят и Любомудрствуют о них язычники, то к которому из них прилепится человек? И каких из них можно признать главнейшими, чтоб или, поклоняясь Богу, иметь на Него твердое упование, или, признавая Его Божеством, как говорят, не колебаться? Ибо не одни и те же именуются у всех богами, но большей частью сколько есть народов, столько вымыслено и богов. Случается же, что одна область и один город разделяются между собой во мнениях о почитании идолов. Финикияне не знают богов, признаваемых египтянами. Египтяне поклоняются не одним и тем же идолам с финикиянами. Скифы не приемлют богов персидских, а персы – сирских. Пелазги уничижают даже богов, чтимых во Фракии, а фракияне не признают чтимых фивянами. Инды с арабами, арабы с эфиопами и эфиопы с ними имеют различных идолов. Сирияне не чтут богов киликийских, каппадокияне же именуют богами не признаваемых в Киликии; иных вымыслили себе вифинияне, а иных – армяне. И к чему приводить многие примеры? Обитатели твердой земли поклоняются инаковым богам с островитянами, и островитяне чтут инаковых с жителями твердой земли. И вообще, каждый город и каждое селение, не зная соседних богов, предпочитают им своих, которых и признают только богами. О гнусных же египетских обычаях нет нужды и говорить, они у всех перед глазами; там города держатся суеверий противоположных и одно другому противоречащих; соседи всегда стараются чувствовать противное тому, что чувствуют живущие смежно с ними. Крокодилу поклоняются одни как Богу, у жителей же ближайших мест почитается он мерзостью. Льва чтут одни как Бога, а вне города не только не воздают ему чести, но даже, встретив, убивают его, как зверя. Рыбу, включенную одними в число богов, в другом месте ловят в пищу. Оттого у них войны, мятежи, всякого рода предлоги к убийствам и всё обаяние страстей. Удивительно же то, что пелазги, по сказанию историков, у египтян узнав имена богов, не знают египетских богов, воздают же честь богам другим, а не египетским. И вообще, у всех народов, зараженных идолослужением, различны верования и обряды богослужения, а не найдешь у них одного и того же.

Этому и быть надлежало, потому что, утратив мысленное устремление к единому Богу, люди впали во многое и различное; уклонившись от истинного Отчего Слова, Спасителя всех Христа, носятся они мыслью по многим вещам. Как отвратившиеся от

солнца и находящиеся в темном месте кружатся по многим непроходимым путям и кто перед ними, тех не примечают, а кого нет, тех представляют стоящими перед ними и, видя, не видят, – так подобным же сему образом и у тех, которые отвратились от Бога и омрачены в душе, ум находится в кружении; они, как пьяные и не способные видеть, представляют себе не-сущее.

24. Немалым обличением действительного безбожия язычников служит и следующее. Поелику в каждом городе и в каждой области боги различны и их много, притом один истребляет богов другого, – то всеми истребляются все. Почитаемые богами у одних делаются у других жертвами и возлияниями в честь ими именуемых богов. И наоборот, что у одних употребляется в жертву, то у других почитается богом. Египтяне чтут вола и Аписа, т. е. тельца; а другие вола и тельца приносят в жертву Зевсу. Правда, что в жертву приносят не тех самых, которые обоготворены; однако же, принося подобное, приносят, по-видимому, то же самое. Ливияне признают богом овна, которого и называют Аммоном; а у других овен часто закалается в жертву. Инды воздают честь Дионису, этим именем в переносном смысле называя вино; у других же вино употребляется на возлияние иным богам. Иные чтут и именуют богами реки, источники, особливо же египтяне всему предпочитают воду; между тем другие, и даже сами египтяне, обожающие это, водой омывают свои и чужие нечистоты и оставшееся по умовении выливают с бесчестьем. Но почти всё идолотворимое египтянами у других обращается в жертву богам. Посему сами язычники смеются над египтянами, что боготворят они не богов, но вещи, другими и даже ими самими употребляемые на очищение и жертвы.

25. Некоторые дошли уже и до такого злочестия и безумия, что закалают и приносят в жертву ложным богам своим самих людей, тогда как боги эти суть подобие и образ людей. Эти злосчастные не примечают, что закалаемые ими жертвы служат первообразами вымышленных и чествуемых ими богов. Им-то приносят в жертву людей, приносят почти подобное подобному или, вернее сказать, лучшее худшему, одушевленных закалают в жертву неодушевленным, разумных приводят на заклание не имеющим движения. Скифы, именуемые таврийскими, в жертву так называемой у них деве закалают претерпевших кораблекрушение и взятых в плен эллинов. Столь злочестиво поступают они с подобными себе людьми-

ми и в такой мере изобличают жестокость богов своих, что убивают даже тех, кого Промысел спас от опасностей на море, и этим как бы противятся самому Промыслу, потому что зверской своей душой уничтожают Его благодеяние. Другие же, когда возвращаются с войны победителями, разделив пленников на сотни и из каждой взяв по одному, столько человек закаляют в честь Арея, сколько изберут по числу сотен. И не скифы одни совершают такие мерзости по врожденной варварам свирепости; напротив того, обычное это дело, свойственное злобе идолов и бесов. Ибо в древности египтяне приносили людей в жертву Гере, а финикияне и критяне принесением в жертву детей своих умилоstellяли Крона. И древние римляне человеческими жертвами чтили Зевса, называемого Лациарием. Так или иначе, но все вообще и сквернили, и сквернились; сквернились сами, совершая убийства, и сквернили храмы свои, окурывая их подобными жертвами.

И от этого много зол приключилось людям. Они, видя, что приятно это демонам, и сами вскоре стали подражать богам своим, совершая подобные преступления и вменяя в заслугу себе подражание, по мнению их, существам совершеннейшим. Оттого люди стали вдаваться в человекоубийства, детоубийства и всякие непотребства. Каждый почти город от уподобления в нравах богам своим сделался исполненным всякого разврата. Пред идолами нет целомудренного, кроме того, чье непотребство ими засвидетельствовано.

26. В финикийских капищах в древности сидели женщины и в дар тамошним богам своим приносили начатки из цены блуда своего, думая умилоstellить тем богиню свою и заслужить ее благоволение. И мужи, отрекшись от своего пола, не желая принадлежать к мужчинам, претворяют себя в пол женский, чтобы угодить и оказать тем честь матери так называемых ими богов. Вообще, все живут срамно, соревнуют друг другу в худом, и, как сказал святой служитель Христов Павел: *жены бо их измениша естественную подобу в преестественную: такожде и мужи оставльше естественную подобу женска пола, разжегошася похотию своею друг на друга, мужи на мужех студ содевающе* (Рим. 1, 26-27). А этими и подобными этим делами подтверждают они и обличают, что и так называемые ими боги вели такую же жизнь. Ибо у Зевса научились они детоубийству и прелюбодеянию, у Афродиты – блуду, у Реи – непотребству, у Арея – убийствам, у других же – иным подобным делам, за которые законы наказывают и которыми гну-

шается всякий целомудренный человек. Посему справедливо ли почитать богами тех, которые делают подобные дела? Не лучше ли за развратность нравов признать, что они бессмысленнее и самих бессловесных? Справедливо ли также и воздающих им божескую честь почитать людьми? Не лучше ли пожалеть о том, что они бессмысленнее бессловесных и бездушнее неодушевленных? Если бы обратили они внимание, что душа их одарена умом, то не винулись бы во всё это с такой опрометчивостью и не отреклись бы от истинного Бога, Отца Христова.

27. Но, может быть, превосходнейшие из язычников и исполненные удивления к твари, будучи пристыжены обличениями в этих мерзостях, и сами не отрекутся, что действительно это предосудительно и стоит обличения, но останутся в той мысли, что служение миру и частям мира есть несомненное для них и неоспоримое верование. Даже будут хвалиться, что не камни, не деревья, вообще не изображения людей и бессловесных, птиц, гадов и четвероногих чествуют и обожают они, но солнце, луну, всё небесное украшение, а также землю и всё влажное естество. При этом скажут: никто не может доказать, будто бы и это по природе не боги, когда для всякого явно, что они не вещи неодушевленные и бессловесные, но по природе выше людей, потому что одни населяют небо, а другие – землю.

И это мнение стоит того, чтобы рассмотреть и подвергнуть его исследованию. Ибо и в этом слово наше, без сомнения, найдёт, что послужит истинным обличением язычникам. Но прежде, нежели приступим к рассмотрению и начнем доказательство, достаточно заметить, что сама тварь едва не вопиет против них, указывая на своего Творца и Создателя – Бога, над ней и над всем царствующего Отца Господу нашему Иисусу Христу, от Которого отвращаются эти мнимые мудрецы; поклоняются же происшедшей от Него твари и боготворят ее, хотя сама она поклоняется своему Творцу и исповедует того Господа, от Которого отрицаются они ради нее. Ибо таким образом люди, удивляющиеся частям мира и признающие их богами, весьма будут пристыжены взаимной друг для друга потребностью этих частей. Она показывает и дает знать, что Отец Слова есть действительно Господь и Творец этих частей, требующий от них беспрекословного Себе повиновения, как говорит и Божие законоположение: *небеса поведают славу Божию, творение же руку Его возвещает твердь* (Пс. 18, 1).

Достоверность этого не сокрыта от взоров, но весьма очевидна всякому, у кого не вовсе ослеплено умное око. Ибо если кто возьмет во внимание отдельные части твари и будет рассматривать каждую в особенности, например: и солнце возьмет само по себе, и луну отдельно, а также и землю, и воздух, и теплоту, и холод, и сухость, и влажность вне взаимной их между собой связи – и каждую из этих частей станет рассматривать особо, как она есть сама по себе, то, без сомнения, найдет, что ни одна часть мира сама для себя не достаточна, но все они имеют нужду одна в другой и только при взаимной друг другу помощи делаются самостоятельными. Солнце обращается вместе со всем небом и в нем заключается, вне же небесного кругообращения не могло бы и существовать. Луна и прочие звезды свидетельствуют о том, что вспомоществует им солнце. Оказывается также, что и земля дает плоды не без дождей, а дождь не может падать на землю без содействия облаков, и облака никогда не являются и не составляются сами собой без воздуха, и воздух нагревается не сам собой, но от эфира, светлым же делается, когда озарен солнцем. Источники и реки образуются не без земли; земля не сама на себе утверждена, но поставлена на водах и держится какими-то связями в середине вселенной; море и всю землю обтекающий сонне великий океан приводятся в движение ветрами и устремляются, куда понудит их сила ветров; сами ветры происходят не сами собой, но, как говорят рассуждающие о них, составляются в воздухе от теплоты и нагревания его эфиром и с помощью того же воздуха дуют всюду. Кто же при всей малосмысленности не знает, что четыре стихии, из которых образовалось естество тел (разумею теплоту и холод, сухость и влажность), поддерживаются только в совокупном соединении, а разделенные и разобщенные – от преобладания преизбыточествующей из них – делаются уже одна для другой разрушительными? Теплота истребляется увеличивающимся холодом, а холод опять уничтожается силой теплоты. Сухое увлажняется влажным, и последнее иссушается первым.

28. Посему как же эти вещи будут богами, имея нужду в помощи других? Или как можно просить у них чего-либо, когда сами одна от другой требуют себе содействия? Если у нас слово о Боге, то Он ни в ком не имеет нужды, самодоволен, самоисполнен, в Нем всё состоится; лучше же сказать, Он всему дает самостоятельность. Справедливо ли будет наименовать богами солнце, луну и другие

части творения, когда они не таковы, – напротив же того, имеют нужду во взаимном друг другу содействии?

Но, может быть, язычники, имея доказательство перед глазами, и сами сознаются, что части творения, взятые отдельно и сами по себе, недостаточны; станут же утверждать, что когда все части, сокупленные вместе, составляют одно великое тело, тогда целое есть Бог. По составлении из частей целого не будет уже им нужды ни в чем постороннем, целое же будет и само для себя довольно и для всего достаточно. Так скажут нам мнимые мудрецы, чтобы и за это выслушать себе обличение. Даже слово это докажет, что злочестие их при великом невежестве не меньше злочестия тех, о которых сказано прежде.

Ежели отдельные вещи, будучи между собой связаны, наполняют собой целое, и целое составляется из отдельных вещей, то целое состоит из частей, и каждая вещь есть часть целого. Но это весьма далеко от понятия о Боге. Бог есть целое, а не части; Он не из различных составлен вещей, но Сам есть Творец состава всякой вещи. Смотри же, как нечестиво выражаются о Божестве те, которые так говорят о Нем. Если Бог состоит из частей, то, без сомнения, окажется Себе Самому неподобным и составленным из вещей неподобных. Ибо если Он солнце, то не луна, если луна, то не земля, и если земля, то не будет морем. А таким образом, перебирая каждую часть отдельно, найдешь несообразность такого их рассуждения. То же заключение можно против них вывести из рассмотрения нашего человеческого тела. Как глаз – не слух, слух не рука, чрево не грудь, и выя также не нога, но каждый из этих членов имеет собственную свою деятельность и из этих различных членов составляется одно тело, в котором части соединены взаимной нуждой, разделятся же с наступлением времени, когда собравшая их воедино природа произведет разделение, потому что так угодно повелевшему Богу, – так (да позволит это сказать Сам Совершеннейший), если части творения, сочетавая их в единое тело, именуют Богом, то необходимо, чтобы, по доказанному уже, Бог Сам в Себе был неподобен Себе и также делился сообразно с природой делимых частей.

29. Но согласно с истинным умозрением можно еще и иначе обличить их безбожие. Если Бог по естеству бесплотен, невидим, неосязаем, то почему представляют они Бога телом, и что видимо глазами и осязаемо рукой, тому воздают божескую честь? И

еще: если утвердилось уже такое понятие о Боге, что Он во всем всемогущ и ничто не обладает Им, но Он всем обладает и над всем владычествует, то обоготворяющие тварь как не примечают, что она не подходит под такое определение Бога? Когда солнце бывает под землей, свет его затемняет земля, и он не видим. Луну же днем скрывает солнце блистанием своего света. Земные плоды нередко побивает град; огонь от прилива воды угасает; зиму гонит весна, а лето не позволяет весне преступать свои пределы, и лету опять осень воспрещает выходить из собственных своих пределов. Итак, если бы это были боги, то надлежало бы, чтоб они не были преодолеваемы и затмеваемы друг другом, но всегда находились одно при другом и вместе производили общие свои действия; надлежало бы, чтобы днем и ночью солнце и в совокупности с ним луна и прочий сонм звезд имели равный свет и свет их всем светил и всех осиявал; надлежало бы, чтобы море и источники смешались и доставляли людям общее питание; надлежало бы, чтобы в то же время были и безветрие, и дыхание ветров; надлежало бы, чтобы огонь и вода в совокупности удовлетворяли одной и общей потребности человеческой и никто не терпел от них вреда, потому что, по мнению людей, они – боги и делают всё не ко вреду, а скорее – к пользе. Если же это невозможно (по причине взаимной их противоположности), то вещи, одна другой противные, противоположные и между собой несовместимые, возможно ли называть богами и воздавать им божескую честь? Если несогласны они между собой по природе, то могут ли подавать мир другим молящимся и будут ли для них охранителями единомыслия?

Посему, как доказано в слове, по всей справедливости не могут быть истинными богами ни солнце, ни луна, ни другая какая часть твари, а тем паче изваяния из камней, из золота и из других веществ и также – вымышленные стихотворцами Зевс, Аполлон и другие. Напротив того, одни суть части творения, другие – вещи неодушевленные, а третьи были только смертные люди. Потому служение им и обоготворение их есть внушение не благочестия, но безбожия и всякого злочестия и доказательство великого уклонения от ведения единого и единственно истинного Бога, разумею же Отца Христова. А когда изобличено это и доказано, что языческое идолослужение исполнено всякого безбожия и введено не на пользу, а на погибель человеческой жизни, – теперь, как обещано было в начале слова, по изобличении заблуждения пойдем, наконец, путем истины и обратим

взор к Вождю и Создателю вселенной, Отчему Слову, чтобы чрез Него уразуметь нам и Бога Отца Его и показать язычникам, сколько удалились они от истины.

30. Сказанное доселе клонилось только к изобличению заблуждений в мире, путь же истины будет иметь целью действительно сущего Бога. К познанию же и точному уразумению истины имеем нужду не в ком другом, а только в себе самих. Путь к Богу не так далек от нас, как превыше всего Сам Бог; этот путь не вне нас, но в нас самих, и начало его может быть нами найдено, как и Моисей учил, говоря: *глагол веры в сердце твоем есть* (Втор. 30, 14. Рим. 10, 8). И Спаситель, давая разуметь и подтверждая то же самое, сказал: *Царствие Божие внутри вас есть* (Лк. 17, 21). Внутри же себя имея веру и Царствие Божие, можем вскоре узреть и уразуметь Царя вселенной – спасительное Отчее Слово. Да не отговариваются служащие идолам эллины, и вообще никто другой да не обольщает сам себя, будто бы нет у них такового пути, а потому и имеют они предлог к своему безбожию. Все мы вступили на этот путь, и всем он открыт, хотя и не все им идут, но многим желательно оставлять его, потому что влекут их сны житейские удовольствия.

А если кто спросит: что же это за путь? Отвечаю: душа каждого и в ней ум, потому что одним умом может быть созерцаем и уразумеваем Бог. Разве нечестивые, как отреклись от Бога, так откажутся и от того, что имеют душу? Это и всего справедливее было бы сказать им, потому что не имеющим только ума свойственно отрицаться от его Творца и Создателя Бога. Посему-то для людей простых нужно вкратце доказать и то, что всякий человек имеет душу, и душу разумную; потому что иные, особливо еретики, отрицают и это, полагая, что человек есть не более, как видимый образ тела; нужно для того, чтобы, когда будет это доказано, могли они сами в себе иметь ясное обличение идолослужения.

31. Первым немалым признаком того, что душа человеческая разумна, служит отличие ее от бессловесных; ибо по естественной привычке называем их бессловесными по тому самому, что род человеческий разумен. А потом немаловажным будет доказательством и то, что один человек рассуждает о находящемся вне его, мысленно представляет и то, чего нет перед ним, и опять рассуждает и обсуживает, чтобы из обдуманного избрать лучшее. Бессло-

весные видят то одно, что перед ними, стремятся к тому одному, что у них перед глазами, хотя бы впоследствии был от того им вред; но человек стремится не к видимому, а, напротив того, видимое глазами обсуживает рассудком; нередко, устремившись уже, рассудком бывает удержан и то, что им обдуманно, обсуживает снова. И всякий, если только он друг истины, сознаёт, что ум человеческий не одно и то же с телесными чувствами; а потому, как нечто иное, бывает судьей самих чувств; и если чувства чем предзаняты, то ум обсуживает, и припоминает это, и указывает чувствам лучшее. Дело глаза – видеть только, ушей – слышать, уст – вкушать, ноздрей – принимать в себя запах, рук – касаться; но рассудить, что должно видеть и слышать, до чего должно касаться, что вкушать и обонять, – не дело уже чувств; судят же об этом душа и ум ее. Рука может, конечно, взяться и за меч, уста могут вкусить и яд, но они не знают, что это вредно, если не произнесет о том суда ум. И это (чтоб видеть нам дело в подобии) походит на хорошо настроенную лиру и на сведущего музыканта, у которого она в руках. Каждая струна на лире имеет свой звук, то густой, то тонкий, то средний, то пронзительный, то какой-нибудь другой; но судить о согласии звуков и распознать стройный их лад невозможно без знатока; ибо тогда только оказывается в них согласие и правильный лад, когда держащий в руках лиру ударит по струнам и мерно коснется каждой. Подобно этому, поелику и чувства в теле настроены как лира, когда управляет ими сведущий ум, тогда душа рассуждает и знает, что делать и как поступать. Но это свойственно только людям, и это-то есть разумность человеческой души, пользуясь которой отличается она от бессловесных и доказывает о себе, что она действительно не одно и то же с видимым в теле. Тело часто лежит на земле, а человек представляет и созерцает, что на небе. Тело часто покоится, безмолвствует и сидит, а человек – внутренне в движении и созерцает, что вне его, переселяясь и переходя из страны в страну, встречаясь с знакомыми, нередко предугадывая и предугадывая по этому дела свои на другой день. Что же это иное, как не разумная душа, которая в человеке размышляет и представляет, что выше его?

- 32.** А для тех, которые дошли даже до бесстыдства неразумности, строгим доказательством послужит и следующее. Тело по природе смертно; почему же человек размышляет о бессмертии и нередко – из любви к добродетели – сам на себя навлекает смерть? Или, тело – временно; почему же человек представляет

себе вечное и поэтому пренебрегает тем, что у него под ногами, вожделевает же вечного? Тело само о себе не помыслит ничего подобного; оно не помыслило бы и о том, что вне его, потому что оно смертно и временно. Необходимо же быть чему-либо другому, что помышляло бы о противоположном и неестественном теле. Итак, что же это опять будет, как не душа разумная и бессмертная? Не совне, но внутри в теле, как музыкант на лире, производит она совершеннейшие звуки. Опять, глазу естественно смотреть и слуху – слушать; почему же одного отвращаются они, а другое избирают? Кто отвращает глаз от зрения? Или кто заключает для слышания слух, по природе способный слышать? Или кто нередко удерживает от естественного стремления вкус, по природе назначенный для вкушения? Кто запрещает до иного касаться руке, по природе деятельной? И обоняние, данное для ощущения запахов, кто отвращает от принятия в себя оных? Кто производит это вопреки тому, что естественно телу? Или почему тело, отвращаясь от требуемого природой, склоняется на совет другого и обуздывается его мановением? Всё это доказывает не иное что, как разумную душу, владывающую над телом. Тело не само себя движет, но приводится в движение и движется другим, как и конь не сам себя впрягает, но понуждает его владеющий им. Посему-то и даются людям законы – делать доброе и отвращаться порока; для бессловесных же, лишенных разумности и мышления, и худое остается невнятным и неразличимым. Итак, думаю, сказанным доселе доказано, что в людях есть разумная душа.

33. Но в церковном учении для убеждения в том, что не должно быть идолам, необходимо знать, что душа и бессмертна. Познание же об этом всего более облегчается для нас познанием тела и различением души от тела. Ибо если в слове нашем доказано, что душа не одно и то же с телом, тело же по природе смертно, – то необходимо душе быть бессмертной по тому самому, что она не подобна телу. И опять, если, по доказанному, душа движет тело, а сама ничем другим не приводится в движение, то следует из этого, что душа самодвижна и – по сложении с себя тела в землю – опять будет сама себя приводить в движение. Ибо не душа подвергается смерти, умирает же тело, вследствие разлучения с ним души. Посему, если бы душа приводима была в движение телом, то по разлучении с движущим ей следовало бы умереть. А если душа движет и тело, то тем паче необходимо ей

приводить в движение и себя. Приводя же себя в движение, по необходимости будет она жить и по смерти тела, потому что движение души не иное что есть, как жизнь ее; как, без сомнения, и о теле говорим, что тогда оно живет, когда движется, и тогда бывает смерть его, когда прекращается в нем движение. Но это яснее можно видеть из душевной деятельности, пока душа еще в теле. И когда душа заключена в теле и соединена с ним, не ограничивается она малостью тела и не соразмеряется с ним: тело лежит иногда на одре и, как бы уснув смертным сном, пребывает недвижимо, а душа по силе своей бодрствует, возвышается над природой тела и, хотя пребывает в теле, но, как бы преселяясь из него, представляет и созерцает то, что превыше земли; нередко же, поощряемая чистотой ума, воспаряет к святым и Ангелам, пребывающим вне земных тел, и беседует с ними, – то, разрешившись от тела, когда будет сие угодно соединившему ее с ним Богу, не тем ли паче и не в большей ли еще мере приобретет она яснейшее ведение о бессмертии? Ибо если и связанная телом жила такой жизнью, которая вне тела, то по смерти тела тем паче будет жить и не прекратится жизнь ее, потому что так сотворил ее Бог Словом Своим, Господом нашим Иисусом Христом. И помышляет, и мудрствует она о бессмертном и вечном, потому что сама бессмертна. Как телесные чувства, поелику тело смертно, видят смертное, так душе, созерцающей бессмертное и помышляющей о бессмертном, необходимо и самой быть бессмертной, и жить вечно. Ибо понятия и созерцания бессмертия никогда не оставят ее, пребывая в ней и служа как бы подгнетом к поддержанию бессмертия. Посему-то душа имеет понятие и о созерцании Бога и сама для себя делается путем, не совне заимствуя, но в себе самой почерпая ведение и разумение о Боге-Слове.

34. А поэтому утверждаем (о чем говорено уже было и прежде), что язычники как отреклись от Бога и кланяются вещам неодушевленным, так, думая о себе, что нет в них разумной души, и причисляя себя к бессловесным, в этом самом несут наказание за свое безумие. И потому, как неодушевленные, благоговя пред вещами неодушевленными, достойны они сострадания и руководства. Если же уверены они (как и вправе быть уверенными), что есть в них душа, и имеют высокое понятие о своей разумности, то для чего, как бы не имея души, отваживаются поступать вопреки разуму, не мудрствуют, как должно мудрствовать, но ставят себя выше и Божества? Ибо сами, имея бессмер-

тную и невидимую ими душу, уподобляют Бога вещам видимым и смертным. Или почему как отступили от Бога, так паки не прибегнут к Нему? Как отвратились они мыслью от Бога и несущее стали представлять себе богами, так могут возвыситься умом души своей и снова обратиться к Богу. Обратиться же к Богу будет для них возможно, если свергнут с себя скверну всякого вожделения, в какую облеклись, и в такой мере омоются, что отринут всё чуждое душе и в нее привзошедшее, представят же ее чистой от всяких примесей, какой была она сотворена; и таким образом придут в состояние созерцать в ней Отчее Слово, по Которому сотворены в начале. Ибо создана душа по образу и подобию Божию, как дает разуместь об этом Божественное Писание, говоря от лица Божия: *сотворим человека по образу Нашему и по подобию* (Быт. 1, 26).

Посему когда душа слагает с себя всю излившуюся на нее скверну греха и соблюдает в себе один чистый образ, тогда (чему и быть следует) с просветлением его, как в зеркале, созерцает в нем Отчий образ – Слово, и в Слове уразумевает Отца, Которого образ есть Спаситель. Или если учение души недостаточно, потому что ум ее омрачается внешним и не видит она лучшего, то ведение о Боге можно также заимствовать от видимого, потому что тварь порядком и стройностью, как бы письменами, дает уразуметь и возвещает своего Владыку и Творца.

35. Бог благ, человеколюбив, благопопечителен о сотворенных Им душах; и поелику по естеству Он невидим и непостижим, превыше всякой сотворенной сущности, а род человеческий, происшедший из ничего, не достиг бы ведения о Нем несотворенном, то посему-то самому и привел Он тварь Словом Своим в такое устройство, чтобы Его, невидимого по естеству, могли познавать люди хотя бы из дел. Ибо из дел нередко познаётся и такой художник, которого мы не видали. Говорят, например, о ваятеле Фидии, что произведения его соразмерностью и взаимной ответственностью частей показывают в себе Фидия, хотя и нет его перед зрителями. Так и из порядка в мире можно познавать Творца и Создателя его, Бога, хотя и невидим Он телесным очам. Никто не смеет сказать, будто бы Бог во вред нам употребил невидимость естества Своего и оставил Себя совершенно непознаваемым для людей. Напротив того, по сказанному выше, в такое устройство привел Он тварь, что хотя невидим по естеству, однако же познается из дел. И не от себя говорю это, но так научен я богословами; и один из них,

Павел, пишет к римлянам: *невидимая бо Его от создания мира творения помышляема видима суть* (Рим. 1, 20), и с дерзновением говорит ликаонянам: *и мы подобострастни есмы вам человецы, благовествующе вам от сих суетных обратитися к Богу живу, Иже сотвори небо и землю и море и вся, яже в них: Иже в мимошедшия роды оставил бе вся языки ходити в путех их: и убо не несвидетельствована Себе остави, благотворя, с небесе нам дожди дая, и времена плодотворна, исполняя пищею и веселием сердца наша* (Деян. 14, 15-17). Ибо взирая на небесный круг, на течение солнца и луны, на положения и круговращения прочих звезд, совершающиеся различно и по противоположным направлениям, впрочем, так, что при всем разнообразии соблюдается звездами одинаковый порядок, – кто не придет к той мысли, что не сами себя привели они в устройство, но есть иной приводящий их в устройство Творец? И взирая на восходящее ежедневно солнце, на луну, являющуюся ночью, по неизменному закону совершенно в равное число дней убывающую и возрастающую, также на звезды, из которых одни блуждают и разнообразно изменяют свое течение, а другие движутся в неуклонном направлении, – кто не составит себе такого понятия, что, без сомнения, есть правящий ими Создатель?

36. Также, видя, что противоположные по природе вещи соединены и пребывают в согласной стройности, например, срастворены огонь с холодом и сухость с влажностью и не враждуют между собой, но как бы из чего-то единого составляют одно тело, – кто не сделает такого заключения, что вне этих вещей есть Сочетавший их? И видя, что зима уступает место весне, весна – лету, лето – осени, что эти времена года по природе противоположны: одно охлаждает, другое палит, одно питает, а другое истощает, однако же все они равно и безвредно служат к пользе людей, – кто не подумает, что есть Некто совершеннейший всего этого, и Он, приводя всё в равенство, всем правит, хотя и не видишь ты Его? Или, взирая на облака, носимые в воздухе, и на водную тяготу, связанную в облаках, кто не приобретет себе понятия о Связавшем всё это и Повелевшем, чтобы так было? Или, смотря на эту землю, по природе весьма тяжелую, поставленную на воде и неподвижно стоящую на том, что по природе удободвижно, – кто не размыслит сам с собой, что есть Бог, сотворивший и устроивший ее? Или, видя по временам плодотворие земли, дожди с неба, разлития рек, появление новых источников, рождение животных от несходных

между собой, притом, примечая, что бывает это не всегда, а в определенные на то времена, и вообще усматривая, что вещами несходными и противоположными достигается равный и одинаковый между ними порядок, – кто не сделает заключения, что есть единая Сила, Которая, пребывая неизменной, привела это в устройство и распоряжается этим, как Ей благоугодно? Все эти вещи никогда не могли бы ни состояться, ни произойти сами собой – по взаимной противоположности естеств. Вода по природе тяжела и течет вниз; облака же легки, не имеют тяжести и стремятся вверх; однако же видим, что облака носят на себе воду, которая тяжелее их. Также земля весьма тяжела, а вода легче ее; однако же более тяжелое поддерживается легчайшим, и земля не падает вниз, а стоит неподвижно. Мужеский пол не то же, что и женский; однако же полы между собой соединяются, и обоими совершается одно рождение подобного живого существа. Короче сказать, холодное противоположно теплomu, влажное противоборствует сухому: однако же, сошедшись вместе, не оказывают между собой вражды, но согласно составляют одно тело и служат к происхождению всего.

37. Итак, вещи, по природе одна другой противоборствующие и противоположные, не соединились бы между собой, если бы не был совершеннее их связавший их Господь. Которому уступают и повинуются и сами стихии, как рабы послушные владыке. Каждая стихия не противоборствует другой, стремясь к тому, что свойственно ей по природе, но все они соблюдают между собой согласие, признавая соединившего их Господа. По природе они противоположны, а по изволению Правящего ими дружелюбны. Но если бы не были приводимы в единое срастворение высшим повелением, то каким бы образом стеклись и соединились тяжелое с легким, или сухое с влажным, или круглое с прямым, или огонь с холодом, или вообще море с землей, или солнце с луной, или звезды с небом и воздух с облаками, когда каждая вещь не сходна с другой по природе? Великое произошло бы между ними смятение, потому что одно палит, другое охлаждает, одно по тяжести влечет вниз, другое, напротив, по легкости – вверх; солнце освещает, а воздух омрачает. И звезды враждовали бы между собой, потому что одни имеют положение выше, а другие ниже. И ночь не уступала бы места дню, но всегда пребывала бы с ним в борьбе и раздоре. А в таком случае увидели бы мы уже не благоустройство, но расстройство, не порядок, но бесчиние, не приве-

дение в единый состав, а во всем разъединение, не соблюдение меры, а отсутствие ее, потому что при раздоре и противоборстве каждой отдельной части или всё уничтожилось бы, или что-либо одно оказалось одерживающим верх. Но и это опять доказывало бы расстройство целого, потому что оставшееся что-нибудь одно и лишенное содействия всего прочего делало бы целое не соразмерным, как в теле оставшаяся одна нога и одна рука не сохраняют в себе целого тела. Каким бы стал мир, если бы в нем осталось одно солнце, или круговращалась одна луна, или была одна ночь, или всегда продолжался день? Какая была бы опять стройность, если бы осталось одно небо без звезд, или звезды остались без неба? Что было бы пользы, если бы оставалось одно море и если бы простиралась одна земля без вод и без других частей творения? Как произошли бы на земле человек или вообще живое существо при взаимном мятеже стихий и преобладании чего-либо одного, недостаточного к составлению из себя тел? Ибо из одной теплоты, или из одного холода, или из одной влажности, или сухости ничто не составилось бы во вселенной, но повсюду было бы всё беспорядочно и несвязно. Даже и нечто самое, по-видимому, преобладающее не могло бы иметь самостоятельности без пособия прочих вещей, потому что при таком только пособии имеет оно самостоятельность.

38. Итак, поелику во всем открывается не бесчиние, но порядок, не отсутствие меры, но соразмерность, не расстройство, но благоустройство и всестройное сочетание мира, то необходимо заключить и составить себе понятие о Владыке, Который всё соединил и скрепил, во всем произвел согласие. Хотя и невидим Он очам, но порядок и согласие вещей противоположных дают уразуметь их Правителя, Распорядителя и Царя. Если увидим, что город, населенный множеством различных людей, больших и малых, богатых и бедных, также – старых и молодых, мужчин и женщин, управляется добропорядочно и жители, хотя различны между собой, но единомысленны: ни богатые не восстают на бедных, ни большие на малых, ни молодые на старых, но все равномерно живут в мире, – если, говорю, заметим всё это, то, без сомнения, поймем, что единомыслие поддерживается присутствием градоправителя, хотя и не видим его. Ибо бесчиние есть признак безначалия, а порядок доказывает, что есть владычествующий. И в теле примечая, что члены между собой согласны, глаз не противоборствует слуху, рука не восстает против ноги, но каждый член безмятежно

отправляет свое служение, – конечно, заключаем из сего, что есть в теле душа, правительница членов, хотя и не видим ее. Так, видя порядок и стройность вселенной, необходимо представлять Властителя вселенной Бога, и притом одного, а не многих.

И сам порядок мироправления, и согласная во всем стройность доказывают не многих, но единого Мироправителя и Вождя – Слово. Если бы тварь имела многих правителей, то не соблюдался бы такой во всем порядок, но всё пришло бы опять в беспорядок, потому что каждый бы из многих наклонял всё к своему намерению и противоборствовал другим. Как выше утверждали мы, что многобожие есть безбожие, так многоначалие по необходимости будет безначалием. Поелику каждый уничтожает власть другого, то ни один не окажется начальствующим, но у всех произойдет безначалие. А где нет начальствующего, там непременно бывает беспорядок. И наоборот, единый порядок и единомыслие многих и разных доказывают, что у них один начальник. Если кто издали слышит лиру, на которой много разных струн, и дивится их стройному согласию, потому что звучит не та одна струна, у которой звук густ, и не та одна, у которой звук тонок, и не та одна, которая имеет звук средний, но звучат все в равном между собой соотношении, – то, конечно, заключит из сего, что лира не сама себя приводит в движение и что не многие ударяют в струны, но один есть музыкант, хотя и не видишь ты его, и он искусством своим звук каждой струны срастворяет в единое стройное согласие. Так, поелику в целом мире есть всестройный порядок, ни горнее не восстает против дольного, ни дольнее против горнего, но всё стремится к одному порядку, – то следует представлять себе не многих, а единого Правителя и Царя всей твари, Который всё озаряет светом Своим и приводит в движение.

39. Не должно думать, что у твари много правителей и творцов; но – со строгим благочестием и истиной согласно – веровать в единого ее Создателя, что ясно доказывает и сама тварь. Ибо надежным признаком, что Творец вселенной один, служит то, что миров не много, а один. Если бы много было богов, то надлежало бы, чтоб и миров было много и они были различны. Многим же устроить один мир и единому миру быть творением многих неприлично было бы – по открывающимся в этом несообразностям. Впрочем, если бы один мир произошел от многих, то показывал бы бессилие сотворивших, потому что одно дело совершено многими, а это немаловажный признак, что сведение каждого в деле творе-

ния было несовершенно. Ибо если бы и одного было достаточно, то не стали бы взаимных недостатков восполнять многие. Сказать же, что в Боге есть недостаток, не только нечестиво, но и крайне незаконно. И у людей назовут художника слабым, а не совершенным, если одно дело может он совершить не один, но только вместе с многими. А если каждый мог совершить целое, все же производили его для участия в деле, то смешно будет предполагать, что каждый действовал для славы, чтобы не подозревали его в бессилии; и опять, приписывать богам тщеславие – весьма нелепо. Притом, если каждый один имел довольно сил создать целое, то какая нужда во многих, где на всё достаточно одного? И с другой стороны, нечестиво и нелепо будет предположение, что творение одно, а творивших много, и они различны, потому что по естественной причине единое и совершенное лучше различного. Надобно же знать и то, что если бы мир произведен был многими, то имел бы различные и несходные между собой движения, потому что, имея свои отношения к каждому из сотворивших, имел бы и столько же различных движений. От различия же, как говорилось прежде, опять произошли бы расстройство и во всем беспорядок. И корабль, управляемый многими, не поплывет прямо, пока кормилом его не овладеет один кормчий. И лира, в струны которой ударяют многие, не издаст согласных звуков, пока не ударит в них один искусник. Итак, поелику тварь одна, и мир один, и порядок в нем один, то должно представлять себе и единого Царя и Создателя твари Господа. Ибо и Сам Создатель для того сотворил один всецелый мир, чтобы устройство многих миров не привело к мысли о многих Создателях. Поелику же творение одно, то веруем, что и Творец его один. И мир один не потому, что Создатель один: Бог мог сотворить и иные миры. Но поелику сотворенный мир один, то необходимо верить, что и Создатель его один.

40. Кто же сей Создатель, – это всего более необходимо уяснить и сказать утвердительно, чтобы иной, неведением сего введенный в заблуждение, не почел Создателем кого другого и оттого не впал опять в одинаковое с язычниками безбожие. Думаю же, что никто не имеет об этом колеблющегося мнения. Ибо если в слове нашем показано, что так называемые стихотворцами боги – не боги и обоготворяющие тварь избобличены в заблуждении, вообще же доказано, что языческое идолослужение есть безбожие и нечестие, – то по уничтожении идолов совершенно необходимо, наконец, на-

шей вере быть благочестивой и Богу, Которому мы поклоняемся и Которого мы проповедуем, быть единым и истинным Богом, Господом твари и Создателем всякого существа. Кто же это, как не все-святой и превысший всякой сотворенной сущности Отец Христов? Он, как наилучший кормчий, собственной Своей Премудростью и собственным Своим Словом, Господом нашим Иисусом Христом, спасительно управляет, и распоряжается всем в мире, и всё творит, как Сам признаёт это наилучшим. И оно прекрасно, как скоро сотворено, и мы видим сотворенное, потому что и это угодно Ему. И никто не должен сомневаться в этом. Ибо если бы движение твари было неразумно и вселенная носилась, как ни есть, то справедливо мог бы иной не верить утверждаемому нами. Если же тварь приведена в бытие словом, премудростью и ведением и во всем мире есть благоустройство, то необходимо настоятелем и строителем этого быть не иному кому, как Божию Слову.

Словом же называю не то, которое внедрено и прирождено в каждой из сотворенных вещей и которое иные привыкли называть *семененосным*¹: такое слово неодушевленно, ни о чем не мыслит, ничего не представляет, но действует только внешним искусством, сообразно со знанием влагающего его. И не то разумю слово, какое имеет словесный человеческий род, не слово, сочетаваемое из слогов и напечатлеваемое в воздухе. Но разумю живого и действенного Бога, источное Слово Благого и Бога всяческих, Слово, Которое и отлично от сотворенных вещей и от всякой твари, и есть собственное и единственное Слово благого Отца, вселенную же эту привело в устройство и озаряет Своим промыслением. Как благое Слово благого Отца, Оно благоустроило порядок вселенной, сочетавая противоположное с противоположным и устроая из этого единое согласие. Как Божия сила и Божия премудрость, Оно вращает небо и, повесив землю, ни на чем не опирающуюся, водрузило ее Своим мановением. Им солнце стало светоносным и озаряет вселенную. От Него и луна имеет свою меру света. Им и вода повешена на облаках, и дожди наводняют землю, и море заключено в пределы, и земля украшена всякого рода растениями и произращает зелень. Если бы какой неверующий, слыша утверждаемое нами, спросил: действительно ли есть Божие Слово? – то сомнением о Божием Слове показал бы он свое безумие. Между тем, имеет он доказательство в видимом, что всё состоялось Божиим Словом и Божией Премудростью и ничто сотворенное не утвердилось бы, если бы не было, по сказанному, произведено Словом, и Словом Божиим.

41. Но, будучи Словом, Оно, как сказано, не из слогов сочетается, подобно человеческому слову, а есть неизменяемый образ Отца Своего. Люди сложены из частей и сотворены из ничего, у них и слово – слагаемое и разлагающееся. Но Бог есть Сый и несложен, потому и Слово Его есть Сый; Оно не сложно, но есть единый и Единородный Бог и Благий, происшедший от Отца, как бы из благого источника; Оно всё приводит в устройство и содержит.

И подлинно досточудна причина, по которой Слово, и Божие Слово, низошло к сотворенному; она показывает, что и неприлично было совершиться этому иначе, а не таким образом, как действительно совершается. Естество сотворенных вещей, как происшедшее из ничего, само в себе взятое, есть что-то текучее, немощное, смертное. Бог же всяческих по естеству благ и выше всякой доброты и посему человеколюбив, потому что в благом не может ни к кому быть зависти. Посему-то не завидует Он никому в бытии, но хочет, чтобы все наслаждались бытием и всем мог Он являть Свое человеколюбие. Итак, усматривая, что всякое сотворенное естество, сколько зависит от заключающихся в нем самом причин, есть нечто текучее и разрушающееся, на тот конец, чтобы вселенная не подверглась разрушению и не разрешилась опять в небытие, всё сотворив вечным Словом Своим и осуществив тварь, не попустил ей увлекаться и обуреваться собственным своим естеством, от чего угрожала бы ей опасность снова прийти в небытие, но, как Благий, управляет вселенной и поддерживает ее в бытии Словом же Своим, Которое Само есть Бог, чтобы тварь, озаряемая владычеством, промыслением и благоустроением Слова, могла твердо стоять в бытии, как причастная подлинно сущего от Отца Слова и Им вспомооществуемая в бытии, и не подверглась бы тому, чему могла бы подвергнуться (т. е. небытию), если бы не соблюдал ее Бог-Слово, *Иже есть образ Бога невидимаго, перворожден всея твари: яко Тем и в Нем состоятся всяческая, видимая и невидимая: и Той есть глава Церкви* (Кол. 1, 15-18), как в Святых Писаниях учат служители истины.

42. Это-то всемогущее, всесовершенное, Святое Отчее Слово, нисшедши во вселенную, повсюду распространило силы Свои, озарив и видимое, и невидимое, в Себе всё содержит и скрепляет, ничего не оставив лишенным силы Своей, но оживотворяя и сохраняя всё и во всем, и каждую вещь в особеннности, и вдруг всё в совокупности; начала же всякой чувственной сущности (каковы: теплота, холод, влажность и сухость), срастворяя воедино,

делает Оно не противодейственными, но производящими одну согласную стройность. Им и Его силой делается то, что огонь не противоборствует холоду и влажность – сухости, а напротив того, эти, сами в себе противоположные стихии, сошедшись вместе, как дружественные и родственные, производят из себя видимые вещи и служат началами бытию тел. Покоряясь сему Богу-Слову, иное оживотворяется на земле, а иное осуществляется на небе. Его силой, по сказанному выше, всё море и великий океан совершают движение свое в собственных своих пределах, и вся суша одевается зеленью и украшается разными всякого рода растениями. И чтобы не длить времени, каждую известную вещь именуя особо, скажу: из всего, что существует и бывает, ничего нет такого, что произошло бы и состоялось не в Слове и не Словом, как говорит и Богослов: *в начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово. Вся Тем быша, и без Него ничтоже бысть* (Ин. 1; 1, 3).

Как музыкант, настроив лиру и искусно сводя густые звуки с тонкими и средние с прочими, производит одно требуемое сладкогласие, так и Слово – Божия Премудрость, держа вселенную, как лиру, и что в воздухе сводя с тем, что на земле, а что на небе – с тем, что в воздухе, целое сочетавая с частями и обращая Своим мановением и изволением, прекрасно и стройно производит единый мир и единый в мире порядок; Само неподвижно пребывает у Отца и всё приводит в движение Своим снисхождением во вселенную, чтобы каждая вещь благоугодна была Отцу Его. Ибо в том открывается чудное действие Божества Его, что одним и тем же мановением не в разные времена, но вдруг и всё в совокупности: и прямое, и круглое, горнее, среднее, дольнее, влажное, холодное, теплое, видимое и невидимое – обращает и приводит в устройство сообразно с природой каждой вещи. Ибо одним и тем же мановением Его прямое движется как прямое, круглое обращается как круглое, и среднее приводится в движение как оно есть; теплое согревается, сухое иссушается, и всё сообразно со своей природой оживотворяется и приводится Им в бытие; а таким образом производится им некая чудная и подлинно Божественная стройность.

43. И чтобы понять это из примера, представь утверждаемое нами в подобии большого лика поющих. Лик состоит из разных людей: из детей и жен, стариков и также молодых; вдруг один управляющий ликом подает знак, и каждый поет по своим способностям и силам: муж как муж, дитя как дитя, старый как ста-

рый и молодой как молодой; но все в совокупности выводят одну стройную песнь. Или представь, как душа наша в одно и то же время приводит в движение чувства наши сообразно с деятельностью каждого; и, как скоро предстает один предмет, все чувства приводятся в действие: глаз видит, слух слышит, рука осязает, обоняние приемлет в себя запах, вкус вкушает, а нередко и другие части тела начинают действовать, например, ноги – ходить. Или объясним утверждаемое нами и третьим примером. Всего более уподобляется это большому благоустроенному городу, который управляется присутствием приводящего его в устройство правителя и царя. Царь едва появится, даст приказ, обратит на всё взор, как все ему повинуются: одни спешат возделывать землю, другие – черпать воду в водопроводах, кто идет сеять, кто отправляется в совет, кто входит в церковь, судия идет судить, градоправитель – давать законы, художник с поспешностью принимается за работу, мореходец отправляется к морю, плотник – на стройку, врач идет врачевать, зодчий – созидавать, и один уходит в поле, другой приходит с поля, одни занимаются делами в городе, другие выходят из города и опять в него возвращаются. Всё же это производится и устроается присутствием одного градоправителя и его повелением. Хотя пример этот и мал, впрочем, точно так же, в возвышеннейшем только понятии, надобно представить себе и целую тварь. По единому манию Божия Слова всё в совокупности приводится в устройство; каждой вещию совершается ей свойственное, всеми же вообще выполняется единый порядок.

44. Ибо мановением и силами начальственного и владычественного во вселенной Божия и Отчего Слова вращается небо, движутся звезды, является солнце, круговращается луна, освещается солнцем воздух, согревается эфир, дуют ветры, горы возносят вершины свои в высоту, море волнуется и питает в себе живые твари, земля, пребывая неподвижной, приносит плоды, человек образуется, живет и потом умирает, – одним словом, всё одушевляется и движется: огонь горит, вода прохладает, источники струятся, реки наводняются, годы и времена года протекают, падают дожди, скопляются облака, идет град, отвердевают снег и лед, летают птицы, пресмыкаются гады, плавают живущие в водах, море носит на себе корабли, земля засеивается и в определенное время покрывается зеленью, произрастает деревья; иное обновляется, иное зреет, иное же, дос-

тигнув совершенного возраста, стареет и умирает; одно исчезает, другое родится и появляется. Всё же это и гораздо еще большее, чего по множеству не в силах мы и описать, дивносоделательное и чудодейственное Божие Слово, озаряя и оживотворяя, мановением Своим приводит в движение и благоустройство, содеяв единый мир и не вне Себя оставляя и невидимые Силы, потому что и их, как Творец, сообщая в целом, также содержит и оживотворяет Своим мановением и промыслением. И ничто не может служить оправданием в неверии этому. Ибо как промыслением Слова и тела возрастают, и разумная душа движется, мыслит и живет (на это не нужно приводить много доказательств, потому что видим это на деле), так то же опять Божие Слово одним и простым мановением, Своей силой приводит в движение и содержит и этот видимый мир, и невидимые Силы, сообщая каждому существу свойственную ему деятельность. Почему божественные Силы приводятся в движение божественно, а видимые вещи – как мы видим это.

Сам же Вождь и Царь всего, Собой утверждая всё, делает всё к славе и ведению Отца Своего и делами, какие совершает Он, как бы учит и говорит: *от величества и красоты созданий сравнительно Рододелатель познавается* (Прем. 13, 5).

45. Как, возрев на небо и рассмотрев его украшение и свет звезд, должны мы восходить мыслью к Слову, Которым всё приведено в благоустройство, так, представляя умом Божие Слово, необходимо нам представлять и Отца Его Бога, от Которого исходя, справедливо именуется Слово Истолкователем и Ангелом Отца Своего. Это можно нам видеть и на себе самих. Когда у человека исходит слово, заключаем, что источник слова есть мысль, и, вникая в оное, усматриваем означаемую словом мысль; тем паче в высших представлениях и в несравненном превосходстве усматривая силу Слова, составляем себе понятие и о благе Его Отца, как говорит Сам Спаситель: *видевый Мене, виде Отца Моего* (Ин. 14, 9).

Но яснее и в большей мере проповедует о сем всё Богодухновенное Писание, основавшись на котором и я пишу тебе это; потому и ты, читая сие, можешь верить сказанному мной; ибо слово, подтверждаемое многими, имеет непререкаемое доказательство.

Итак, Божие Слово издревле предограждало народ иудейский, говоря об уничтожении идолов: *не сотвори себе кумира, и всякого подобия, елика на небеси горе, и елика на земли низу* (Исх. 20, 4). Причину же уничтожения идолов дает видеть в другом месте, гово-

ря: *идоли язык сребро и злато, дела рук человеческих: уста имут, и не возглаголют: очи имут, и не узрят: уши имут, и не слышат: ноздри имут, и не обоняют: руце имут, и не осяжут: нозе имут, и не пойдут* (Пс. 113, 12-15). Не прошло оно молчанием и учения о твари; напротив же того, хорошо зная красоту тварей, чтобы иные, взирая на них не как на дело Божие, по красоте их не стали кланяться им как богам, предограждает людей, говоря: *да не воззрев очима, и видев солнце и луну, и всю красоту небесную, прелстився поклонишися им, яже раздели Господь Бог твой всем языком, иже под небесем* (Втор. 4, 19). Разделил не для того, чтобы твари эти были богами языческих народов, но чтобы, по сказанному, из действия их и язычники познали Создателя вселенной Бога. Народ же иудейский издревле имел у себя полнейшее учение, потому что не из дел только творения, но и из Божественных Писаний почерпал ведение о Боге. И вообще, отвлекая людей от идольской прелести и от неразумного представления о богах, Писание говорит: *да не будут тебе бози инии разве Мене* (Исх. 20, 3). Воспреждает людям иметь иных богов не потому, что иные – действительно боги, но чтобы, отвратившись от истинного Бога, не начали обоготворять несуществующее; а таковы наименованные богами у стихотворцев и историков, о которых доказано, что это – не боги. И сам образ выражения показывает, что они – не боги; сказано: *да не будут тебе бози инии*, чем означает будущее время; а что произойдет в будущее время, того, когда говорится о сем, нет еще.

46. Истребив же языческое, или идольское, безбожие, умолкло ли Божественное учение, попустило ли человеческому роду оставаться вовсе не причастным ведению о Боге? Нет, а напротив того, предваряет оно мысль сию, говоря: *слыши Израилю: Господь Бог твой Господь един есть* (Втор. 6, 4). И еще: *возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего, и от всея силы твоея* (5). И еще: *Господу Богу твоему да поклонишися, Тому единому послужиши, и к Нему прилепишися* (13). А что о промыслении и о благоустроении Слова, простирающихся на всё и во всем, свидетельствует всё Богодухновенное Писание, достаточным доказательством утверждаемого теперь служит та вера в Слово, с какой говорят богословы: *основал еси землю, и пребываете. Учинением Твоим пребывает день* (Пс. 118, 90-91). И еще: *пойте Богови нашему в гуслах: одевающему небо облаки, уготовляющему земли дождь, прозябающему на горах траву, и злак на служ-*

бу человеком, дающему скотом пищу (Пс. 146, 7-9). Чрез кого же дает? Не чрез Того ли, Кем всё сотворено? Ибо кем сотворено, тот по естественному порядку и промышляет о всем. Кто же это, как не Божие Слово, о Котором в другом псалме говорит: *Словом Господним небеса утвердишася, и Духом уст Его вся сила их* (Пс. 32, 6)? Подтверждает же, что и всё о Нем и Им сотворено, в чем и уверяет нас, говоря: *Той рече, и быша: Той повеле, и создашася* (9); как и великий Моисей в том же удостоверяет, в начале мироздания объясняя сказанное и говоря: *и рече Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию* (Быт. 1, 26); потому что и совершая творение неба, земли и всего, Ему же говорил Отец: да будет небо, да соберутся воды и да явится суша, да изведет земля траву и всякое животное; посему и можно обличить иудеев, как неверно пользующихся Писаниями. Ибо спросят у них: с кем беседует Бог, когда говорит и повелевает? Если повелевал тварям и с ними беседовал, то напрасно было слово; тварей еще не было, а только должны были произойти. Никто же не говорит с тем, чего нет. Никто не повелевает и не обращает речи к не произошедшему еще, чтоб оно произошло. Если бы Бог повелевал тому, что будет, то надлежало бы сказать: будь, небо; будь, земля; произрасти, трава; будь сотворен, человек. Теперь же не сотворил еще сего, а повелевает, говоря: *сотворим человека*, и: да произрастет трава, – чем показывается, что Бог разглагольствует об этом с Кем-то близким к Нему. Поэтому необходимо, чтобы с Ним был некто, с кем беседуя, творил Он вселенную. Кто же это, как не Слово Его? С Кем (пусть скажут) беседовать Богу, как не со Словом Своим? Или Кто был с Ним, когда творил Он всякую тварную сущность, как не Премудрость Его, Которая говорит: когда творил небо и землю, *с Ним бех* (Притч. 8, 27). Под наименованием же неба и земли заключает всё сотворенное на небе и на земле. Сопребывая же с Отцом, как Премудрость, и на Него взирая, как Слово, создает, приводит в бытие, и благоустраивает вселенную, и, как сила Отчая, поддерживает в бытии всю совокупность тварей, как говорит Спаситель: всё, что вижу творящего Отца, и Я также творю (Ин. 5, 19); и священные ученики Его учат: *всяческая Тем и о Нем быша* (Кол. 1, 16). Он, как благое рождение от Благого и как истинный Сын, есть Отчая Сила и Премудрость и Слово, и всё это не по причастию, но потому, что дано Ему сие вовеки, как дается Его причастикам, которые Им умудряются, чрез Него содействуются сильными и разумными, – но потому, что Он есть источная Премудрость, источник Слово, источная, собственно

Отчая Сила, источник Свет, источник Истина, источник Правда, источник Добродетель, Отпечатление, Сияние, Образ; короче сказать – всесовершенный плод Отца, единственный Сын, неизменяемый Отчий Образ.

47. И кто, кто изочтет Отца, чтобы изыскать и силы Слова Его? Ибо как Он есть Отчее Слово и Отчая Премудрость, так и, снисходя к тварям для познания и уразумения ими Рождшего, делается для них источной святыней, источной жизнью, Дверью, Пастырем, Путем, Царем, Вождем, Спасителем во всем, животворящим Светом и общим о всех Промышлением. Сего-то благого и зиждительного Сына имея от Себя, Отец не сокрыл Его неизвестным для тварей, но ежедневно открывает Его всем; потому что Им всё стоит и живет. А в Нем и чрез Него являет Отец и Себя Самого, как говорит Спаситель: *Аз во Отце, и Отец во Мне* (Ин. 14, 10); почему необходимо Слову быть в Рождшем и Рожденному быть совечным Отцу.

Но при всем том, когда ничто не существует независимо от Отчего Слова, небо же, и земля, и всё, что на них, от Него зависят; – несмысленные люди, отвергнув ведение о Нем и благочестие, несущее предпочли сущему; вместо действительно сущего Бога обоготворили не-сущее, служа твари вместо Творца и делая неразумное и злочестивое дело. Это подобно тому, как если бы кто дивился произведениям художника и, приведенный в изумление зданием в городе, стал попирать ногами самого здателя или бы начал хвалить мусикийское орудие, но отринул бы того, кто составил и настроил его. Подлинно: это люди несмысленные и слепотствующие! Как иначе узнали бы мы дом, корабль, лиру, если корабля не построил кораблестроитель, дома не воздвиг зодчий, лиры не сделал музыкант? Посему как отрицающий это безумен и даже выше всякого безумца, так, по моему мнению, не здравы умом и те, которые не признают Бога и не чтут Слова Его, общего всех Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа, – Слова, Которым Отец всё благоустраивает, и содержит, и промышляет о всем во вселенной.

И ты, христолюбец, имея веру в Него и благочестие, радуйся и будь благонадежен, что плодом веры в Него будет бессмертие и Небесное Царство, если только душа благоустраивает себя по Его законам. Ибо как живущим по заповедям Его наградой – вечная жизнь, так идущим противоположной стезей, а не стезей добродетели – великий стыд и неотвратимая опасность в день суда за то, что, зная путь истины, делали противное тому, что знали.

Слово о воплощении Бога-Слова и о пришествии Его к нам во плоти

1. В предыдущем слове, из многого взяв немногое, но в достаточной мере, рассуждали мы о заблуждении язычников касательно идолов, о суеверии их и о том, как изобретено оно вначале; именно же, что люди по испорченности своей вымыслили для себя поклонение идолам; а также по благодати Божией предложили мы нечто и о Божестве Отчего Слова, о промышленности и силе Его во вселенной; именно же, что Им благоустрояет всё благой Отец, по Его мановению приводится всё в движение и о Нем оживотворяется. Теперь же, блаженный и воистину христолюбивый, будем согласно с благочестивой верой говорить о воплощении Слова и Божественное Его к нам пришествие (на что иудеи клеветуют, над чем эллины издеваются и чему мы поклоняемся) постараемся объяснить так, чтобы видимое уничтожение Слова тем паче возбудило в тебе большее и сильнее к Нему благоговение. Ибо чем большему осмеянию подвергается Оно неверными, тем убедительнее представляет свидетельство о Божестве Своем. Чего не постигают люди, находя то невозможным, о том доказывает Оно, что это возможно; над чем издеваются люди, как над неприличным, то по благодати Своей делает Оно благолепным; что люди ухищренно осмеивают, как человеческое, в том силой Своей дает Оно видеть Божественное, при мнимом Своем уничтожении Крестом низлагая идольское мечтание, издевающихся же и неверующих невидимо убеждая признать Божество Его и силу.

При изложении же нами всего этого надобно тебе содержать в памяти сказанное прежде, чтобы как быть в состоянии уразуметь причину явления во плоти столь великого Отчего Слова, так не подумать, будто бы Спаситель принял на Себя тело по естественному порядку, но утвердиться в той мысли, что Он по естеству бесплотен и есть Слово, однако же по человеколюбию и благодати Отца Своего для нашего спасения явился нам в человеческом теле. А нам, ведя рассуждение об этом, прилично будет сказать наперед о сотворении вселенной и о Создателе ее Боге, чтобы таким образом всякий мог видеть, как сообразно было обновлению твари

совершиться Словом, создавшим ее вначале. Ибо в этом не окажется никакого противоречия, если Отец тем же Словом, Которым создал тварь, соделал и ее спасение.

2. Создание мира и сотворение вселенной многие объясняли различно, и каждый, какое хотел, такое и составлял об этом понятие.

Одни говорят, что всё произошло само собой и случайно. Таковы эпикурейцы, которые баснословят против себя, что нет и Промысла во вселенной, утверждая это прямо вопреки очевидному и видимому. Ибо если, как они утверждают, всё произошло само собой без Промысла, то надлежало всему произойти однообразно и быть подобным, а не различным; во вселенной, как в едином теле, надлежало всему быть солнцем или луной, и у людей надлежало целому телу быть или рукой, или глазом, или ногой. Теперь же этого нет, но видим, что одно – солнце, другое – луна, а иное – земля, и в человеческих телах также одно – нога, другое – рука, иное – голова. А таковой распорядок дает знать, что произошло это не само собой, даже показывает, что предшествовала этому причина, из которой можно уразумевать и приведшего в порядок и сотворившего вселенную Бога.

А еретики вымышляют себе иного Создателя вселенной, кроме Отца Господа нашего Иисуса Христа, и в слепоте своей много о сем велеречат. Господь говорит иудеям: *Несте ли чли, яко сотворивый искони мужеский пол и женский, сотворил я есть? И рече: сего ради оставит человек отца своего и мать, и прилепится к жене своей, и будета два в плоть едину* (Мф. 19, 4-5); потом, указывая на Творца, говорит еще: *еже Бог сочета, человек да не разлучает* (6). Как же они вводят тварь, чуждую Отцу? Если и по словам Иоанна, который всё объемлет словом своим, *вся Тем быша, и без Него ничтоже бысть* (Ин. 1, 3), то как возможен иной Создатель, кроме Отца Христова?

3. Так они баснословят, Божественное же учение и вера Христова отвергает их суесловие как безбожие. Оно признаёт, что вселенная не сама собой произошла, потому что есть о ней Промысел, и не из готового вещества сотворена, потому что Бог не бессилен; но из ничего вовсе не существовавшую прежде вселенную привел в бытие Бог Словом, как сказано Моисеем: *в начале сотвори Бог небо и землю* (Быт. 1, 1). И в весьма полезной книге «Пастырь» говорится: «Прежде всего веруй, что един есть Бог, Который сотворил, устроил и привел в бытие вселенную из ничего».

Это же давая разуметь, и Павел говорит: *верою разумеваем совершиться веком глаголом Божиим, во еже от неявляемых видимым быти* (Евр. 11, 3). Бог благ, лучше же сказать, Он – источник благодати. В благом же ни к кому не может быть зависти. Посему, никому не позавидовав в бытии, из ничего всё сотворил собственным Словом Своим, Господом нашим Иисусом Христом.

Преимущественно же пред всем, что на земле, сжалившись над человеческим родом и усмотрев, что по закону собственного бытия не имеет он достаточных сил пребывать всегда, Бог даровал людям нечто большее: не создал их просто, как всех бессловесных животных на земле, но сотворил их по образу Своему, сообщив им и силу собственного Слова Своего, чтобы, имея в себе как бы некие оттенки Слова и став словесными, могли пребывать в блаженстве, живя истинной жизнью, и в подлинном смысле – жизнью святых в раю. Но зная также, что человеческое произволение может преклоняться на ту и другую сторону, данную людям благодать предварительно оградил законом и местом; ибо введя их в рай Свой, дал им закон, чтобы если сохранят благодать и пребудут *добры*, то, кроме обетования им бессмертия на небесах, и жизнь их в раю была беспечальна, безболезненна и беззаботна; а если впадут в преступление и, переменявшись, сделаются худы, наперед знали о себе, что в смерти претерпят естественное тление и не будут жить более в раю, но, умирая уже вне его, останутся в смерти и тлении. На это же указывает и Божественное Писание, говоря от лица Божия: *от всякаго древа, еже в раи, снєдию снеси: от древа же, еже разумети доброе и лукавое, не снете от него; а в онѣже аще день снете от него, смертию умрете* (Быт. 2, 16-17). *Смертию же умрете* – что иное значит, как не только необходимость умереть, но и оставаться в тлении смерти?

4. Дивишься, может быть, почему, предположив говорить о воочеловечении Слова, рассуждаем теперь о начале людей. Но и это не чуждо цели нашего рассуждения. Говоря о пришествии к нам Спасителя, необходимо нам сказать и о начале людей. Из этого узнаешь, что наша вина послужила поводом к Его пришествию и нашим преступлением вызвано человеколюбие Слова, чтобы Господь пришел к нам и явился среди людей. Мы стали побуждением к Его воплощению, для нашего спасения показал Он столько человеколюбия, что принял на Себя человеческое тело и явился в нем.

Так Бог сотворил человека и возжелал, чтобы пребывал он в нетлении. Но люди, вознерадев и уклонившись от устремления ума своего к Богу, остановившись же мыслью на злом и измыслив себе его (как сказано об этом в первом слове), подверглись тому смертному осуждению, каким предварительно угрожал им Бог, и не остались уже такими, какими были созданы, но как помыслили, так и растлились, и смерть, воцарившись, овладела ими, потому что преступление заповеди возвратило их в естественное состояние, чтобы как сотворены были из ничего, так и в самом бытии со временем по всей справедливости потерпели тление. Ибо если, некогда по природе быв ничто, призваны в бытие явлением и человеколюбием Слова, то следовало, чтобы в людях по истощании в них понятия о Боге и по уклонении к не-сущему (ибо злое есть не-сущее, а доброе есть сущее, как происшедшее от сущего Бога) истощилось и продолжающееся навсегда бытие. А это и значит: разрешившись, оставаться в смерти и тлении. Ибо человек, как сотворенный из ничего, по природе смертен, но по причине подобия Сущему, если бы сохранил оное устремлением к Нему ума своего, мог замедлять в себе естественное тление и пребыл бы нетленным, как говорит Премудрость: *хранение законов утверждение нерастления* (Прем. 6, 19). Будучи же нетленным, он жил бы уже, как Бог, о чем дает разуметь и Божественное Писание, говоря в одном месте: *Аз рех: бози есте и сынове Вышняго вси; вы же яко человецы умираете, и яко един от князей падаете* (Пс. 81, 6-7).

5. Бог не только сотворил нас из ничего, но по благодати Слова даровал нам и жизнь по Богу. Но люди, уклонившись от вечного и по совету диавола обратившись к тленному, сами для себя стали виновниками тления и смерти, потому что, как сказано выше, по природе они были тленны, но свойственного им по природе избегли бы по благодати, как причастники Слова, если бы пребыли добрыми; по причине соприсущего им Слова не приблизилось бы к ним естественное тление, как говорит и Премудрость: *Бог созда человека в неистление, и во образ собственной Своей вечности: завистию же диаволею смерть вниде в мир* (Прем. 2, 23-24). Когда же совершилось это, люди стали умирать и тление сильно воздействовало уже в них, превосмогая над всем человеческим родом в большей еще мере, нежели сколько было это естественно, поколику вследствие преступления заповеди воспользовалось оно против них и Божией угрозой, да и

сами люди в прегрешениях своих не остановились на известных пределах, но, постепенно простираясь далее, преступили, наконец, всякую меру. Быв вначале изобретателями зла и сами на себя призвав смерть и тление, впоследствии же совратившись в неправду, отваживаясь на всякое беззаконие и не останавливаясь на одном худом деле, но непрестанно к новым худым делам примышляя еще новые, люди соделались ненасытимыми в грехе. Повсюду были прелюбодеяния и татьбы, вся земля наполнилась убийствами и хищениями. У закона не было заботы о растлении и неправде. Всякое злое дело совершаемо было и каждым порознь, и всеми сообща. Города вели войну с городами, народы восставали против народов, вся вселенная раздираема была мятежами и раздорами, потому что всякий оказывал соревнование в беззаконии. Недалеко было от этого и противоестественное, но как сказал свидетель Христов Апостол: *жены бо их измениша естественную подобу в презестественную: такожде и мужи, оставльше естественную подобу женска пола, разжегошася похотию своею друг на друга, мужи на мужех студ содевающе, и возмездие, еже подобаше прелести их, в себе восприимлюще* (Рим. 1, 26-27).

6. Когда же смерть более и более овладевала чрез это людьми и тление в них оставалось, тогда род человеческий растлевался, словесный же и по образу созданный человек исчезал, и Богом совершенное дело гибло, потому что, как сказано выше, смерть превозмогала над нами по силе уже закона и невозможно было избежать закона, так как он по причине преступления постановлен был Богом. Выходило нечто в подлинном смысле и ни с чем не сообразное, и вместе неприличное. Ни с чем не сообразно было Богу, изрекши слово, солгать, и человеку, когда узаконено Богом, чтобы он, если преступит заповедь, смертью умер, не умирать по преступлении, слову же Божию остаться нарушенным. Тогда не было бы в Боге правды, если бы, когда сказано Богом, что умрешь, человек не умер. Но также и неприлично было, чтобы однажды сотворенные разумные существа и причастные Слова Его погубили и чрез тление опять обратились в небытие. Это недостойно было бы благодати Божией, чтобы сотворенное Богом растлевалось от обольщения людей диаволом. С другой стороны, всего неприличнее было в людях или по собственному их нерадению, или по бесовскому обольщению уничтожиться Божию художеству.

Итак, когда истлевали словесные твари и гибли такие Божия произведения, – что надлежало сделать Богу, Который благ? Попустить ли, чтоб тление над ними превозмогло и смерть ими обладала? Какая же была нужда сотворить их в начале? Надлежало бы лучше не творить, нежели сотворенным оставаться непризренными и гибнуть. Если Бог, сотворив, оставляет без внимания, что произведение Его истлевет, то из такого нерадения в большей мере познается бессилие, а не благодать Божия, нежели когда бы не сотворил Он людей в начале. Если бы не сотворил, то никто и не подумал бы вменять этого в бессилие. А когда сотворил и привел в бытие, вовсе было бы ни с чем не сообразно гибнуть произведениям, и особенно в виду Сотворившего. Итак, надлежало не попускать, чтоб люди поглощались тлением, потому что это было бы неприлично Божией благодати и недостойно ее.

7. Но как и сему надлежало быть, так, с другой опять стороны, противопологалась тому справедливая в Боге причина: пребыть Ему верным законоположению Своему о смерти. Ибо для нашей же пользы и для нашего сохранения ни с чем не сообразно было оказаться лжецом Отцу истины – Богу. Итак, чему надлежало быть в этом случае или что надобно было соделать Богу? Потребовать у людей покаяния в преступлении? Это можно бы признать достойным Бога, рассуждая, что как преступлением впали люди в тление, так покаянием достигли бы опять нетления. Но покаянием не соблюлась бы справедливость в отношении к Богу. Опять не был бы Он верным Себе, если бы смерть перестала обладать людьми. Притом покаяние не выводит из естественного состояния, а прекращает только грехи. Если бы прегрешение только было, а не последовало за ним тления, то прекрасно было бы покаяние.

Если же люди вследствие предшествовавшего преступления однажды сделались подвластными естественному тлению и утратили благодать Божия образа, то чему иному надлежало совершиться? Или в ком ином была потребность для возвращения таковой благодати и для воззвания человеков, кроме Бога-Слова, из ничего сотворившего вселенную в начале? Ему принадлежало и тленное привести опять в нетление, и соблести, что всего справедливее было для Отца. Поелику Он – Отчее Слово и превыше всех, то естественным образом Он только один мог всё воссоздать, Он один был способен за всех пострадать и за всех ходатайствовать пред Отцом.

8. Посему-то бесплотное, нетленное, неведущее Божие Слово приходит в нашу область, от которой и прежде не было далеким, потому что ни одна часть творения не осталась лишенной Его, но, пребывая с Отцом Своим, наполняет Оно и всю вселенную во всех частях ее. Но приходит, снисходя Своим к нам человеколюбием и явлением среди нас. И видя, что словесный человеческий род гибнет, что смерть царствует над людьми в тлении, примечая также, что угроза за преступление поддерживает в нас тление и несообразно было бы отменить закон прежде исполнения его, примечая и неприличие совершившегося, потому что уничтожалось то, чему Само Оно было Создателем, примечая и превосходящее всякую меру злонаравие людей, потому что люди постепенно до нестерпимости увеличивали его ко вреду своему; примечая и то, что все люди повинны смерти, – сжалилось Оно над родом нашим, умилилось над немощью нашей, снизошло к нашему тлению, не потерпело обладания смерти; и чтоб не погибло сотворенное и не оказалось напрасным то, что соделано Отцом Его для людей, – приемлет на Себя тело, и тело, не чуждое нашему. Ибо не просто восхотело быть в теле и не явиться только пожелало. А если бы восхотело только явиться, то могло бы совершить Свое Богоявление и посредством иного совершеннейшего. Но приемлет наше тело, и не просто, но от пречистой, нерастленной, неискусомужной Девы: тело чистое, нимало не прикосновенное мужескому общению. Будучи Всемощным и Создателем вселенной, в Деве уготовляет в храме Себе тело и усваивает Себе оное как орудие, в нем давая Себя познавать и в нем обитая. И таким образом, у нас заимствовав подобное нашему телу, потому что все мы были повинны тлению смерти, за всех предав его смерти, приносит Отцу. И это совершает Оно по человеколюбию для того, чтобы, с одной стороны, поелику все умирали, закону об истлении людей положить конец тем, что власть его исполнилась на Господнем теле и не имеет уже места в рассуждении подобных людей; а с другой стороны, людей, обратившихся в тление, снова возвратить в нетление и оживотворить их от смерти присвоением Себе тела и благодатью Воскресения уничтожая в них смерть, как соломой огнем.

9. Слово знало, что тление не иначе могло быть прекращено в людях, как только неумолимой смертью; умереть же Слову, как бессмертному и Отчему Сыну, было невозможно. Для сего-то самого приемлет Оно на Себя тело, которое бы могло умереть, что-

бы, как причастное над всеми Сущего Слова, было оно достаточным, чтобы умереть за всех, чтобы ради обитающего в нем Слова пребыло нетленным и чтобы, наконец, во всех прекращено было тление благодатью Воскресения. Потому воспринятое Им на Себя тело принося на смерть, как жертву и заклание, свободное от всякой скверны, этим приношением уничтожило немедленно смерть. Ибо Слово Божие, будучи превыше всех, и Свой храм, Свое телесное орудие принося в искупительную за всех цену, смертью Своей совершенно выполнило должное, и, таким образом, посредством подобного тела со всеми сопребывая, нетленный Божий Сын, как и следовало, всех облек в нетление обетованием Воскресения. И само тление в смерти не имеет уже власти над людьми ради Слова, вселившегося в них посредством единого тела. Если великий царь входит в какой-либо великий город и вселяется в одном из домов его, то, без сомнения, высокой чести удостоивается такой город и никакой враг или разбойник не нападет и не разорит его; скорее же, приложат о нем всё рачение ради царя, вселившегося в одном из домов его. Так было и с Царем вселенной: когда пришел Он в нашу область и вселился в одно из подобных нашим тел, тогда прекратились, наконец, вражеские злоумышления против людей, уничтожилось тление смерти, издревле над ними превозмогавшее. Ибо погиб бы род человеческий, если бы Владыка и Спаситель всех, Сын Божий, не пришел положить конец смерти.

10. И это великое дело подлинно всего более приличествовало Божией благодати. Если царь, построив дом или город, когда по нерадению живущих в нем нападут на него разбойники, не оставляет его вовсе без попечения, но защищает и спасает, как собственное свое произведение, взирая не на нерадивость жителей, но на то, что прилично ему самому, – то тем паче всеблагий Бог, Отчее Слово, когда сотворенный Им род человеческий снисшел в тление, не презрел его, но привзошедшую смерть стер приношением собственного Своего тела, нерадение же людей исправил Своим учением, всё человеческое исполнив Своей силой. Удостоверение же в этом может всякий найти у богословов Самого Спасителя, читая в писаниях их, когда говорят: *ибо любы Христова одержит нас суждших сие: яко аще Един за всех умре, то убо вси умроша, и за всех умре, да не ктому себе живем, но за нас умершему и воскресшему от мертвых Господу нашему Иисусу Христу* (2 Кор. 5, 14-15). И еще: *а умаленнаго малым чим от Ангел*

видим Иисуса, за приятие смерти, славою и честью венчанна, яко да благодатию Божиею за всех вкусит смерти (Евр. 2, 9). Потом Писание показывает и причину, почему надлежало вочеловечиться не иному кому, но Самому Богу-Слову, говоря: *подобаше бо Ему, Егоже ради всяческая и Имже всяческая, приведу многи сыны в славу, начальника спасения их страданиями совершити* (ст. 10). А этими словами означает, что не иному кому следовало возвести людей от постигшего их тления, как Богу-Слову, сотворившему их и в начале. И что Само Слово приняло на Себя тело для принесения Жертвы за подобные тела, это дают разуместь Писания, говоря: *понеже убо дети приобщися плоти и крови, и Той преискренне приобщися техже, да смертию упразднит имущаго державу смерти, сиречь, диавола, и избавит сих, елицы страхом смерти чрез все житие повинни беша работе* (ст. 14-15). Ибо Слово принесением в Жертву собственного Своего тела и положило конец осуждавшему нас закону, и обновило в нас начаток жизни, даровав надежду Воскресения. Поелику от самого человека зависело, что смерть овладела людьми, то по сему самому вочеловечением Бога-Слова снова произведено истребление смерти и восстание жизни, по слову христоносного мужа: *понеже бо человеком смерть бысть, и человеком воскресение мертвых: якоже бо во Адаме вси умирают, такожде и о Христе вси оживут*, и так далее (1 Кор. 15, 21-22). Ибо ныне уже не как осужденные умираем, но, как имеющие восстать, ожидаем общего всех Воскресения, которое во время свое явит совершивший его и даровавший Бог.

Такова первая причина Спасителя вочеловечения. Но из следующего можно всякому дознать, что благое пришествие Его к нам имело и другие важные причины.

11. Обладающий всеми Бог, когда собственным Словом Своим сотворил человеческий род, видя также немощь человеческого естества, а именно, что не имеет оно достаточных сил само собой познать Создателя и вообще приобрести себе понятие о Боге, потому что Бог нерожден, а твари произошли из ничего, Бог бесплотен, а люди по телу созданы где-то долу, и вообще всему сотворенному многого недостает к уразумению и ведению Сотворшего; примечая это и сжалившись, как Благой, опять над родом человеческим, не оставил людей лишенными ведения о Нем, чтобы и само бытие не сделалось для них бесполезным. Ибо какая польза быть сотворенными и не знать Творца своего? Или

как люди могли быть словесными, не зная Отчего Слова, Которым сотворены? Ничем не отличались бы они от бессловесных, если бы ничего не познавали, кроме земного. Для чего бы и создал их Бог, если бы не восхотел, чтоб они познавали Его? Посему-то, чтобы люди не оставались неведущими Бога, как Благой, сообщает им собственный Свой образ – Господа нашего Иисуса Христа, и творит их по образу и по подобию Своему, чтобы при таковой благодати, представляя себе Образ, разумею же Отчее Слово, могли приобретать понятие о Самом Отце и, познавая Творца, жить благополучной и подлинно блаженной жизнью.

Но несмысленные люди, вознерадев также и о такой данной им благодати, столько уклонились от Бога и до того омрачились в душе своей, что не только предали забвению понятие о Боге, но стали вымышлять себе одно вместо другого. Ибо вместо истины соорудили себе идолов, существу Богу предпочли не-сущее, служа твари вместо Творца, а что хуже всего, честь Божию перенесли на дерева, на камни, на всякое вещество и на людей и делали еще худшее этого, как говорено было в предыдущем слове. Дошли же они до такого нечестия, что начали, наконец, поклоняться бесам и, выполняя их пожелания, наименовали их богами, и, непрестанно более опутываясь неистовыми страстями, какие возбуждали в них бесы, в угодность им (о чем говорено было прежде) стали приносить в жертву бессловесных животных и закалать людей. Потому обучались у них и волшебству, по местам обольщали людей прорицалища, причины рождения и бытия своего стали все приписывать звездам и всему, что на небе, ни о чем ином не помышляя, кроме видимого. Вообще всё исполнено стало нечестия и беззакония, только Бог и Слово Его не были познаваемы, хотя не скрывал Он Себя от людей в неизвестности и не простое дал им о Себе ведение, но многообразно и многократно раскрывал им оное.

12. Ибо хотя и благодать, сообщенная в образе Божиим, достаточно была к тому, чтобы привести к познанию Бога-Слова и чрез Него к познанию Отца, однако же Бог, зная немощь людей, промышлял о них и в случае их нерадения, чтобы, если и вознерадят познавать Бога в самих себе, не оставались в неведении о Создателе, имея пред очами дела творения. Поелику же нерадение постепенно нисходило к худшему, то Бог не оставил опять без промышления Своего и таковую человеческую немощь, дав закон и послав к людям известных им Пророков, чтобы, если обленутся возвести взор на небо и познать Творца, близ себя имели

учение, потому что люди всего ближе могут учиться лучшему у людей же. Итак, взирая на величие неба и рассматривая стройность творения, можно было людям познавать и Вождя твари – Отчее Слово, Которое Своим о всем промышлением всем дает познавать и Отца и для того приводит вселенную в движение, чтоб все чрез Него познавали Бога. Или если и это было тяжело для них, то могли они беседовать со святыми и от них узнать Создателя всех Бога и Отца Христова; узнать, что поклонение идолам есть безбожие и исполнено всякого нечестия. А познав закон, можно им было также прекратить все беззакония и жить добродетельной жизнью, ибо закон дан был не для одних иудеев и не ради их одних посылались Пророки, но хотя к иудеям они посылались и иудеями были гонимы, однако ж для целой вселенной служили священным училищем ведения о Боге и внутренней жизни. Такова была Божия благодать, таково человеколюбие. Однако же люди, препобеждаемые минутными удовольствиями, бесовскими мечтаниями и прелестями, не возвели взора к истине, но обременяли себя еще большим числом зол и грехов, так что казались уже не словесными тварями, но по нравам можно было признать их бессловесными.

13. Посему, когда люди в такой мере обессловесились и бесовская прелесть повсюду столько затмила и сокрыла ведение об истинном Боге, – что надлежало соделать Богу? Прейти ли молчанием всё это? Попустить ли, чтобы люди обольщаемы были демонами и не знали Бога? Какая же была нужда созидать человека в начале по образу Божию? Надлежало просто сотворить его бессловесным или сотворенному словесным не жить ему жизнью бессловесных. Какая вообще была потребность приобрести человеку понятие о Боге в начале? Если теперь недостоин он этого приобретения, то не надлежало давать ему и в начале. На что же было потребно это сотворшему Богу или какая в этом слава Ему, если сотворенные им люди не поклоняются Ему, но других признают творцами своими? Оказывается, что Бог создал их не для Себя, а для других. Царь, хотя и человек, однако же не попускает, чтобы основанные им города отдавались в рабство другим или прибегали к кому иному, но напоминает им писаниями, нередко же посылает к ним друзей, а если потребует нужда, приходит и сам пристыдить их наконец присутствием своим, только бы не раболепствовали они другим и труд его не стал бы напрасен. Не тем ли паче пощадит Бог Свои твари, чтоб не уклонялись они от Него и не служили не-

сущему, особенно же, когда такое уклонение делается для них причиной гибели и уничтожения? Не надлежало же погибнуть соделавшимся однажды причастниками Божия образа.

Итак, что должно было соделать Богу? Или чему надлежало совершиться, как не обновлению созданного по Образу, чтобы чрез этот Образ люди опять могли познать Бога? А это могло ли совершиться, если бы не пришел Сам Образ Божий, Спаситель наш Иисус Христос? Не могло совершиться это чрез людей, потому что сами они сотворены по образу; не могло и чрез Ангелов, потому что и они не образы. Посему-то Божие Слово пришло самолично, чтобы Ему, как Отчему Образу, можно было воссоздать по образу сотворенного человека. С другой стороны, опять, не совершилось бы это, если бы не были уничтожены смерть и тление. Посему-то Слову нужно было принять на Себя смертное тело, чтобы Им, наконец, могла быть уничтожена смерть и люди опять обновились по образу. Итак, для дела сего не подходил никто другой, кроме Отчего Образа.

14. Поелику написанный на дереве лик сделался невидным от внешних нечистот, то надобно было опять прийти Тому, Чей это лик, чтоб на том же веществе можно было возобновить изображение; ибо ради изображенного лика и само вещество, на котором он написан, не бросается, но восстанавливается на нем лик. Подобно сему и всесвятой Сын Отца, как Отчий Образ, пришел в наши страны, чтобы обновить человека, созданного по сему Образу, и как бы взыскать погибшего оставлением грехов, как и Сам говорит в Евангелиях: *прииде взыскати, и спасти погибшаго* (Мф. 18, 11). Почему и иудеям сказал Он: *аще кто не родится* (Ин. 3, 3), не рождение от жены разумея, как они понимали, но означая возрождение и воссоздание в душе того, что по образу.

Поелику же идолобесие и безбожие овладели вселенной и сокрыто стало ведение о Боге, то кому было научить вселенную об Отце? Если скажут – человеку, то невозможно было людям обойти всю подсолнечную: они по природе своей не были бы в состоянии совершить такой путь, не могли бы заслужить в этом и вероятия, не имели бы и достаточных сил, чтоб самим собой противостать такому бесовскому обольщению и мечтанию. Поелику все были душевно поражены и приведены в смятение бесовской прелестью и идольской тщетой, то как можно было людям переуверить человеческую душу и человеческий ум, когда не могли их и видеть? А чего не видит кто, может ли то преобразо-

вать? Но, может быть, скажут, что для этого достаточно было твари. Но если бы достаточно было твари, то не произошло бы стольких зол. Тварь была, но, тем не менее, люди погрязали в том же заблуждении о Боге. Посему в ком была опять потребность, как не в Боге-Слове, Который видит и душу, и ум, всё в тварях приводит в движение и чрез тварей дает познавать Отца? Тому, Кто собственным Своим промыслием и благоустроением вселенной учит об Отце, надлежало и возобновить это учение. Как же бы совершилось это? Скажут, может быть: это можно было совершить тем же способом, то есть снова показать делами творения то, что нужно знать о Боге. Но это было уже мало надежно и вовсе ненадежно, потому что люди и прежде оставили это без внимания и очи их устремлены были уже не горе, но долу.

Посему-то, желая оказать людям верную помощь, Слово Божие приходит как Человек, приемля на Себя тело, подобное телам человеческим, и помогает дольным, то есть телесными Своими делами, чтобы те, которые не восхотели познать Его из промыслиения Его о вселенной и из управления ею, хотя из телесных Его дел познали Божие во плоти Слово, а чрез него и Отца.

15. Как добрый учитель, попечительный об учениках своих, снисходя к тем, которые не способны воспользоваться высшими познаниями, конечно, преподает им познания низшие, – так поступило и Божие Слово, как говорит и Павел: *понеже бо в премудрости Божией не разуме мир премудростию Бога, благоизволил Бог буйством проповеди спасти верующих* (1 Кор. 1, 21). Поелику люди, уклонившись от умозрения о Боге и как бы погрузившись в глубину, устремляя очи долу, взыскали Бога в вещах рождающихся и чувственных, воображая себе богами людей смертных и демонов, то человеколюбивый и общий всех Спаситель, Божие Слово, приемлет на Себя тело, как человек живет среди людей и обращает на Себя чувства всех людей, чтобы предполагающие Бога в телесном из того, что Господь производит телесными Своими делами, уразумели истину и чрез Него дошли до мысли об Отце, и чтобы они, как люди, имея в мысли всё человеческое, увидели, что, куда ни обратят чувства свои, везде предупреждены этими делами и всё научает их истине. Если изумевали пред тварью, то увидят, что тварь исповедует Христа Господа. Если мысль их была предупреждена в пользу людей и их почитали они богами, то из дел Спасителя, сравненных с делами человеческими, соделается явным, что единственный у людей Спаситель – Божий Сын, потому что у

признаваемых богами нет таких дел, какие совершены Божиим Словом. А если были предубеждены в пользу демонов, то, видя, как Господь изгоняет их, познают, что Он один есть Божие Слово, а демоны – не боги. Если же ум их был занят людьми уже умершими и потому поклонялись они героям и тем, кого стихотворцы наименовали богами, – то, видя Воскресение Спасителя, исповедуют, что те боги ложны и что один истинный Господь – Отчее Слово, владычествующее и над смертью. Для сего-то Господь и родился, и явился человеком, и умер, и воскрес, делами Своими унижая и помрачая дела когда-либо живших людей, чтобы от всего того, чем бы ни были предубеждены люди, отвлечь их и научить ведению истинного Отца Его, как и Сам говорит: *прииде взыскати, и спасти погибшаго*.

16. Поелику мысль человеческая однажды ниспала в чувственное, то Слово благоволило соделать Себя видимым посредством тела, чтобы, став человеком, обратить на Себя внимание людей, отвлечь к Себе чувства их и, когда увидят Его человеком, теми делами, какие производит Он, убедить их наконец, что Он – не только Человек, но и Бог; Слово и Премудрость истинного Бога. Это намереваясь выразить, и Павел говорит: *в любви вкоренени и основани, да возможете разумети со всеми святыми, что широта и долготы и глубина и высота, разумети же преспеющую разум любовь Христову, да исполнитея во всяко исполнение Божие* (Еф. 3, 17-19). Ибо Слово, распростершись всюду – и горе, и долу, и в глубину, и в широту; горе – в творении, долу – в вочеловечении, в глубину – во аде, в широту же – в мире: всё наполнило ведением о Боге. А посему-то не тотчас по Своем пришествии совершает Жертву за всех, предавая тело на смерть, и воскрешая оное, и делая Себя невидимым телесно; напротив же того, и самим телом привлекает на Себя взоры людей, пребывая в теле и творя такие дела, являя такие знамения, которые показывали в Нем уже не человека, но Бога-Слово. Ибо Спаситель вочеловечением явил сугубое человеколюбие и тем, что уничтожил в нас смерть и обновил нас, и тем, что, будучи непознан и невидим, явил Себя в делах и показал, что Он – Отчее Слово, Вождь и Царь вселенной.

17. Он не был так объят телом, чтобы, когда был в теле, тогда не был и вне тела, и когда приводил в движение тело, тогда вселенная лишена была Его действия и промысления. Но, что всего удивительнее, Он, как Слово, ничем не был содержим, а наипаче

Сам всё содержал. И как, пребывая в целой твари, хотя по сущности Он вне всего, однако же силами Своими присущ во всем, всё благоустроая, на всё и во всем простирая Свое промышление, оживотворяя и каждую тварь, и все твари в совокупности, объемля целую вселенную и не объемлясь ею, но весь всецело пребывая в едином Отце Своем, – так и в человеческом пребывая теле и Сам оживотворяя его, вне всякого сомнения, оживотворял и вселенную, пребывал во всех тварях и был вне вселенной, давал познавать Себя в теле делами и не переставал являть Себя в действиях на вселенную. Душе свойственно хотя рассматривать в помыслах и то, что вне ее тела, однако же не простираť своих действий на что-либо вне ее тела и своим присутствием не приводить в движение то, что отдалено от тела. Человек, когда думает о чем-либо отдаленном, чрез это не приводит еще отдаленного в движение и не переносит с одного места на другое. И если кто сидит у себя в доме и размышляет о том, что на небе, то не движет еще чрез это солнца и не обращает неба, но, хотя видит их движущимися и сотворенными, однако же не может поэтому произвести их. Не таково было Божие Слово в человеке. Оно не связывалось телом, а, напротив того, Само наипаче обладало им; посему и в теле Оно было, и находилось во всех тварях, и было вне существ, и упокоевалось в Едином Отце. И, что чуднее всего, проводило жизнь как Человек, всё оживотворяло как Слово, и сопребывало с Отцом как Сын. Посему, когда рождала Дева, Оно не страдало и, пребывая в теле, не сквернилось, но, напротив того, освящало наипаче и тело, потому что, и пребывая во всех тварях, не делается Оно всему причастным, а, напротив того, всё Им наипаче оживотворяется и питается. Если и солнце, Им сотворенное и нами видимое, круговращаясь на небе, не сквернится прикосновением к земным телам и не омрачается тьмой, а, напротив того, само их освещает и очищает, то тем паче всесвятое Божие Слово, Творец и Господь солнца, давая познавать Себя в теле, не прияло на Себя скверны, а, напротив того, будучи нетленным, оживотворяло и очищало и смертное тело. Ибо сказано: *Иже греха не сотвори, ни обретесе лествица во устех Его* (1 Пет. 2, 22).

18. Посему, когда богословствующие о Слове говорят, что Оно ест, пьет и родилось, – тогда знай, что тело, как тело, родилось и питалось приличной пищей. Само же сопребывающее в теле Божие Слово, всё благоустроая, и тем, что совершало Оно в теле, показывало в Себе не человека, но Божие Слово. Говорится же это о

Нем потому, что тело, которое вкушало пищу, родилось, страдало, было телом не кого-либо другого, но Господа. И поелику Господь стал человеком, то прилично было говорить о Нем и это, как о человеке, чтобы явствовало, что действительно, а не мечтательно имеет Он тело.

Но как из сего познавали Его присущим телесно, так делами, какие совершил чрез тело, давал Он разуметь в Себе Божия Сына. Посему-то к неверным иудеям и взывал, говоря: *еще не творю дела Отца Моего, не имите Ми веры: еще ли творю, еще и Мне не веруете, делом Моим веруйте: да разумеете и узнаете, яко во Мне Отец, и Аз во Отце* (Ин. 10, 37-38). Как, будучи невидимым, познается Он из дел творения, так, соделавшись Человеком и невидимый под покровом тела, делами дает знать, что Совершающий эти дела – не человек, а Божия Сила и Божие Слово. Ибо не человеческое, но Божие дело – повелевать бесам и изгонять их. И видя, как исцелял Он болезни, в какие ввергнут был род человеческий, – кто почитет Его человеком, а не Богом? Он очищал прокаженных, хромых давал силу ходить, глухим отверзал слух, слепых делал зрящими, вообще отгонял от людей всякие болезни и всякие немощи. А из этого всякий мог усматривать Божество Его. Ибо видя, что возвращал Он человеку и то, чего недоставало от рождения, и родившемуся слепым отверзал очи, кто не заключит из этого, что Ему подчинено и само рождение человеческое, что Он – Создатель и Творец его? Кто возвращает человеку, чего не было у него от рождения, о том, без сомнения, явно, что Он – Господь и рождения человеческого. Посему-то вначале, приходя к нам, создает Себе тело от Девы, чтобы и в этом показать всем не малый признак Божества Своего, потому что Создавший это тело есть Творец и прочих тел. И видя, что тело происходит от единой Девы без мужа, кто не придет к той мысли, что Явившийся в этом теле есть Творец и Господь и прочих тел? Также видя, что сущность воды изменена и претворена в вино, кто не заключит, что Сотворивший это есть Господь и Творец сущности всех вод? Посему-то, как Владыка, ступает Он на море и по нему ходит как по суше, и в этом показывая видящим признак Своего владычества над всем. Насыщая же малым количеством пищи великое число людей и из недостатка производя избыток, так что пятью хлебами насытились пять тысяч человек и еще столько же осталось, – не иное что давал этим разуметь, но то самое, что Он Господь промысления о вселенной.

19. Всё же благоугодно было сотворить Спасителю, чтобы люди, которые не познавали Его о всём промыслении и не уразумевали Божества Его из творения, хотя бы возбужденные телесными Его делами возвели к Нему взор, а чрез Него приобрели себе понятие ведения об Отце, по сказанному выше, из частного заключая о промыслении Его в целой вселенной. Ибо, видя власть Его над бесами или видя, что бесы исповедуют Его Господом своим, кто еще станет колебаться мыслью, что Он – Божий Сын, Божия Премудрость и Сила? Он соделал, что и сама тварь не умолчала, но, что всего чуднее, во время смерти, лучше же сказать, во время торжества Его над смертью, то есть на Кресте, вся тварь исповедала, что Познаваемый и Страждущий в теле не просто есть человек, но Божий Сын и Спаситель всех. Ибо когда солнце отвратило зрак свой, земля потряслась, горы распались, все пришли в ужас, тогда показывало это, что распятый на Кресте Христос есть Бог, а вся тварь – раба Его, страхом своим свидетельствующая о присутствии Владыки.

Так Бог-Слово явил Себя людям в делах. Но следует описать также и конец пребывания Его в теле и обращения с людьми, сказать, какова была телесная Его смерть (тем паче, что в этом главизна нашей веры и это в устах у всех вообще людей), чтобы знать тебе, каким образом и из этого ничем не менее познаётся во Христе Бог и Божий Сын.

20. Что касается до причины пришествия Его во плоти, то мы, насколько было возможно (отчасти и по мере сил нашего разума), объяснили это выше: а именно, сказали, что преложить тленное в нетление не иному кому принадлежало, как Спасителю онго и в начале сотворившему вселенную из ничего, что в людях снова воссоздать образ не иному кому было свойственно, как Отчему Образу, что смертное воскресить бессмертным не иному кому было свойственно, как источной жизни, Господу нашему Иисусу Христу, что научить об Отце, упразднить же идольское служение не иному кому принадлежало, как вселенную приводящему в благоустройство Слову, единому, Единородному, истинному Отчему Сыну. Поелику же, наконец, надлежало заплатить долг, лежащий на всех (ибо, по сказанному выше, должны были все умереть, что и было главной причиной Его пришествия), то после того, как доказал Божество Свое делами, приносит, наконец, и Жертву за всех, вместо всех предавая на смерть храм Свой, чтобы всех соделать свободными от ответ-

ственности за древнее преступление, о Себе же, в нетленном теле Своем явив начаток общего Воскресения, доказать, что Он выше и смерти.

И не дивись, что многократно говорим то же и о том же. Поелику беседуем о Божием благоволении, то много раз изъясняем одну и ту же мысль, чтобы не оказалось что-либо опущенным и не подпали мы обвинению, что сказанное нами неудовлетворительно. Ибо лучше подвергнуться порицанию за тождество, нежели опустить что-либо такое, о чем *должно* было написать.

Итак, тело, поелику имело оно общую со всеми телами сущность и было телом человеческим, хотя – по необычайному чуду – образовалось из единой Девы, однако же, будучи смертным, по закону подобных тел подверглось смерти; по причине же снисшествия в него Слова не потерпело свойственного телесной природе тления, а, напротив того, ради вселившегося в нем Божия Слова пребыло вне тления. И чудным образом в одном и том же совершилось то и другое: и смерть всех приведена в исполнение в Господнем теле, и уничтожены им смерть и тление ради соприсущего в нем Слова. Нужна была смерть и надлежало совершиться смерти за всех во исполнение долга, лежащего на всех. Посему-то, как сказано выше, поелику невозможно было умереть Слову, потому что Оно бессмертно, – прияло Оно на Себя тело, которое могло умереть, чтобы, как Свое собственное, принести его за всех и, как за всех пострадавшему – по причине пребывания Своего в теле, – *упразднить имущаго державу смерти, сиречь диавола, и избавить сих, елицы страхом смерти повинни беша работе* (Евр. 2, 14-15).

21. Поелику умер за нас общий всех Спаситель, то несомненно, что мы, верные о Христе, не умираем уже теперь смертью, как древле, по угрозе закона, потому что таковое осуждение отменено, но с прекращением и уничтожением тления благодатью Воскресения по причине смертности тела разрешаемся уже только на время, какое каждому определил Бог, да возможем улучшить лучшее Воскресение. Наподобие семян, ввергаемых в землю, мы, разрешаясь, не погибаем, но, как посеянные, воскреснем, потому что смерть упразднена по благодати Спасителя. Посему-то и блаженный Павел, соделавшись для всех порушителем в Воскресении, говорит: *Подобает тленному сему обещися в нетление, и мертвенному сему обещися в безсмертие. Егда же тленное сие облечется в нетление, и смертное сие*

облечется в безсмертие, тогда будет слово написанное: пожерта бысть смерть победою. Где ти смерти жало? Где ти аде победа? (1 Кор. 15, 53-55.)

Скажут: если нужно было Ему за всех предать тело на смерть, то почему не сложил с Себя тела, как человек, наедине, но простерся и до Распятия? Приличнее было бы сложить с Себя тело с честью, нежели претерпеть вместе с поруганием такую смерть. Смотри же, такое возражение не есть ли опять человеческое? А что совершено Спасителем, то поистине Божественно и по многим причинам достойно Его Божества. Во-первых, смерть, приключаящаяся людям, приходит к ним по немощи их естества; не могут они долго пребывать в жизни и со временем разрушаются, потому приключаются с ними болезни, они изнемогают и умирают. Господь же не немощен, но Божия Сила, Божие Слово, истинная Жизнь. Посему, если бы сложил с Себя тело где-либо наедине и, как обычно людям, на одре, то подумали бы, что и Он потерпел это по немощи естества и ничем не преимущественнее прочих людей. Поелику же Он – Жизнь и Божие Слово, и смерти надлежало совершиться за всех, то, как Жизнь и Сила, Собою укреплял тело; когда же надлежало совершиться смерти, – не в Себе, но от других заимствовал предлог к совершению Жертвы, потому что не надлежало терпеть болезни Господу, врачующему болезни других, и также не надлежало изнемогать телу, в котором Он подкреплял других в немощах. Но почему же и смерти не воспретил так же, как и болезни? Потому что для принятия смерти имел Он тело и неприлично было воспретить смерти, чтобы не воспрепятствовать и Воскресению. А также неприлично было, чтобы и болезнь предшествовала смерти; иначе вменилось бы это в немощь Явившемуся в теле. Но разве не алкал Он? Да, алкал по свойству тела, но не иставал голодом, потому что Облекшийся в тело был Господь. Посему-то, хотя умерло тело для искупления всех, но не видело тления; ибо воскресло всецелым, потому что было телом не кого-либо иного, но Самой Жизни.

- 22.** Скажет кто-нибудь: надлежало укрыться от злоумышления иудеев, чтобы тело Свое сохранить совершенно бессмертным. Пусть слышит таковой, что и это неприлично было Господу. Слово Божию, истинной Жизни как неприлично было Самому нанести смерть телу Своему, так не свойственно было избегать смерти, наносимой другими, и не преследовать смерть до истребления. Посему справедливо поступил Господь, что не сло-

жил с Себя тела Сам, а также и не избегал злоумышляющих иудеев. Такое дело не немощь показывало в Слове, а, напротив того, давало уразуметь в Нем Спасителя и Жизнь, потому что ожидал смерти, чтобы ее истребить, и наносимой смерти спешил положить конец для спасения всех. Сверх того, Спаситель пришел положить конец не Своей смерти, но смерти всех людей; почему не собственной смертью (как Жизнь, и не имел Он смерти) сложил с Себя тело, но принял смерть от людей, чтобы и эту смерть, коснувшуюся к телу Его, истребить совершенно.

Притом и из следующего можно видеть, почему Господне тело имело таковую кончину. У Господа главной целью было Воскресение тела, которое имел Он совершить; ибо знамением победы над смертью служило то, чтобы всем показать оное, всех уверить, что совершено Им уничтожение тления и даровано уже нетление телам. И как бы всем в залог этого нетления и в признак будущего для всех Воскресения соблюл Он тело Свое нетленным. Посему если бы тело пострадало от болезни и Слово на виду у всех решилось от тела, то Врачуящему болезни других неприлично было бы не позаботиться о собственном Своем орудии, изнуряемом болезнями. Как поверили бы, что отгонял Он немощи других, если бы изнемог у Него собственный храм? Или стали бы смеяться, что не может удалить от Себя болезни, или почли бы нечеловеколюбивым и к другим, потому что может и не делает.

- 23.** А если бы без какой-либо болезни, без какого-либо страдания где-либо наедине, в особом месте, или в пустыне, или в доме, или где бы то ни было сокрыл Он тело и потом, опять внезапно явившись, сказал о Себе, что воскрес из мертвых, то все почли бы это за баснь и слову Его о Воскресении не поверили бы тем паче, что вовсе не было бы свидетельствующего о смерти Его; Воскресению же должна предшествовать смерть, потому что без предшествовавшей смерти не было бы и Воскресения. Посему, если бы смерть тела приключилась где-либо втайне, то, поелику смерть была невидима и совершилась не при свидетелях, и Воскресение тела было бы не явно и не засвидетельствовано. И почему бы Воскресший стал проповедовать о Воскресении, когда смерти попустил совершиться не явно? Или почему бы, когда на виду у всех изгонял бесов, слепому от рождения возвратил зрение и воду претворил в вино, удостоверая тем, что Он – Божие Слово, – не показать на виду у всех, что смертное нетленно, в удостоверение, что Он – Жизнь? Как и ученики Его возымели бы дерзновение проповедо-

вать Воскресение, не имея права сказать, что прежде Он умер? Или как поверили бы им, когда бы стали утверждать, что сперва была смерть, а потом Воскресение, если бы свидетелями смерти не имели тех самых, пред кем с дерзновением утверждали это? Если и в том случае, когда и смерть, и Воскресение совершились на виду у всех, тогдашние фарисеи не хотели верить, но даже и видевших Воскресение принуждали отрицать его, – то, без сомнения, если бы совершилось это скрытно, сколько придумали бы предлогов к неверию? Как же показаны были бы и конец смерти, и победа над ней, если бы не на виду у всех, призвав смерть, обличил ее, что она уже мертва, истощенная нетлением тела?

24. Но нужно предупредить нам своим ответом то, что могут сказать другие. Ибо скажут, может быть, и это: если смерти Его надлежало совершиться на виду у всех и быть засвидетельствованной, чтоб поверили и слову о Воскресении, то надлежало бы хоть придумать славную смерть, чтоб избежать, по крайней мере, бесчестия Креста.

Но если бы так поступил, то подал бы о Себе подозрение, что имеет силу не над всякой смертью, а только над той, которую придумал для Себя, и тем не меньший был бы опять предлог к неверию в Воскресение. Посему-то не от Него, но по злоумышлению приключилась телу смерть, чтобы Спасителю истребить ту самую смерть, какую люди нанесли Ему. И как доблестный борец, высокий и разумом, и мужеством, не сам себе избирает противников, чтобы не подать подозрения, будто бы иных страшится, но представляет это власти зрителей (особливо, если неприязненны ему), чтоб, низложив того, кто будет противопоставлен ему, удостоверить в своем превосходстве пред всеми, – так и Жизнь всех, Господь и Спаситель наш Христос, не от Себя придумал смерть телу, чтобы не показаться боящимся другой какой смерти, но, приемля смерть от других, и именно от врагов, какую они почли ужасной, бесчестной и ненавистной, такую и претерпел на Кресте, чтобы, и ее низложив, о Себе удостоверить, что Он есть Жизнь, державу же смерти упразднить совершенно. И совершилось весьма чудное и необычайное дело: думали нанести смерть бесчестную, но она-то и послужила знамением победы над самой смертью.

Для чего не претерпел Иоанновой смерти чрез усекновение главы, не перетерт, как Исаия? Для того, чтобы и в смерти сохранить тело нераздробленным и всецелым, и потому, чтобы и предлога не было намеревающимся разделять Церковь.

25. И это в ответ внешним, которые любят много умствовать. Но и из нас кто-нибудь не по любознательности, а из любования может спросить: для чего претерпел не иное что, а Крест? Пусть слышит и он, что пострадать так, а не иначе к нашей служило пользе; и для нас – всего лучше, что претерпел это Господь. Ибо если пришел Он на Себе понести клятву, на нас бывшую, то как бы иначе стал клятвой, если бы не принял смерть, бывшую под клятвой? Но это – Крест, ибо так написано: *проклят висий на древе* (Втор. 21, 23. Гал. 3, 13). Потом, ежели Господня смерть есть искупление всех и Господней смертью разоряется *средостение ограда* (Еф. 2, 14) и совершается призвание язычников, то как бы призвал нас, если бы не был распят? На одном кресте умирают с распростертыми руками. Посему Господу прилично было и Крест претерпеть, и распростерть руки, чтобы одной рукой привлечь к Себе ветхий народ, а другой – званых из язычников, тех же и других соединить в Себе. Это и Сам Он изрек, давая разуметь, какой смертью искупит всех. Ибо говорит: *когда вознесен буду, вся привлеку к Себе* (Ин. 12, 32). И еще: если враг рода нашего – диавол, – пав с неба, блуждает по здешнему воздуху и там, властвуя над другими демонами, подобными ему непокорностью своей, производит чрез них мечтания в обольщаемых и намеревается задерживать *восходящих*, о чем говорит и Апостол: *по князю власти воздушныя, духа, иже ныне действует в сынех противления* (Еф. 2, 2). Господь же пришел низложить диавола, очистить воздух и нам для восхождения на небо открыть путь, как сказал Апостол: *завесою, сиречь плотию Своею* (Евр. 10, 20), а сему надлежало совершиться смертью, – то какой иной смертью совершилось бы это, как не смертью, принятой в воздухе, то есть на Кресте? Ибо только кончающийся на кресте умирает в воздухе. Посему-то Господь не без причины претерпел Крест, ибо, вознесенный на нем, очистил воздух от диавольской и всякой бесовской козни, говоря: *видех сатану, яко молнию спадша* (Лк. 10, 18); открывая же путь к восхождению на небо, обновил оный, говоря также: *возмите врата князи ваша, возмיתесь врата вечная* (Пс. 23, 7). Ибо не для Самого Слова, как Господа всяческих, нужно было отверстие врат и ничто сотворенное не заключено было для Творца, – но имели в этом нужду мы, которых возносил Он собственным телом Своим, потому что как на смерть принес за всех тело, так телом же опять проложил всем путь и к восхождению на небо.

26. Итак, смерть за нас на Кресте была прилична и сообразна с делом; причина к тому оказывается во всех отношениях достаточной и ведет к верным заключениям, что спасению всех надлежало совершиться не иначе, как Крестом. Ибо и в этом случае, то есть на Кресте, Господь не оставил Себя не явленным, но сверх всего соделал и то, что и тварь засвидетельствовала о присутствии ее Создателя.

Храм же Свой – тело – не надолго оставил в таком состоянии, но, показав только мертвым от приражения к нему смерти, немедленно и воскресил в третий же день, вознося с Собой и знамение победы над смертью, то есть явленное в теле нетление и непричастность страданию. Мог бы Он и в саму минуту смерти воздвигнуть тело и показать снова живым, но прекрасно и предусмотрительно не соделал сего Спаситель, потому что сказали бы, что тело вовсе не умирало или что не совершенная коснулась его смерть, если бы в то же время показал и Воскресение. И если бы смерть и Воскресение последовали в тот же промежуток времени, то, может быть, не явной соделалась бы слава нетления. Посему-то, чтобы показать тело мертвым, Слово и пострадало среди дня, и в третий день всем показало тело нетленным. Чтобы показать смерть в теле, воскресило его в третий день; но чтобы, воскреснув после долгого пребывания и совершенного истления во гробе, не подать случая к неверию, будто бы имеет на Себе уже не то, а иное тело (и по одной долговременности иной не поверил бы явившемуся и забыл прошедшее), – то по этой самой причине не более терпит трех дней и не длит ожидания слышавших, что сказано Им было о Воскресении, но, пока слово звучало еще в слухе их, пока не отводили еще очей и не отрывались мыслью, пока живы еще были на земле и на том же находились месте и умертвившие, и свидетельствующие о смерти Господня тела, – Сам Божий Сын показал, что тело, в продолжение трех дней бывшее мертвым, бессмертно и нетленно. И для всех стало явно, что тело умерло не по немощи естества вселившегося Слова, но для уничтожения в нем смерти силой Спасителя.

27. А что смерть сокрушена, что Крест соделался победой над ней, что она не имеет уже более силы, но действительно мертва, – сему немаловажным признаком и ясным удостоверением служит то, что пренебрегается она всеми учениками Христовыми: все наступают на нее и не боятся ее, но крестным знамением и верой во Христа попирают ее как мертвую. Древле, пока не со-

вершилось еще Божественное Спасителево пришествие, страшна была смерть и самим святым, и все оплакивали умирающих как погибших. Теперь же, поелику Спаситель воскресил тело, смерть уже не страшна, но все верующие во Христа попирают ее как ничтожную и скорее решаются умереть, нежели отречься от веры во Христа. Ибо несомненно знают, что умирающие не погибают, но живы, и чрез Воскресение сделаются нетленными. Один лукавый диавол, древле зло наругавшийся над нами смертью, остался истинно мертвым по уничтожении смертных болезней. И вот доказательство этому: люди прежде, нежели уверуют во Христа, представляют себе смерть страшной и боятся ее, а как скоро приступают к Христовой вере и к Христову учению, до того пренебрегают смертью, что с готовностью устремляются на смерть и делаются свидетелями Воскресения, совершённого Спасителем в низложение смерти; даже младенцы возрастом спешат умереть, и не только мужи, но и жены учатся, как бороться со смертью. Столько немощной стала она, что и жены, прежде обольщенные ею, смеются теперь над ней как над мертвой и расслабленной. Когда законный царь победит в брани похитителя власти и свяжет его по рукам и ногам, тогда все мимоходящие издеваются над ним, наносят ему удары, терзают его, не боясь его неистовства и свирепости, потому что побежден он царем. Так, поелику смерть побеждена и опозорена Спасителем на Кресте, связана по рукам и ногам, то все ходящие о Христе попирают смерть и, делаясь за Христа мучениками, издеваются над ней, осмеивая ее и говоря написанное выше: *где ти смерти победа? где ти аде жало?*

- 28.** Маловажное ли это свидетельство о немощи смерти или маловажное ли это доказательство одержанной над ней Спасителем победы, когда дети о Христе и юные девы ни во что ставят здешнюю жизнь и помышляют о том, чтобы умереть? Человек по природе боится смерти и телесного разрушения. И всего необычайнее, что облекшийся верой крестной пренебрегает и тем, что естественно, и не боится смерти за Христа.

Огонь имеет естественное свойство жечь. Если же скажут, что есть вещество, которое не боится огненного сожжения и даже доказывает собой, что огонь над ним бессилен, и таков, как говорят, у индов каменный лен², то, если не верит кто таким рассказам, захочет же опытом изведать сказанное, без сомнения, одевшись в несгораемое вещество и бросившись в огонь, удостоверится наконец в бессилии огня. Или если пожелает кто увидеть связанного мучителя, то,

конечно, пойдет для сего в область и владения победителя и там на деле увидит, что бывший для других страшным стал уже бессилён. Подобно этому, если кто и после стольких доказательств не верует еще во Христа и после того, как было такое множество Христовых мучеников (преспевающие же о Христе ежедневно посмеваются над смертью), колеблется еще мыслью в том, действительно ли смерть упразднена и возымела свой конец, – то прекрасно он делает, что изъясняет удивление при всем этом; но да не будет же, по крайней мере, упорен в неверии и да не отрицает с бесстыдством того, что так очевидно, а напротив того, как взявший каменный лен узнаёт, что в огне он несгораем, или как желающий видеть связанного мучителя идет во владение победителя, так и этот, не доверяющий победе над смертью, пусть восприимет веру Христову и приступит к Христову учению: тогда он увидит немощь смерти и победу над ней. Ибо многие прежде не веровали и смеялись, впоследствии же, уверовав, до того стали пренебрегать смертью, что сами сделались Христовыми мучениками.

29. Если же крестным знамением и верой во Христа попирается смерть, то пред судом истины ясно видно, что одержал победу, и восторжествовал над смертью, и довел ее до изнеможения не иной кто, а Сам Христос. И если прежде смерть была сильна, а потому и страшна, ныне же, по пришествии Спасителя, после смерти и Воскресения тела Его смерть пренебрегается, то явно, что она упразднена и побеждена Христом, восшедшим на Крест. Если по прошествии ночи является солнце и озаряются все надземные места под солнцем, то, конечно, нет сомнения, что это же самое солнце, которое повсюду разлило лучи свои, и тьму рассеяло, и всё осветило. Так, поелику смерть пренебрегается и попирается со времени спасительного явления в теле и крестной кончины Спасителя, то явно, что тот же Спаситель, Который явился в теле и упразднил смерть, и ныне ежедневно торжествует над ней в учениках Своих. Ибо когда видим, что люди, по природе немощные, устремляются на смерть, не ужасаются ее разрушительности, не страшатся нисхождения во ад, но с сердечной готовностью призывают на себя смерть, не трепещут мучений, но идти за Христа на смерть предпочитают даже здешней жизни; или когда бываем зрителями того, как мужи, жены и малые дети по благочестивой вере во Христа стремятся и спешат на смерть, – тогда будет ли кто столько судоумен или столько маловерен и до того ослеплен умом, чтоб не понять и не рассудить, что Христос, за Которого люди терпят

мучение. Сам уготовляет и дает каждому победу над смертью, приводя ее в изнеможение в каждом из уверовавших в Него и носящих на себе крестное знамение? Кто видит попираемую змею, тот (особливо, если знал прежнюю ее свирепость) не сомневается уже, что змея мертва и совершенно изнемогла, если только не повредился он в уме и здравы у него телесные чувства. Кто, видя, что дети играют львом, не познает из этого, что лев мертв или потерял всю свою силу? Как в истине этого можно увериться своими глазами, так, поелику верующие во Христа посмеваются над смертью и пренебрегают ею, то никто да не сомневается более, никто да не остается в неверии, что смерть упразднена Христом и разрушительность ее уничтожена и прекращена.

30. Сказанное пред этим служит немаловажным подтверждением тому, что смерть упразднена и Крест Господень есть знамение победы над ней. А что общим всех Спасителем и истинной всех жизнью – Христом – совершено уже бессмертное Воскресение тела, на то для имеющего здоровое око ума яснейшее всякого слова доказательство представляется в видимом. Ибо если, как показано в этом слове, смерть упразднена и при Христовом содействии все попирают ее, то тем паче Сам Он первый поправил и упразднил ее собственным телом Своим. По умерщвлении же Им смерти чему надлежало быть? Не тому ли, чтобы тело воскресло и этим явлено было торжество над смертью? Из чего же и явствовало бы, что смерть упразднена, если бы не воскресло Господне тело?

Если же кому недостаточно еще этого доказательства о Воскресении Господнем, то пусть в утверждаемом удостоверится тем, что видит перед глазами. Ибо если сделавшийся мертвым не может обнаруживать никаких действий и благотворность его простирается только до гроба, а потом прекращается, одним же живым можно действовать и иметь влияние на людей, – то, кому угодно, пусть рассмотрит, и вследствие усмотренного сделается судьей, и сознается в истине. Поелику Спаситель так действует на людей и ежедневно повсюду такое множество населяющих Элладу и варварскую землю невидимо убеждает приступать к вере в Него и покоряться учению Его, – то будет ли еще кто-либо колебаться мыслью, что действительно было Воскресение Спасителево и что Христос жив, вернее же сказать, что Он

есть Жизнь? Свойственно ли мертвому приводить мысль человеческую в такое умиление, чтобы люди отрекались от отеческих законов и поклонялись Христову учению? Или если Христос бездействен (ибо таким быть свойственно мертвому), то каким образом прекращает Он действенность в действующих и живых: и прелюбодей уже не прелюбодействует, человекоубийца уже не убивает, обидчик не домогается уже корысти, нечестивец не нечествует более? Если не воскрес Он, но мертв, то как же ложных богов, которые, по утверждению неверующих, живы, и чествуемых ими демонов изгоняет, преследует и низлагает? Ибо где только именуются Христос и вера Его, там истребляется всякое идолослужение, обличается всякая бесовская прелесть. Ни один демон не терпит и имени Христова, но, едва слышит его, как предается бегству. А это – дело не мертвого, но живого, и преимущественно дело Божие. Иначе смешно будет об изгоняемых Им демонах и об упраздняемых Им идолах утверждать, что они живы, а Кто изгоняет Своей силой и обращает их в ничто, Кого все исповедуют Сыном Божиим, – о Том говорить, что Он мертв.

31. Неверующие Воскресению сами на себя произносят важное обличение, если Христа, Которого называют они мертвым, не изгоняют все демоны и чествуемые у них поклонением боги; напротив же того, Христос всех их обличает в том, что они мертвы. Ибо если справедливо, что мертвый бездействен, Спаситель же ежедневно совершает столько дел, привлекая людей к благочестию, убеждая к добродетельной жизни, научая бессмертию, исполняя любви к небесному, открывая им ведение об Отце, вдыхая силу против смерти, являя Себя каждому, истребляя идольское безбожие; между тем как ничего такого не могут сделать чтимые неверными боги и демоны; напротив же того, в присутствии Христова делаются мертвыми, имеющими один бездейственный и пустой призрак, и крестным знаменем прекращается всякое волшебство, обращается в ничто всякое чародейство, все идолы лишаются своих поклонников и оставляются ими, всякое неразумное наслаждение прекращается и всякий человек обращает взор от земли к небу, – то кого же после сего назвать мертвым? Совершающего ли всё это Христа? Но несвойственно действовать мертвому, как вовсе бездейственному и лежащему бездыханным, что и примечаем в демонах и идолах, как мертвых. Сын Божий, как живой и дей-

ственный, ежедневно действует и совершает спасение всех, а смерть ежедневно оказывается изнемогающей, идола и демоны изобличаются в том, что они мертвы, почему никто уже не может сомневаться в Воскресении Господня тела.

Но неверующий Воскресению Господня тела не знает, по-видимому, силы Божия Слова и Божией Премудрости. Ибо если Господь вполне восприял на Себя тело и усвоил Себе его не без особенных важных причин, как доказано это в слове, то как же надлежало Господу поступить с телом? Или какой конец должен был последовать с телом, как скоро Слово единожды снизошло на него? Не могло оно не умереть, как смертное и за всех приносимое на смерть, для чего и уготовал Себе его Спаситель. Но не могло оно и остаться мертвым, потому что соделалось храмом Жизни. Посему, хотя умерло, как смертное, однако же ожило по силе обитающей в нем Жизни, и признаком Воскресения служат дела.

- 32.** Если же не верят Воскресению Господня тела, потому что тело невидимо, то смотри: неверующие отрицают сообразное с естеством, потому что Богу свойственно быть невидимым, но познаваемым из дел, как сказано было выше. Посему, если нет дел, то справедливо не верят невидимому; а если дела вопиют и доказывают ясно, то для чего произвольно отрицают столь явно обнаруживающуюся жизнь Воскресения? Если помрачен ум, то внешними даже чувствами можно видеть непререкаемую силу Христову и Божество. Слепой, если и не видит солнца, то, ощутив произведенную им теплоту, знает, что есть над землей солнце. Так и прекословящие, если еще не веруют, доныне слепотствуя для истины, то, познавая силу на других верующих, да не отрицают Божества Христова и совершенного Христом Воскресения. Ибо явно, что если Христос мертв, то не изгонял бы Он демонов, не расхищал бы корыстей идольских, потому что демоны не послушались бы мертвого. Если же явственно изгоняются они Христовым именем, то ясно видно, что Христос не мертв; тем более что демоны, видя и незримое людьми, если бы Христос был мертв, могли бы знать это и вовсе не стали бы повиноваться Ему. Теперь же нечестивые не веруют, но демоны видят, что Он – Бог, и потому бегут и припадают к Нему, говоря то, что говорили, когда был в теле: *вемы Тя, Кто еси, Святыи Божий* (Мк. 1, 24); и: *остави, что нам и Тебе, Сыне Божий* (Мф. 8, 29); молю Тебя, не мучь меня. Итак, поелику бесы исповедуют

и дела свидетельствуют ежедневно, то (никто да не противится бесстыдно истине!) явственно видно, что Спаситель воскресил тело Свое и что истинный Божий Сын (от Бога, как от Отца, Сый, собственное Его Слово, и Премудрость, и Сила) напоследок времен для спасения всех восприял на Себя тело, научил вселенную ведению Отца, упразднил смерть и всем даровал нетление обетованием Воскресения, в начаток сего Воскресения воскресив собственное Свое тело и памятник победы над смертью и ее разрушительностью показав в крестном знамении.

33. Когда же это действительно так и ясное есть доказательство Воскресения (Господня) тела и победы, одержанной Спасителем над смертью, – обличим теперь и неверие иудеев, и кощунство язычников. Ибо при всем этом, может быть, иудеи еще неверствуют, и язычники смеются, нападая на неприличие Креста и вочеловечения Божия Слова. Но слово наше не замедлит одержать верх над теми и другими, особенно же имея у себя против них очевидные доказательства.

Неверующие иудеи имеют себе обличение в тех Писаниях, которые и сами читают. Ибо всё вообще Богодухновенное Писание с начала до конца вопиет о сем, как ясно показывают сами речения.

Пророки издревле предвозвещали о чуде, совершившемся на Деве, и о рождении Ею, говоря: *се Дева во чреве приимет, и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил, еже есть сказано: с нами Бог* (Ис. 7, 14. Мф. 1, 23). Моисей же, подлинно великий и признаваемый у них истинным, оправдывая и признавая за истину изреченное другим о вочеловечении Спасителя, внес это в свои Писания, говоря: *возсияет звезда от Иакова и человек от Израиля, и погубит князи Моавитския* (Числ. 24, 17). И еще: *коль добри доми твои Иакове, и купцы твоя Израилю! яко дубравы осеняющая, и яко садие при реках, и яко кущи, яже водрузи Господь, яко кедри при водах. Изыдет человек от семени его, и обладает языки многими* (5-7). И еще говорит Исаия: *прежде неже разумети Отрочати, назвати отца или мать, приимет силу Дамаскову, и корысти Самарийския пред царем Ассирийским* (Ис. 8, 4). Этим предвозвещается, что явится человек; но и о том, что Грядущий есть Господь всех, прорицают также Пророки, говоря: *се Господь сedit на облаце легце, и приидет во Египет, и потрясутся рукотворенная египетская* (Ис. 19, 1). И оттуда вызывает Его Отец, говоря: *из Египта возвах Сына Моего* (Ос. 11, 1).

34. Но не умолчано и о смерти Его, а, напротив того, весьма ясно изображается она в Божественных Писаниях. Не убоялись сказать и о причине смерти, а именно, что претерпит ее не ради Себя, но для бессмертия и спасения всех; сказано и о злоумышлении иудеев, и об оскорблениях, какие причинены Ему иудеями, чтобы всякий из них разумел совершающееся и не обманывался. Посему говорят: *Человек в язве сый и ведый терпети болезнь, яко отвратися лице Его, безчестно бысть, и не вменися. Сей грехи наша носит, и о нас болезнует, и мы вменихом Его быти в труде и в язве от Бога и во озлоблении. Той же язвен бысть за грехи наша, и мучен бысть за беззакония наша, наказание мира нашего на Нем, язвою Его мы изцелехом* (Ис. 53, 3-5). Подивись человеколюбие Слова! За нас терпит бесчестие, чтобы мы сделались славными. Ибо сказано: *Вси яко овцы заблудихом, человек от пути своего заблуди, и Господь предаде Его грех ради наших. И Той, зане озлоблен бысть, не отверзает уст, яко овча на заколение ведется, и яко агнец пред стригущим Его безгласен, тако не отверзает уст Своих. Во смирении суд Его взятся.* (6-8). Потом, чтобы по страданиям Его не предположили в Нем обыкновенного человека, Писание предотвращает таковые человеческие предположения и изображает Его высшую человеческой силу и несходство естества Его с нашим, говоря: *род же Его кто исповесть? Яко вземлется от земли живот Его, ради беззаконий людей ведется на смерть. И дам лукавыя вместо погребения Его, и богатая вместо смерти Его: яко беззакония не сотвори, ниже обретется леть во устех Его. И Господь хочет очистити Его от язвы* (8-10).

35. Но, может быть, слыша пророчества о смерти, пожелаешь узнать и указания на Крест? И это не умолчано, но весьма явно выражено святыми. Моисей первый и велегласно предвозвещает, говоря: *узрите Живот ваш висящ пред очима вашима, и не будете веры яти* (Втор. 28, 66). Но и после него жившие Пророки свидетельствуют также об этом, говоря: *Аз же, яко агня незлобивое ведомое на заколение, не разумех: на Мя помыслиша помысл лукавый, глаголюще: приидите и вложим древо в хлеб Его, и истребим Его от земли живущих* (Иер. 11, 19). И еще: *Ископаша руце Мои и нозе Мои: исчетоша вся кости Моя. Разделиша ризы Моя себе, и о одежди Моей меташа жребий* (Пс. 21, 17-19). Смерть же на высоте и на древе не иная может быть, как крест. Ни в каком также роде смерти не пронзаются ноги и руки, как на одном кресте.

Поелику же с пришествием Спасителя все народы повсюду начали познавать Бога, то и этого не оставили без указания Пророки, а напротив того, и об этом есть упоминание в святых Письменах. Ибо сказано: *Будет корень Иессеов, и возстая владети языки. На Того языцы уповати будут* (Ис. 11, 10).

Вот немногие места в доказательство совершившегося, но и всё Писание исполнено обличениями неверия иудеев. Ибо кто когда-либо из праведников, святых пророков и патриархов, о которых повествуется в Божественных Писаниях, родился телесно от одной девы? Или какая жена имела достаточные силы без мужа произвести на свет человека? Не от Адама ли родился Авель? Не от Иареда ли Энох? Не от Ламеха ли Ной? Не от Фарры ли Авраам? Не от Авраама ли Исаак? Не от Исаака ли Иаков? Не от Иакова ли Иуда? Не от Амрама ли Моисей и Аарон? Не от Елканы ли рожден Самуил? Не от Иессея ли Давид? Не от Давида ли Соломон? Не от Ахаза ли Езекия? Не от Амоса ли Иосия? Не от Амоса ли Исаия? Не от Хелкии ли Иеремия? Не от Вузия ли Иезекииль? Не каждый ли виновником рождения своего имел отца? Кто рожден от одной девы, между тем как Пророк с крайней заботливостью указывает на это? Чье рождение предваряла звезда на небе и указывала вселенной рожденного? Моисей по рождении скрывается был родителями. О Давиде не было и слуха у соседей, почему и великий Самуил не знал его, но спрашивал: есть ли еще иной сын у Иессея? Авраам, когда был уже велик, узнан ближними. Христова же рождения не человек был свидетелем, но свидетельствовала о нем звезда, явившаяся на небе, откуда снисшел Христос.

36. Кто же из бывших когда-либо царей, прежде нежели мог он назвать отца или мать, царствовал уже и торжествовал победы над врагами? Не тридцати ли лет воцарился Давид? И не в юношеских ли годах воцарился Соломон? Не семь ли лет было Иоасу, когда вступил он на царство? Не около ли семи лет было царствовавшему после (Иосии), когда принял он правление? Но и в таком будучи возрасте, могли уже они назвать отца и мать. Кто же сей, почти до рождения царствующий и собирающий дань с врагов?

Был ли такой царь у Израиля и Иуды (пусть исследуют и скажут иудеи), на которого бы возлагали всё упование народы и пребывали в мире? Не справедливее ли сказать, что народы отовсюду восставали на них? Пока стоял Иерусалим, непримиримая была

у них брань и все были противниками Израилю: ассирияне притесняли, египтяне гнали, вавилоняне делали нашествия. И что удивительно: даже соседние с ними сирияне были их врагами. Давид не воевал ли с моавитянами, не побил ли сириян? Иосия не защищался ли от сопредельных народов? Езекия не боялся ли высокомерия Сеннахиримова? Не ополчался ли Амалик на Моисея? Амморей не противились ли Иисусу Навину? Не вступали ли с ним в брань жители Иерихона? И вообще, у язычников с израильтянами никогда не бывало дружественных договоров. Поэтому кто же сей царь, на которого народы возлагают упование? Это стоит внимания.

Ибо должен быть такой царь, потому что Пророку солгать невозможно.

Кто также из святых пророков или из древних патриархов умер на кресте за спасение всех? Или кто язвен и умерщвлен, чтоб все стали здоровыми? Кто из праведников или из царей ходил в Египет, и при вшествии его пали египетские идолы? Ходил туда Авраам, но после него идолопоклонство снова овладело всеми. Родился там Моисей, но, тем не менее, продолжалось там ложное богослужение обольщенных.

37. У кого, по свидетельству Писания, *ископаны* были руки и ноги? Или кто, вообще, висел на древе и скончался на кресте за спасение всех? Авраам, оскудев в силах, умер на одре; Исаак и Иаков умерли также, простерши ноги на одре. Моисей и Аарон скончались на горе, а Давид кончил жизнь в доме, и народы не злоумышляли против него. Хотя и искал жизни его Саул, но спасался он невредимым. Исаия был претрен, но не висел на древе. Иеремия терпел поругания, но умер не осужденный. Иезекииль страдал, но не за народ, а в знамение того, что будет с народом.

Притом, если они и страдали, то были такие же люди, каковы и все мы по сходству природы. Но Тот, Кого Писания изображают страждущим за всех, именуется не просто Человеком, но *Жизнью* всех, хотя и был подобен людям по естеству. Ибо сказано: узрите *Живот* ваш *висящ пред очима* вашима; и: *род Его кто исповесть?* Изучив родословие всех святых, можно о каждом с самого начала рассказать: кто он и от кого произошел; но родословие Того, Кто соделывается *Жизнью*, слово Божие именует неисповедимым. Посему о ком же говорят это Божественные Писания? Или чем Он так велик, что столько предвозвещают о Нем Пророки?

Но в Писаниях не найдешь никого иного, кроме общего всех Спасителя, Божия Слова, Господа нашего Иисуса Христа. Ибо Он произошел от Девы, явился на земле Человеком, и родословие Его по плоти – неисповедимо, потому что никто не может наименовать Отца Его по плоти, так как тело Его не от мужа, но от одной Девы. Как можно указать по родословию отцов Давидова, Моисеева и всех патриархов, так Спасителя рожденья по плоти никто не может произвести по родословию от мужа. Он соделал то, что телесное Его рождение указала звезда, потому что Слову, нисходящему с неба, надлежало иметь и знамение на небе и рождающегося Царя твари должна была ясно познать вся тварь. И действительно, родился Он в Иудее, и персы пришли поклониться Ему. Еще прежде явления Своего в теле одерживает Он победу над сопротивными демонами и торжествует над идолослужением. Язычники повсюду, проклиная отеческий навыв и идольское безбожие, возлагают наконец упование на Христа и Ему вручают себя, как можно это видеть собственными своими глазами. Не в иное время прекратилось и египетское безбожие, но именно, когда снишел туда телом, как на облаке носимый, Господь вселенной и упразднил идольскую прелесть, всех же привел к Себе, а чрез Себя – к Отцу. Он распят, имея свидетелями солнце, тварь и приводящих Его на смерть. И смертью Его совершилось спасение всех, искуплена вся тварь. Он есть общая всех Жизнь и в искупительную Жертву за спасение всех, как овча, предал на смерть тело Свое, хотя и не веруют тому иудеи.

38. Если и это почитают недостаточным, то да убедятся другими пророчествами, которые также имеют у себя в руках. Ибо о ком говорят Пророки: *Явлен бых не ищущим Мене, обретохся не вопрошающим о Мне. Рекох: се есмь, языку, иже не призваша имени Моего: прострох руце Мои к людям не покоряющимся и противоглаголющим* (Ис. 65. 1-2)? Кто же соделался явленным? – спросят у иудеев. Если Пророк, то пусть скажут, когда скрывался, чтобы явиться впоследствии? Что же это за Пророк, который из неявленных стал явленным и распростер руки на Кресте? Это не кто-нибудь из праведников, но единое Божие Слово, бесплотное по естеству, и ради нас явившееся в теле, и за всех пострадавшее.

Если же и этого для них недостаточно, то пусть будут постыжены другими пророчествами, видя в них столь ясное обличение. Ибо Писание говорит: *Укрепитесь, руце ослабленыя и колена раз-*

слабленная, утешитесь, малодушный умом, укрепитесь, не бойтесь: Се Бог наш суд воздаст и воздаст, Той придет и спасет нас. Тогда отверзутся очи слепых, и уши глухих услышат. Тогда скочит хромый яко елень, и ясен будет язык гугнивых (Ис. 35, 3-6). Итак, что могут сказать об этом? Или как вообще осмелятся противиться и этому? Пророчество дает разуместь, что придет Бог, а знамения показывают и время пришествия. Ибо говорят, что в Божественное пришествие слепые будут прозирать, хромы ходить, глухие слышать и язык гугнивых сделается ясным. Итак, пусть скажут: когда таковые знамения бывали в Израиле, или бывало ли что подобное сему в Иудее? Очистился прокаженный Нееман, но ни один глухой не стал слышать, ни один хромым не стал ходить. Илия и Елисей воскрешали мертвых, но не прозирал слепой от рождения. Великое, подлинно, дело – воскресить мертвого, однако же и это не таково, как Спасителево чудо. Притом, если Писание не умолчало о прокаженном и о мертвце у вдовицы, то, без сомнения, если бы хромым стал ходить и слепой прозрел, слово не преминуло бы и это сделать известным. Поелику же умолчано об этом в Писаниях, то явно, что никогда и не бывало этого прежде. Когда же совершилось это? Не тогда ли только, когда Само Божие Слово пришло во плоти? Когда это исполнилось? Не тогда ли, как хромы стали ходить, гугнивые начали говорить ясно, глухие услышали, слепые от рождения прозрели? Посему-то и иудеи, видевшие тогда чудеса эти, как не слышавшие, чтоб бывало это в другое время, сказали: *от века несть слышано, яко кто отверзе очи слепу рожденну. Аще не бы был Сей от Бога, не мог бы творити ничесоже (Ин. 9, 32-33).*

39. Но, может быть, по трудности оспаривать явное не станут они отрицать написанного, будут же утверждать, что и они ожидают всего этого, но Бог-Слово еще не пришел. И действительно, при всяком случае повторяя эту отговорку, не стыдятся они упорно стоять против самой очевидности. Но и в этом более даже, нежели в чем другом, обличены будут не нами, но премудрым Даниилом, который, указывая на настоящее время и на Божественное Спасителево пришествие, говорит: *Седьмдесят седмин сократившася о людех Твоих и о граде святем, яко да скончается грех, и запечатаятся греси, и загладятся неправды, и очистятся беззакония, приведется правдая вечная, и запечатается видение и пророк, и помажется Святым святых. И увеси и уразумеши от исхода словесе, еже отвещати, и еже соградити Иерусалим,*

даже до Христа Старейшины (Дан. 9, 24-25). При других пророчествах можно еще отыскивать хотя бы предлоги к тому, чтоб написанное относить к будущему времени; но что в состоянии будут они сказать на это или, вообще, какое осмелятся сделать возражение? Здесь указан помазанник (Христос), предвозвещено, что помазуемый – не просто человек, но Святый святых, что до пришествия Его будет стоять Иерусалим, и, наконец, не станет Пророка и видения во Израиле. Помазаны были в древности Давид, Соломон и Езекия, но стояли еще Иерусалим и всё место, пророчествовали еще и пророки: Гад, Асаф, Нафан, а после них – Исаия, Осия, Амос и другие. Притом сами помазанные назывались святыми людьми, а не святыми святых. Если станут указывать на пленение и скажут, что Иерусалима тогда не было, то скажут ли то же и о Пророках? Когда в древности народ израильский переселился в Вавилон, были там Даниил и Иеремия, пророчествовали также Иезекииль, Аггей и Захария.

40. Следовательно, иудеи слагают чистые басни, когда исполнение пророчества с настоящего времени переносят на времена будущие. Когда во Израиле не стало Пророка и видения? Не с того ли времени, как пришел Христос – Святый святых? Вот знамение и важный признак явления Божия Слова: Иерусалим уже не существует, ни один Пророк не восстает и нет уже у них откровения видений. Этому и быть надлежало. Когда пришло уже знаменуемое, какая еще нужда в знаменующем? Когда наступила действительность, какая нужда в тени? Для сего-то и пророчествовали, пока не пришла источная Правда, пока не пришел Искушающий грехи всех. Для сего-то и Иерусалим стоял столько времени, чтобы поучались там прообразованиям истины. Поелику же явился Святый святых, то справедливость требовала, чтоб запечатаны были видение и пророчество и прекратилось царство Иерусалимское. Дотоле помазываемы были у них цари, пока не помазан Святый святых. И Иаков пророчествует, что до Него будет стоять Иудейское царство, говоря: *не оскудеет князь от Иуды, и вождь от чресл его, дондеже придут Отложенная ему: и Той чаяние языков* (Быт. 49, 10). Почему и Сам Спаситель взывает, говоря: *закон и пророцы до Иоанна прорекоша* (Мф. 11, 13). Итак, если у иудеев доньше есть царь, или пророк, или видение, то справедливо отрекаются они от пришедшего Христа. Если же нет ни царя, ни видения, но запечатано уже всякое пророчество и город и храм пленены, то для чего столько нечествуют и гре-

шат, что, хотя видят совершившееся, но отрицаются от совершившего это Христа? Почему, видя, что язычники оставляют идолов и ради Христа возлагают упование на Бога Израилева, они отрицаются от Христа, Который по плоти произошел от Иессеева корня и уже царствует? Если бы язычники стали служить иному богу, а не исповедовали Бога Авраамова, Исаакова, Иаковлева и Моисеева, то был бы у них хороший еще предлог говорить, что Бог не пришел. Если же язычники чествуют того Бога, Который Моисею дал закон, изрек обетование Аврааму и Которого Слово обесчестили иудеи, то почему не признают или, лучше сказать, добровольно не видят, что Господь, о Котором пророчествуют Писания, воссиял вселенной и явился в ней телесно, как изрекло само Писание: *Бог Господь явился нам* (Пс. 117, 27); и еще: *посла Слово Свое, и изцели я* (Пс. 106, 20); и еще: *не ходатай, ниже Ангел, но Сам Господь спасе их* (Ис. 63, 9)? Они в таком же состоянии, как и помешавшийся в уме, который видит землю, освещаемую солнцем, но отрицает освещающее ее солнце. Ибо что еще надлежало сделать Ожидаемому ими по пришествии Своем? Призвать язычников? Но они уже призваны. Сделать, чтобы не стало ни пророка, ни царя, ни видения? И это уже сделано. Обличить идольское безбожие? Оно уже обличено и осуждено. Упразднить смерть? И та уже упразднена. Что же надлежало сделать Христу и Им не сделано? Или что остается еще не исполненным, чтоб иудеям теперь с радостью взяться за это и утверждаться в неверии? Ибо ежели (как видим) нет у них ни царя, ни пророка, ни Иерусалима, ни жертвы, ни видения, напротив же того, вся земля наполнена ведением Божиим, и язычники, научаемые Словом, Господом нашим Иисусом Христом, оставив безбожие, притекают уже к Богу Авраамову, – то и для самых бесстыдных иудеев ясно видно, что Христос пришел, что Он всех вообще озарил светом Своим и преподал истинное и Божественное учение об Отце Своем. Это и многое другое в Божественных Писаниях весьма может служить к обличению иудеев.

41. В рассуждении же язычников даже очень можно подивиться, что смеются они, над чем вовсе не должно смеяться, между тем как в ослеплении своем не видят своего позора, воздавая честь деревьям и камням. Впрочем, слово наше не имеет недостатка в доказательствах. Почему постараемся и их убедить сильными доводами, заимствованными наипаче из того, что у нас самих перед глазами.

Что у нас несообразного или достойного осмеяния? То, конечно, что Слово, как говорим мы, явилось в теле? Но и сами они, если будут друзьями истины, сознаются, что в этом нет никакой несообразности. Если вовсе отрицают они, что есть Божие Слово, то напрасно смеются над тем, чего не знают. Если же признают, что есть Божие Слово, что Оно – Властитель вселенной, что Им Отец создал тварь, и Его промыслением всё во вселенной озаряется, оживотворяется и имеет бытие, и над всем Оно царствует, а потому из дел промысления познаётся это Слово, а чрез Него и Отец, – то, прошу вникнуть, не сами ли над собой смеются они, не зная того? Эллинские философы говорят, что мир есть великое тело. И в этом верны они истине. Ибо видим, что мир и части его подлежат чувствам. Итак, ежели в мире, который есть тело, есть Божие Слово и Оно пребывает во всех совокупно и отдельно взятых частях мира, – что удивительного или что несообразного, когда утверждаем, что то же Слово пребывало и в Человеке? Если вообще ни с чем не сообразно быть Ему в теле, то не сообразно пребывать Ему и во вселенной, всё озарять и приводить в движение Своим промыслением, потому что и вселенная есть тело. А если прилично Слову пребывать в мире и открывать Себя во вселенной, то прилично Ему явиться и в человеческом теле, которое бы Им озарялось и приводимо было в действие, потому что и род человеческий есть часть целого мира. Если же части неприлично соделаться орудием Его к сообщению ведения о Божестве, то гораздо более несообразности открывать Ему Себя в целом мире.

42. Ежели – когда целое человеческое тело приводится в действие и просвещается человеком, – назовет кто несообразным, чтобы силы человека были и в персте ноги, то всякий почтет его бессмысленным за то, что, дозволяя человеку пребывать и действовать в целом, воспрещает ему быть в части. Так, кто соглашается и верит, что во вселенной есть Божие Слово и Им вселенная озаряется и приводится в движение, тот не может признать несообразным, чтоб и одно человеческое тело приводимо было в движение и озарялось Тем же Словом. Если же на том основании, что род человеческий сотворен и произошел из ничего, по мнению их, неприлично нам говорить о явлении Спасителя в Человеке, то значит, что они исключают Слово и из всей твари, потому что вся тварь из ничего также приведена в бытие Словом. Если же нет несообразности Слову быть в твари, хотя она и со-

творена, то нет несообразности быть Ему и в Человеке. Ибо что представляют о целом, то необходимо представлять им и о частях; а человек, по сказанному выше, есть часть целого. Посему вовсе нет неприличия, чтобы Слово было в Человеке и чтобы всё в мире Им же и о Нем же озарялось, приводилось в движение и жило, как и их писатели говорят, что *о Нем живем, движемся и есмы* (Деян. 17, 28). Что же после этого достойно осмеяния в утверждаемом нами? Что Слово в орудие для явления Своего употребляет то, в чем Оно пребывает? Если бы не пребывало Оно в этом, то не могло бы и употребить. Если же допускаем, что Слово пребывает и в целом, и в частях, – что невероятного, если Оно, в чем пребывает, в том и являет Себя? Если бы Слово, всецело пребывая Своими силами в каждой твари и во всех тварях и всё приводя в наилучшее благоустройство, восхотело вещать и соделать ведомым Себя и Отца Своего чрез солнце, или луну, или небо, или землю, или воды, или огонь, то никто не сказал бы, что действует Оно несообразно, потому что Оно содержит всё в совокупности, и как во всем, так и в каждой части пребывает и невидимо являет Себя. Так, ничего нет несообразного, если Оно, приводя в благоустройство вселенную, и всё оживотворяя, и восхотев соделать Себя ведомым чрез людей в орудие к явлению истины и к сообщению ведения об Отце, употребило человеческое тело; потому что и человечество есть часть целого. И как ум, пребывая в целом человеке, дает о себе знать частью тела, то есть языком, и никто не скажет, чтобы этим умалялась сущность ума, – так, если Слово, пребывая во всем, употребило в дело человеческое орудие, то это не должно казаться несообразным. Ибо если, по сказанному, неприлично Слову употребить орудием тело, то неприлично быть Ему и в целом.

43. Если спросят, почему же явил Себя не в других лучших частях твари и в орудие употребил не что-либо лучшее, например: солнце, или луну, или звезды, или огонь, или эфир, – но одного Человека, то пусть знают, что Господь пришел не показать Себя, но уврачевать и научить страждущих. Ибо явиться только и поразить зрителей значило бы прийти напоказ. Врачующему же и научающему свойственно было не просто прийти, но послужить к пользе имеющих нужду в помощи и явиться так, чтобы это было стерпимо для нуждающихся и чем-либо превосходящим потребности страждущих не были приведены в смущение требующие помощи, отчего и Божие пришествие соделалось бы

для них бесполезным. Никакая тварь не заблуждала в понятиях о Боге, кроме одного человека. Конечно, ни солнце, ни луна, ни небо, ни звезды, ни вода, ни эфир не изменяли своего чина, а напротив того, зная Создателя своего и Царя – Слово, – они пребывают, какими созданы; только люди уклонились от добра, вместо истины измыслили себе не-сущее и честь, подобающую Богу, также ведение о Нем перенесли на бесов и на людей, изваянных из камней. Поелику оставить это без призрения недостойно было Божией благодати, люди же не в состоянии были познать Бога, Который правит и владычествует во вселенной, то справедливо в орудие Себе берет часть целого – человеческое тело – и пребывает в нем, чтобы, когда не могли познать Его в целом, познали хотя бы в части и, когда не могли усмотреть невидимой Его силы, пришли в состояние дойти до сего умом хотя бы чрез заключение от подобного; потому что людям по причине сходственного тела и совершённых чрез него Божиих дел скорее и ближе можно познать Отца Его, рассудив, что совершённые Им дела суть не человеческие, но Божии. И если, по словам язычников, несообразно было Слову открывать Себя в делах телесных, то та же была бы несообразность, если бы познавали Его из дел вселенной. Как пребывая в твари, Слово не приобщается ничему тварному, а, напротив того, содержит всё силой Своей, так, и употребив орудием тело, не приобщилось Оно ничему телесному, а, напротив того, Само осватило и тело. Если и Платон, которому удивляются эллины, говорит: «Произведший мир, видя, что он обуревается и в опасности погрузиться в область неподобия, сев у кормила души, помогает и исправляет все ошибки», – что невероятного в утверждаемом нами, а именно, что Слово, когда человечество впало в заблуждение, воссело при нем и явилось Человеком, чтобы обуреваемое человечество спасти Своим управлением и благодатью?

44. Но, может быть, язычники и согласятся на это от стыда, однако же пожелают утверждать, что Богу, когда восхотел разумить и спасти людей, надлежало совершить это одним мановением, как соделал то древле, когда создал мир из ничего, но не должно было Слову Его касаться тела. На это возражение их кстати будет сказать следующее: древле, когда еще вовсе ничего не существовало, для создания вселенной потребно было одно мановение и изволение. Когда же человек создан и нужда потребовала уврачевать не то, чего не было, но что уже сотворено,

тогда Врачу и Спасителю следовало прийти к сотворенному уже, чтобы уврачевать существующее. Посему-то соделался Он Человеком и в действие употребил человеческое орудие – тело. А если бы надлежало употребить не этот способ, то как иначе должно было прийти Слову, когда пожелало Оно действовать орудием? Или откуда должно было взять это орудие, как не из того, что сотворено уже и имело нужду в Божестве Его по причине подобия? В спасении имело нужду не что-либо несуществующее, для чего достаточно было бы одного повеления; напротив того, растлен был и погибал сотворенный уже человек. Посему-то Слово справедливо и прекрасно употребило человеческое орудие и открыло Себя во всем.

При этом должно еще знать, что происшедшее растление было не вне тела, но в нем самом началось, и нужно было вместо тления привить к нему жизнь, чтобы как смерть произошла в теле, так в нем же произошла и жизнь. Если бы смерть была вне тела, то и жизни его надлежало бы произойти вне. Если же смерть привилась к телу и, как в нем пребывающая, возобладала им, то нужно было и жизни привиться к телу, чтобы, облекшись в жизнь, свергло оно с себя тление. Иначе, если бы Слово было вне тела, а не в самом теле, то, хотя смерть естественным образом была бы побеждена Словом (потому что смерть не в силах противиться жизни), но, тем не менее, оставалось бы в теле начавшееся в нем тление. Посему Спаситель справедливо облекся в тело, чтобы по привитии тела к жизни не оставалось оно долее в смерти, как смертное, но, как облекшееся в бессмертие, по Воскресении пребывало уже бессмертным. Ибо, однажды облекшись в тление, не воскресло бы оно, если бы не облеклось в жизнь. И еще: поелику смерть могла явиться не сама по себе, а только в теле, то Слово облеклось для сего в тело, чтобы, обретши смерть в теле, истребить ее. Ибо вообще, как показал бы Господь, что Он – Жизнь, если бы не оживотворил мертвенного? Если кто не допустит огня до соломы, которая по природе своей истлевет от огня, то солома, хотя не сгорает, однако же всё еще остается соломой, и огонь не перестает ей угрожать, потому что по природе своей истребительен он для соломы. Но если кто обложит солому большим количеством каменного льна, который, как сказывают, противодействует огню, то солома уже не боится огня, находя для себя безопасность в несгораемой оболочке. То же самое можно сказать о теле и о смерти. Если бы повеление только не

допускало смерть до тела, оно, тем не менее, по общему закону тел оставалось бы смертным и тленным. А чтобы не было этого, облечено тело в бесплотное Божие Слово и, таким образом, не боится уже ни смерти, ни тления, потому что имеет ризой жизнь и уничтожено в нем тление.

45. Итак, сообразно с целью Божие Слово восприяло на Себя тело и употребило человеческое орудие, чтобы и тело оживотворить, и, как в твари познаётся Оно из дел, так действовать и в человеке и явить Себя повсюду, ничего не оставив лишенным Божества Своего и ведения о Себе. Ибо, опять повторяю то же, возвращаясь к прежнему, а именно: Спаситель соделал это, чтобы как Он, присутствуя всюду, всё наполняет, так и всё исполнилось ведения о Нем, о чем говорит и Божественное Писание: *исполнися вся земля ведения Господня* (Ис. 11, 9). Ибо, если кто захочет воззреть на небо, пусть увидит благоустройство его. А если не может взирать на небо, приникает же только взором на людей, – пусть видит силу Его в делах, не сравнимую с силами человеческими, и познаёт среди человеков сего единого Бога-Слово. Если же кто совращен демонами и им удивляется, то пусть видит, как Он изгоняет демонов, и заключит из этого, что Он – Владыка и демонов. Если кто погружен в водное естество и думает, что это – бог (как египтяне чествуют воду), то пусть видит, как Он претворяет воду, и познает, что Господь – Творец вод. Если кто и во ад низойдет и снисшедшим туда героям будет дивиться как богам, то пусть видит Его Воскресение и победу над смертью и заключит, что и у них один Христос есть истинный Господь и Бог. Господь коснулся всех частей твари, освободил вселенную от всякой прелести и обличил, как говорит Павел: *совлек начала и власти, изобличи на Кресте* (Кол. 2, 15), чтобы никто уже не мог обмануться, но повсюду находил истинное Божие Слово. Так человек, отовсюду заключенный, и везде, то есть на небе, во аде, в человеке, на земле видя раскрытое Божество Слова, не обманывается уже в рассуждении Бога, но поклоняется единому Слову и чрез Него достаточно познает Отца.

В этих рассуждениях представлены нами причины, которыми язычники справедливо должны быть постыжены. Если же и их не почитают достаточными к своему посрамлению, то в утверждаемом пусть уверит их, по крайней мере, то, что всякий видит у себя пред глазами.

46. Когда люди начали оставлять служение идолам? Не с того ли времени, как явился среди человеков истинный Бог – Божие Слово? Когда и у эллинов, и повсюду умолкли и опустели прорицалища? Не тогда ли, как Спаситель явил Себя даже на земле? Когда о так называемых стихотворцами богов и героях стали рассуждать, что они – только смертные люди? Не с того ли времени, как Господь восторжествовал над смертью и воспринятое Им на Себя тело соблюл нетленным, воскресив его из мертвых? Когда пренебрежены демонская прелесть и беснование? Не тогда ли, как Слово – Божия Сила, Владыка всех и самих демонов, – снисшедши ради человеческой немощи, явился на земле? Когда стали попираť и искусство, и училища волшебства? Не после ли того, как было среди людей Богоявление Слова? И вообще, когда объюродела эллинская премудрость? Не тогда ли, как явила Себя на земле истинная Божия Премудрость? В древности вся вселенная и всякая страна предавалась заблуждению, служа идолам, и люди, кроме идолов, ничего иного не признавали богами. Теперь же в целой вселенной люди оставляют суеверное служение идолам, притекают ко Христу, Ему поклоняются как Богу, чрез Него познают и Отца, Которого не ведали. И что удивительно: тысячи были различных чтилищ, каждое место имело своего особенного идола, и этот, так называемый ими, бог не в состоянии был перейти на ближайшее место, чтобы убедить и живущих по соседству его же чествовать, но и в своем месте едва был чтим всеми; никто же другой не воздавал чести соседнему богу, а каждый берѣг своего идола, его почитая господом всех; только Христос – у всех один, везде поклоняются тому же Христу, и чего не могла сделать идольская немощь (то есть убедить хотя бы поблизости живущих), то совершил Христос, убедив не только близких, но и всю вообще вселенную чествовать одного и того же Господа, а чрез Него – и Бога Отца Его.

47. В древности всё было наполнено прелестью прорицаний: прорицалища в Дельфах, в Додоне, в Беотии, в Ликийи, в Ливии, в Египте, в Кавирах и Пифии во мнении людей составляли предмет удивления. Ныне же, после того как возвещается всюду Христос, прекратилось их умоисступление и нет уже у них прорицающего. В древности демоны обольщали людей призраками, поселялись в источниках, или реках, или деревьях, или камнях и такими обаяниями приводили в изумление несмысленных; ныне же, по Божественном явлении Слова, мечтания их прекратились;

потому что человек, употребив только одно крестное знамение, отражает от себя их прелесть. В древности почитали люди богами и по заблуждению чествовали именуемых у стихотворцев Зевса, Крона, Аполлона и героев; ныне же, по явлении между человеками Спасителя, они оказались смертными людьми, один же Христос признаётся у людей истинным Богом, от Бога Богом-Словом. Что же сказать о волшебстве, возбуждавшем у них такое удивление? До пришествия Слова было оно и сильно, и действительно у египтян, у халдеев, у индов и приводило зрителей в изумление; но с пришествием Истины и явлением Слова и оно обличено и совершенно упразднено. Об эллинской же мудрости и о велеречии философов, думаю, никто и не потребует у нас слова, потому что чудо это в глазах у всех. Столько писали мудрецы эллинские, но и малого числа людей из близких к ним мест не могли уверить в бессмертии и убедить к добродетельной жизни. Один Христос не высокими речениями чрез людей немудрых в слове в целой вселенной многочисленные собрания людей убедил пренебрегать смертью, помышлять же о бессмертном, презирать временное, взирать же на вечное, славу на земле вменять ни во что, воздевать же одной небесной славы.

48. Всё же утверждаемое нами не на словах только опирается, но имеет свидетельство истины в самом опыте. Ибо кому угодно, пусть придет и рассмотрит ясные черты добродетели в Христовых девах и юношах, в чистоте соблюдающих целомудрие, а также – веру в бессмертие в толиком сонме Христовых мучеников. А кто сказанное пред этим хочет изведать собственным опытом, тот пусть придет, и против демонского мечтания, против прелести прорицаний, против чудес волшебства употребит знамение осмеиваемого ими Креста, и произнесет только имя Христово; тогда увидит, как демоны обращаются им в бегство, прорицания прекращаются, всякое волшебство и обаяние уничтожается.

Итак, кто же и какой силой облечен – сей Христос, Который Своим именем и присутствием повсюду затмил всё и упразднил. Один превозмогает всех и целую вселенную наполнил Своим учением? Пусть дадут на это ответ эллины, которые так много насмеяются и не стыдятся того. Если Он – человек, то как же один человек преодолел силу всех их богов и Своей силой сделал явным то, что они – ничто? Если же назовут Его волхвом, то

возможное ли дело, чтобы волхвом было уничтожено, а не, скорее, поддержано всякое волшебство? Если бы победил нескольких волхвов или превзошел только одного, то вправе были бы они подумать, что превосходством своего искусства превзошел искусство других. Если же над всяким вообще волшебством и над самим именем его одержал победу Крест Христов, то явно, что не волхв был Спаситель, пред Которым, как пред своим Владыкой, обращаются в бегство демоны, призываемые в помощь другими волхвами. Кто же Он? Пусть скажут эллины, которые о том только прилагают старание, чтобы осмеять. Может быть, осмелятся сказать, что был демон, а потому и имел силу? Но утверждающие это весьма достойны осмеяния, и их можно посрамить прежними доводами. Ибо как быть демоном тому, кто изгоняет демонов? Если бы просто изгонял демонов, то можно бы еще подумать, что от князя бесовского получил власть над низшими бесами, как говорили иудеи, ругаясь над Христом. Если же именем Его отражается и изгоняется всякое демонское беснование, то очевидно, что и в этом они обманываются и что Господь наш и Спаситель Христос имел не какую-либо демонскую, как думают они, силу. А если же Спаситель – не просто человек, и не волхв, и не какой-либо демон, упразднил же и затмил Божеством Своим и гадания стихотворцев, и бесовскую прелесть, и эллинскую мудрость, то явно и да будет всеми признано, что истинно Божий Он Сын, Слово, Премудрость и Сила Отчая. Посему-то и дела Его – не дела человеческие, но выше человека, и действительно как по самой видимости, так и по сравнению их с делами человеческими должны быть признаны делами Божиими.

48. Ибо кто из бывших когда-либо людей от единой девы образовал себе тело? Или кто из людей врачевал когда-либо болезни, подобные тем, от которых исцелял общий всем нам Господь? Кто исправлял природные недостатки и слепому от рождения давал зрение? У них Асклипий обоготворен за то, что упражнялся во врачебном искусстве и против телесных страданий придумал травы, не сам производя их из земли, но отыскав с помощью естествознания. Что же это значит в сравнении с делами Спасителя? Не язвы исцелял Он, но как бы вновь рождал и восстанавливал тело. Эллины Гераклу как богу поклонялись за то, что сражался с равными себе людьми и хитростью умерщвлял зверей. Что же значит это в сравнении с тем, что совершено Словом? Оно изгоняло из людей болезни, бесов и саму смерть.

Божеские почести воздают они Дионису за то, что был у людей наставником пьянства, а истинный Спаситель, Господь вселенной, учивший целомудрию, осмеивается ими! Но оставим это. Что скажут они о других чудесах Божества Его? Какой человек умирал, и солнце оттого омрачалось, земля колебалась? Вот доньше умирают люди и прежде умирали; бывало ли же когда при чьей смерти подобное чудо?

Но оставлю дела, совершенные Им в теле, и упомяну о том, что соделано Им по Воскресении тела Его. Когда бывал человек, которого бы учение от края до края земли, одно и то же, превозмогало повсюду, а потому и чествование Его распространялось по всей земле? Или, если Христос, как говорят они, есть человек, а не Бог-Слово, то почему же боги их не воспретят, чтобы чествование Его проникало и в те страны, где им поклоняются? Напротив того, Слово, куда ни приходит, везде учением Своим прекращает служение этим богам и посрамляет их мечтания.

50. Много прежде Него было царей и мучителей на земле; много, по сказанию истории, было мудрецов и волхвов у халдеев, у египтян и у индов. Кто же из них, не говорю – по смерти, но даже при жизни своей мог иметь такую силу, чтобы учением своим наполнить ему всю землю и от идольского суеверия отвратить такое множество людей, какое Спаситель наш привлек от идолов к Себе? Эллинские философы написали многое с убедительностью и искусством в слове, но что же доказали они так, как доказал Крест Христов? Мудрования их до кончины их нравились людям, но и то, чем по-видимому превозмогали они при жизни, составляло между ними предмет спора, и они состязались, ухищряясь друг против друга. Божие же Слово (что всего удивительнее), преподав учение Свое в выражениях бедных, затмило самых мудрых и, всех привлекая к Себе, обратило учения их в ничто, наполнило же церкви Свои. И чудное дело: Господь, прияв смерть, как Человек, обратил в ничто велеречие мудрых об идолах! Чья смерть изгоняла когда-либо демонов? И чьей смерти боялись когда-либо демоны, как смерти Христовой? Где только произносится имя Спасителево, изгоняется там всякий демон. Кто же в такой мере укротил в людях душевные страсти, что и блудники живут целомудренно, и человекоубийцы не владеют более мечом, и прежде боязливые делаются мужественными? И вообще, кто убедил варваров и разные языческие народы отложить свое неистовство и помышлять о мире? Не вера ли

Христова, не крестное ли знамение? Кто же иной уверил так людей в бессмертии, как Крест Христов и Воскресение тела Христова? Всякую ложь соплетали язычники, однако же не могли выдумать воскресения своих идолов; они вовсе и не помышляли даже о возможности телу снова существовать по смерти; и этим особенно иной станет доказывать язычникам, что таким образом мыслей изобличали они немощь своего идолослужения и уступили власть Христу; так что и в этом для всех виден Божий Сын.

51. Кто же из людей по смерти или даже при жизни своей учил девству, а не думал, что добродетель эта невозможна в людях? Спаситель же наш и Царь всех Христос столько силен в учении о девстве, что и дети, не достигшие еще законного совершеннолетия, сверх закона дают обет девства. Кто из людей мог когда-либо обойти столько стран, быть у скифов, у эфиопов, или у персов, или у армян, или у готфов, или у так называемых заокеевских народов, или у живущих далее Гиркании, или вообще ходить и к египтянам, и к халдеям, к народам, преданным волшебству, сверх меры суеврным, свирепым нравами, и везде проповедовать добродетель, целомудрие, восставать против идолослужения? Общий же всех Господь, Божия Сила, Господь наш Иисус Христос, не только проповедовал чрез учеников Своих, но и убедил сердца людей отложить свирепость нравов, не чтить более отеческих богов, познать же Его единого и чрез Него научиться чествовать Отца. В древности эллины и варвары, служа идолам, вели между собой войны и были жестоки к родным. По причине взаимных непримиримых ссор никому вообще невозможно было идти ни сушей, ни морем, не вооружив руки мечом; целую жизнь проводили они вооруженно, и меч служил им опорой вместо жезла и всякой помощи. И хотя служили они идолам, как сказал я, и совершали возлияния демонам, однако же идольское суевверие не могло научить их смирению суровых нравов. Когда же приняли они Христово учение, тогда чудным образом как бы в умиление пришли сердца их, и отложили они кровожадную жестокость, не думают уже о войнах, но всё у них мирно, везде видно расположение к дружелюбию.

52. Кто же произвел всё это? Кто ненавидевших друг друга соединил союзом мира? Кто, как не возлюбленный Отчий Сын, общий всех Спаситель, Иисус Христос, Который по любви Своей совершил всё для нашего спасения? Еще издревле предречено

было о восстановлении Им мира, когда Писание говорит: *раскуют мечи своя на орала, и копия своя на серпы, и не возмет язык на язык меча, и не навьикнут ктому ратоватися* (Ис. 2, 4). И в этом нет ничего невероятного: даже и ныне варвары по врожденной грубости нравов пока приносят еще жертвы своим идолам, неистовствуют друг против друга и ни часа не могут пробыть без оружия; но как скоро слышат Христово учение, тотчас, оставив войны, обращаются к земледелию и руки свои не мечом уже вооружают, но простирают на молитву и, вообще, не друг с другом воюют, но вооружаются на диавола и демонов, поборая их целомудрием и душевной доблестью.

Всё же это как служит признаком Божества Спасителя (ибо чему люди не могли научиться у идолов, тому научились они у Спасителя), так немаловажное заключает в себе обличение бессилия и ничтожества демонов и идолов. Ибо демоны, зная бессилие свое, в древности возбуждали людей к междоусобицам для того именно, чтобы по прекращении взаимной вражды не обратились они к борьбе с демонами. И действительно, ученики Христовы, не ведя войн между собой, и нравами, и добродетельной жизнью ополчаются против демонов, и преследуют их, и посмеваются над вождем их диаволом, потому что в юности они целомудренны, в искушениях воздержны, в трудах терпеливы, – оскорбляемые, охотно переносят обиды, лишаемые, небрегут о сем, и, что всего удивительнее, пренебрегают смертью, и делаются Христовыми мучениками.

53. И еще скажу об одном весьма чудном признаке Божества Спасителя. Какой вообще человек, волхв ли, мучитель ли, царь ли, мог когда-либо сам собой вступить в борьбу с таким числом противников, и, – когда все виды идолослужения, всё демонское воинство, вся чародейная наука, вся эллинская мудрость были во всей еще силе, процветали и всех приводили собой в изумление, – всему этому противостать, и всё это низложить одним ударом, как совершил сие Господь наш, истинное Божие Слово? Он, избличая невидимо заблуждение каждого, один у всех врагов исхитил всех людей; и поклонявшиеся идолам попирают уже их, дивившиеся волшебствам сожигают чародейные книги, мудрецы предпочитают всему истолкование Евангелия и, кому кланялись, тех оставляют, а над Кем посмевались как над распятым, Тому поклоняются, исповедуя Его Христом Богом; именовавшиеся у них богами изгоняются крестным

знамением, распятый же Спаситель в целой вселенной именуется Богом и Божиим Сыном; боги, которым поклонялись эллины, осуждаются ими как скверные, приявшие же Христово учение – по жизни целомудреннее тех богов. Ежели всё это и подобное этому есть дело человеческое, то пусть кто хочет доказывает и убеждает, что то же было и прежде. Если же всё это не человеческим, но Божиим оказывается делом и действительно есть дело Божие, то для чего столько нечествуют неверующие, не признавая соделавшего это Владыку? Они в таком же заблуждении, как и человек, который из дел творения не познаёт Зиждителя их Бога. Ибо если бы познали Божество Его по тем силам, какие явлены Им во вселенной, то уразумели бы, что и телесные дела Христовы суть не человеческие, но свойственные только Спасителю всех – Божию Слову. Уразумев же это, как сказал Павел, *не быша Господа славы распяли* (1 Кор. 2, 8).

54. Как желающий узреть Бога, по самому естеству невидимого и вовсе не подлежащего зрению, познаёт и постигает Его из дел, так и тот, кто не усматривает умом своим Христа, пусть уразумевает Его из дел телесных и пусть исследует, человеческие ли или Божии это дела. И если человеческие, то пусть смеется, а если не человеческие, но божеские, то пусть признает это и не смеется уже над тем, что не должно быть осмеиваемо, но лучше – подивится, что посредством уничиженного явлено нам Божественное, чрез смерть распростерлось на всех бессмертие и чрез вочеловечение Слова дознаны и промыслены о всех, и Содетель и Зиждитель оного – Само Божие Слово. Оно вочеловечилось, чтобы мы обожились; Оно явило Себя телесно, чтобы мы приобрели себе понятие о невидимом Отце; Оно претерпело поругание от людей, чтобы мы наследовали бессмертие. Само Оно ни в чем не понесло ущерба, потому что бесстрастно, нетленно, есть источное Слово и Бог; страждущих же человеков, ради которых и претерпело это, соблюло и спасло Своим бесстрашием. И вообще, заслуги Спасителя, совершенные чрез вочеловечение Его, столь велики и многочисленны, что пожелать изобразить их – значило бы уподобиться человеку, который устремил взор на морскую пучину и хочет перечесть ее волны. Как невозможно объять глазами всех волн, потому что чувству покусившегося на это представляются непрестанно новые и новые волны, – так и намеревающемуся объять умом все заслуги, совершенные Христом в теле, невозможно даже вместить их в помысл, потому что

вновь представляющиеся мыслям его гораздо многочисленнее тех, которые, как думает он, объят уже мыслью. Посему лучше не отваживаться говорить о всех вообще заслугах Христовых, когда и части их изобразить невозможно, но упомянуть еще об одной и предоставить тебе самому удивляться всем в совокупности, потому что все они равно удивительны, и куда бы ни обратил кто взор, повсюду его в изумление приводит Божество Слова.

55. Итак, после сказанного достойно твоего изучения и должно быть положено тобой в основание всему говоренному и возбудить особенное в тебе удивление, что с пришествием Спасителя идолослужение уже не возрастало и остающееся доселе умалывается и постепенно прекращается; также и эллинская мудрость не оказывает уже успехов, но и оставшаяся доселе наконец исчезает; демоны не обольщают уже мечтаниями, прорицаниями, волшебствами, но едва только отваживаются и покушаются на это, как бывают посрамлены знамением Креста. Короче же сказать, обрати внимание на то, что Спасителево учение повсюду растет, всякое же идолослужение и всё, противоборствующее вере Христовой, ежедневно умалывается, ослабевает и падает; и вникнув в это, поклонись общему всех Спасителю, всемогущему Божию Слову, и осуди то, что Им умалено и обращается в ничто. Как с явлением солнца тьма не имеет уже силы, но, если и оставалась еще где, изгоняется повсюду, так по Божественном явлении Божия Слова не имеет уже силы идольская тьма, но все части вселенной озаряются повсюду Его учением. Если царь не показывается в какой-либо области, но безвыходно остается у себя в доме, то нередко бывает, что люди мятежные, употребив во зло затворничество царя, присваивают себе его имя; и каждый, приняв на себя вид царя, обольщает простодушных, а люди вводятся в обман именем, слыша, что царь есть, между тем как они не видят его по совершенной невозможности войти к нему в дом. Но когда придет и покажет себя настоящий царь, тогда мятежники, обольщавшие народ, обличаются его появлением; люди же, видя настоящего царя, оставляют тех, которые обманывали их прежде. Так и демоны в древности вводили людей в заблуждение, себе присвоив божескую честь; но как скоро Божие Слово явилось во плоти и открыло нам Отца Своего, демонская прелесть уничтожается и прекращается; люди же, взирая на истинное Отчее Слово и Бога, оставляют идолов и признают уже истинного Бога. А это служит признаком, что Христос

есть Божие Слово и Божия Сила. Поелику человеческое прекращается, пребывает же глагол Христов, то явно для всех, что прекращающееся – временно, а пребывающий есть Бог и Сын Божий, истинное единое Слово.

56. Это должен был я предложить тебе, христолюбец, вкратце, сколько нужно для первоначального изображения и начертания Христовой веры и Божественного Христова к нам пришествия. Если же это послужит для тебя поводом самому читать Писания и вникнуть в настоящий их смысл, то из сказанного в Писаниях узнаешь более полные и ясные подробности того, что сказано мной, потому что Писания изглаголены и написаны Богом чрез мужей богомудрых, а я сообщил твоему любоведению, чему научился у богодухновенных учителей, читавших эти Писания и соделававшихся свидетелями Божества Христова.

Из этих же Писаний узнаешь и о Втором Христовом славно и воистину Божественном к нам паки Пришествии, когда Христос придет уже не в уничижении, но во славе Своей; не в смирении, но в свойственном Ему величии; придет не пострадать, но воздать наконец всем плод Креста Своего, то есть Воскресение и нетление. И уже не судится Он, но Сам судит всех, *яже кийждо с телом содела, или блага, или зла* (2 Кор. 5, 10), в то Свое пришествие, в которое добрым уготовано Царство Небесное, а делавшим худое – огонь вечный и тьма кромешная. Ибо так говорит Сам Господь: *глаголю вам: отселе узрите Сына Человеческого сидяща одесную силы, и грядуща на облацех небесных* (Мф. 26, 64) во славе Отчей. Посему-то спасительное слово приуготовляет нас к дню сему и говорит: *будите готови* (Мф. 24, 44); и: *бдите, яко не весте, в кий час придет* (42). Ибо, по слову блаженного Павла, *всем явится нам подобает пред судом Христовым, да примет кийждо, яже с телом содела, или блага, или зла* (2 Кор. 5, 10).

57. Но для исследования и истинного уразумения сказанного в Писании потребны хорошая жизнь, чистая душа и хриstopодражательная добродетель, чтобы ум, преуспев в этом, был в состоянии достигать желаемого и приобретать оное, в какой только мере естеству человеческому возможно познание о Божиим Слове. Ибо без чистого ума и без подражания жизни святых никто не возможет уразумевать слова святых. Кто пожелает видеть солнечный свет, тот, без сомнения, протрет и ясным сде-

лает глаз свой, доведя себя почти до одинаковой чистоты с тем, что желает видеть, чтобы таким образом глаз сам стал светом и увидел солнечный свет. Или, кто пожелает осмотреть город или страну, тот, без сомнения, для осмотра сего отправится на само место. Так и желающему постигнуть мысль богословов должно предпочистить и убелить душу жизнью и уподоблением в делах святым приблизиться к ним, чтобы, ведя одинаковый с ними образ жизни, уразумевать и откровенное им Богом и, наконец, как бы соединившись с ними, избежать греховных опасностей и огня за грехи в день Суда, воспрять же блага, предназначенные святым в Небесном Царстве: *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог* живущим добродетельно и любящим Бога и Отца (1 Кор. 2, 9) о Христе Иисусе Господе нашем. Им и с Ним Самому Отцу совокупно с Сыном в Духе Святом честь, держава и слава во веки веков! Аминь.

1) По учению Зенона и стоиков, как Бог называется *семененосным словом*, так и начала всех сотворенных вещей, вложенные в них Богом, именуются *семененосными же словами*.

2) Амиант.

Слово на слова: «вся Мне предана суть
Отцом моим: и никтоже знает, кто есть
Сын, токмо Отец: и кто есть Отец, токмо
Сын, и емуже аще волит Сын открыть»
(Мф XI, 27)

И сего не уразумев, держащиеся Ариевой ереси Евсевий и сообщники его, нечестиво говорят о Господе: «Если *вся предана* (и под словом *вся* разумеют они господство над тварию), то было, когда не имел сего. Если б не имел, то Он не от Отца, потому что, если бы от Отца был, то, как Сущий от Него, всегда имел бы сие, и не было бы Ему нужды принимать это». Но этими-то словами изобличается наиболее их неразумие: потому что изречение сие означает не начальство над тварью или господство над вещами сотворенными, но имеет в виду дать некоторое понятие о домо-строительстве.

Если тогда *предана* Ему *вся*, когда сказал сие, то явно, что, прежде приятия Им всего, тварь не имела в себе Слова. Как же сказано: *всяческая в Нем состоится* (Кол 1, 17)? Если же вместе с тем, как произошла тварь, *вся* она предана Ему, то не было нужды предавать, потому что *вся Тем быша* (Ин I, 3), и излишне было бы предавать Господу то, чему Сам Он — Создатель. Он был Господь сотворенного по тому самому, что сотворил сие. Но если уже по сотворении *вся предана* Ему, то вникни в несообразность. Ибо если *предана*, и по принятии Им Отец устранился, то подвергаемся опасности впасть с иными в баснословие, будто бы Отец, предав Сыну, Сам отступился от мира. Или если, когда содержит все Сын, содержит также и Отец, то надлежало бы сказать не *предана*, но — Отец принял в общение, как Павел Силуана. А в этом еще более несообразности. Бог ни в ком не имеет нужды, и не по необходимости принял в помощь Сына, но, будучи Отцом Сыну, чрез Него все творит, и не предает Ему твари, но чрез Него и в Нем промышляет о твари, так-то и воробей не падет на землю без воли Отца, и трава не оденется без Бога. Впрочем, тогда как делает Отец, и Сын делает доселе (Ин V, 17).

Итак, суетно мудрование нечестивых. Приведенное изречение не то значит, что они думают; указывает же на Господне во плоти

домостроительство. Когда человек согрешил и пал, а с падением его все пришло в смятение, усилилась смерть от Адама даже до Моисея (Рим V, 14), земля подверглась проклятию, отверзся ад, заключился рай, раздражилось небо, человек в конце развратился и уподобился скотам, диавол же поругался над нами; тогда Бог, Который человеколюбив и не хочет, чтобы погиб созданный по образу Его человек, изрек: *кого пошлю, и кто пойдет?* Все безмолствовали, и Сын сказал: *се Аз, посли Мя.* Тогда-то, конечно, Отец, сказав Ему: *иди* (Ис VI, 8—9) предал Ему человека, чтобы Само Слово стало плотью, и, приняв на Себя плоть, во всем обновило его. Ибо Слово предан человек, как Врачу, чтобы уврачевать от угрызания змия; как жизни, чтобы воскресить мертвого; как Свету, чтобы озарить тьму; и сущему слову, чтобы обновить словесную тварь. Посему, как скоро *вся предана* слову, и Оно стало человеком, — тотчас все обновлено и усовершено: земля вместо проклятия приемлет благословение, рай отверзт разбойнику, ад ужаснулся, гробы отверзлись, когда мертвецы воскрешены, взялись врата небесные, *да внидет грядущий от Едома* (Пс XXIII, 9). Сам Спаситель, чтобы показать, каким именно образом *вся предана* Ему, как говорит Матфей, немедленно присовокупил: *приидите ко Мне, вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф XI, 28). Мне вы преданы, да упокою утружденных и оживотворю умерщвленных. Согласно с сим и читаемое у Иоанна: *Отец любит Сына и вся даде в руце Его* (Ин III, 35). Дал для того, чтобы, как все Им сотворено, так все о Нем же могло и обновиться. Ибо не для того, чтобы из бедного стал Он богатым, предается Ему, не для того, чтобы, не имея власти, приять власть, приемлет Он все — да не будет сего! — а напротив, чтобы Ему, как Спасителю, все обновить: ибо прилично было как в начале создания Им, так и при исправлении, о Нем же прийти сему в бытие, с тою разностью в речениях, что в начале Им пришло в бытие, а впоследствии — когда все пало. Слово стало плотью и облеклось в плоть, — в Нем все обновилось, ибо, Само страдая, нас упокоило; Само алча, нас наплатало, и, нисходя в ад, нас возвело из ада. Тогда, при сотворении всего, было повеление прийти в бытие, например *да произведет, да будет* (Быт I, 3. 20); при исправлении же прилично было, чтобы Ему было предано, да Само Слово сделается человеком, и все в Нем обновится. Ибо оживотворился сущий о Нем человек. Для того Слово и соединилось с человеком, чтобы клятва не имела более силы над человеком. Для того в 71-м псалме умоляющие Бога о человеческом роде говорят: *Боже, суд Твой цареви даждь* (ст. 1), чтобы смертное наше осуждение, которое

было против нас, предано было Сыну, и Он уже в Себе уничтожил сие осуждение, умерев за нас. Сие разумея, и Сам Он сказал в 87-м псалме: *на мне утвердися ярость Твоя* (8); потому что Сам понес на Себе гнев, который лежал на нас, как говорит и в 137-м псалме: *Господь воздаст за Мя* (8).

Посему так должно понимать сказанное: *вся предана* Спасителю; и в этом смысле, можно сказать, предается Ему то, чего не имел. Ибо прежде сего не был Он человеком; стал же человеком, чтобы спасти человека. В начале не было плотью Слово, но впоследствии стало плотью, и ею, по слову апостола, примирило вражду с нами, и закон заповедей учеными упразднило, да оба созиждет во единого новаго человека, творя мир, и примирит обоих во едином теле Отцу (Еф II, 15—16).

Что имеет Отец, то принадлежит и Сыну, как говорится у Иоанна: *вся, елика имать Отец, Моя суть* (Ин XVI, 15); и весьма выразительны слова сии. Ибо когда сделался тем, чем не был, тогда все предается Ему. А когда хочет указывать на Свое единство с Отцом, тогда не скрывает и учит, говоря: *вся, елика имать Отец, Моя суть*. И подивиться должно точности слова. Не сказал: *вся елика имать Отец*, дал Мне, чтобы не заключили, будто бы не имел когда-то сего, но говорит: *Моя суть*, ибо сие, состоя во власти Отца, также и во власти Сына.

Но нужно еще исследовать: что *имать Отец*? Если означается сим тварь, то прежде твари ничего не имел Отец, и что имеет, оказывается заимствующим сие у твари. Да не подумаем сего! Ибо как Сам Он — прежде твари, так прежде же твари имеет все, что ни имеет, и сие, как веруем, принадлежит и Сыну. Ибо если Сын в Отце (Ин XIV, 10), то все, что имеет Отец, принадлежит и Сыну.

Но сим изречением низлагается лукавство неправомыслящих, которые говорят: «Если все предается Сыну, то Отец прекращает власть Свою над тем, что предано Сыну, потому что вместо Себя поставляет Сына: *Отец бо не судит никомуже, но суд весь даде Сынови* (Ин V, 22)». Но да заградятся уста глаголющих *неправедная* (Пс LXII, 12)! Ибо Сам Отец не лишился владычества потому, что суд весь дал Сыну. И если сказано, что Отцом предано все Сыну, то посему не перестает Сам быть над всем.

Поскольку же явным образом отделяют от Отца Единородного Божия, неотдельного по естеству, хотя сии злочестивцы в безумии своем стараются отделить Его на словах, не разумея, что свет никак не отделим от солнца, но естественно в нем пребывает, — то (хотя и дерзко входить в исследование о недомыслимом естестве),

воспользовавшись скудным подобием, заимствованным от того, что обыкновенно и у нас под руками, должно нам объяснить мысленное словом. Посему как имеющему здравый ум невозможно представить, что солнечный свет, озаряющий вселенную, сияет без солнца, потому что солнечный свет соединен с естеством солнца; и если бы свет сказал: «От солнца заимствую то, что все озаряю, что все растет и укрепляется моею теплотою», — то ни один безумец не подумает именованье солнца отделять от естества, которое от него происходит и которое есть свет: так, благочестиво думать, что божественная сущность Слова соединена по естеству с Отцом Своим. Ибо рассматриваемое нами изречение представляет самое ясное истолкование искомого, так как Спаситель сказал: *вся, елика имать Отец, Моя суть*. Сие означает, что всегда пребывает Он с Отцом. Ибо слова: *елика имать* дают разуметь, что Отец имеет владычество; а слова *Моя суть* показывают нераздельное единение. Посему необходимо должны мы представлять, что в Отце есть нескончаемость бытия, вечность, бессмертие, и сие пребывает в Нем не как что-либо Ему чуждое, но, как в источнике, покоится в Нем и в Сыне. И когда хочешь представить что о Сыне, тогда познай прежде, что есть в Отце, и потом веруй, что то же самое есть и в Сыне. Если Отец есть тварь, или произведение, то и Сын — то же. И если позволительно сказать об Отце, что было, когда Он не был, или что Он — из не сущего, — то пусть будет это сказано о Сыне. Но если нечестиво утверждать, что есть это в Отце, то да будет нечестиво представлять сие и в Сыне. Ибо что принадлежит Отцу, то принадлежит и Сыну: кто чтит Сына, тот чтит пославшего Его Отца (Ин V, 23); кто приемлет Сына, тот с Ним приемлет и Отца (Ин XIII, 20); кто видел Сына, тот видел и Отца (Ин XIV, 9). Поэтому как Отец — не тварь, так не тварь и Сын, и как невозможно сказать об Отце, что было, когда Он не был, или что Он — из не сущего, так неприлично говорить сие о Сыне. Напротив же, как в Отце — нескончаемость бытия, бессмертие, вечность, несозданность, так точно следует думать нам и о Сыне, по написанному: *якоже Отец имать живот в Себе, тако даде и Сынови живот имети в Себе* (Ин V, 26). Сказано же даде, чтобы указать на дающего Отца; но как в Отце, так и в Сыне есть жизнь; из чего заключаю о нераздельности и вечности бытия. И посему-то с такою точностью Спаситель сказал: *елика имать Отец*, чтобы и здесь, говоря об Отце, не быть признанным за Самого Отца, не сказал Он: «Я — Отец»; но: *елика имать Отец*.

И Единородный Отчий Сын от Отца именуется Отцом же, впрочем, не в том смысле, в каком, может быть, приняли бы вы, заблуждающиеся ариане; напротив, Он — Сын родившего Его Отца, Отец же будущего века. Ибо должно отнять у вас все ваши предположения. У пророка сказано: *родися нам Сын, и дадеся нам, Егоже началство бысть на раме Его: и порицается имя Его велика, совета Ангел, Бог крепкий, Властитель, Отец будущего века* (Ис IX, 6). Итак, Единородный есть и Отец будущего века, и Сын Божий есть Бог крепкий и Властитель, и ясно доказано, что *вся елика имать Отец*, суть и у Сына, и, как Отец дает жизнь, так и Сыну равно возможно живить, *ихже хочет* (Ин V, 21). Ибо сказано: *мертвии услышат глас Сына Божия и оживут* (Ин V, 25). Одна воля, одно хотение у Отца и Сына, потому что и естество у их одно и нераздельно.

Напрасно утруждают себя ариане, не понимая сказанного Спасителем нашим: *вся, елика имать Отец, Моя суть*. Сими словами и Савелиево низлагается заблуждение, и обличается неразумие нынешних иудеев. Ибо, по разуму сих слов, Единородный имеет жизнь в Себе, как имеет Отец, и Он один знает, кто есть Отец, потому что в Отце пребывает и Отца имеет в Себе, Он есть Отчий образ; следовательно, в Нем, как в образе, есть все то, что принадлежит Отцу. Он есть равнообразная печать, показывающая в Себе Отца; Он — живое, истинное слово, сила, премудрость, освящение и избавление наше. *О Нем бо живем и движемся и есмы* (Деян XVII, 28), *и никтоже знает, кто есть Отец, токмо Сын, и кто есть Сын, токмо Отец*. Как же нечестивые осмеливаются суесловить о том, о чем непозволительно умствовать, когда они — люди, и не в состоянии объяснить и того, что на земле? И что говорю о том, что на земле? Пусть скажут нам о себе самих, если в состоянии будут исследовать собственную свою природу подлинно дерзкие и самонадеянные эти люди, не трепещущие славы, *в нюже желают приникнути* Ангелы (1 Пет I, 12), которые столько выше нас и природою и чином. Ибо что ближе к Богу херувимов и серафимов? Но и они не только не смеют взирать, или предстоять в прямом положении, но даже не с обнаженными, но как бы с прикровенными лицами, произносят славословие, немолчными устами в трисвятой песни прославляя не иное что, а только Божие неизреченное естество. И никто из богомудрых пророков, особенно сподобившихся сего ведения, не возвещал нам, что, произнося первое *свят*, серафимы восклицают громким голосом, а второе произносят тише, а третье же еще слабее, и потому собственно величают только первую Святыню, вторую же подчиняют

ей и третью поставляют еще ниже. Да не приближается к нам сие безумие богомерзких и безрассудных еретиков! Всепетая, досточтимая и достопокланяемая Троица есть единая, нераздельная и неопиcуемая. Сочетается же неслитно, и как Единица, делится несекомо. Почему досточтимые сии живые существа троекратным возношением славословия, взывая: *свят, свят, свят*, показывают три совершенные ипостаси, а единым произношением слова: *Господь* выражают единую сущность.

Посему умяляющие Единородного Сына Божия хулят Бога, имея ложное понятие о совершенстве, и, несправедливо называя Его несовершенным, делают себя достойными самого жестокого наказания, потому что произносящие хулу на одну из Божественных ипостасей не получают отпущения грехов ни в этом веке, ни в будущем. Но Бог — силен отверзть сердечные очи их к познанию Солнца правды, да, познав Того, Кого прежде отвергали, вместе с нами и они прославят Его неослабно благочестивым разумом; потому что Его есть Царство — Отца и Сына и Святого Духа, ныне и вовеки. Аминь.

Г.В. Флоровский
Св. Афанасий Александрийский¹

Житие

Святой Афанасий родился в Александрии в греческой христианской семье в последние годы III-го века, вероятно, в 293 г. В юности он был свидетелем Диоклетианова гонения. На изучение светских наук, на общее образование он, по выражению св. Григория Богослова, употребил «не много времени». Однако он был достаточно знаком с античной философией и, прежде всего, с неоплатонизмом. Главное внимание он обратил на изучение Св. Писания, которое знал до тонкости. Может быть, он изучал его в Александрийской дидактике. Рано он был замечен св. Александром Александрийским: жил в его доме, под его руководством получил воспитание у грамматиков и риторов, незадолго до начала арианских смут был рукоположен во диаконы и сделался секретарем епископа. Он сопровождал св. Александра в Никею и здесь «с дерзновением восстал против нечестия ариан». Вскоре после Собора св. Александр скончался, по-видимому, предуказав на Афанасия как на своего преемника. И «всё множество жителей, все, принадлежащие к кафолической Церкви, собравшиеся вместе и единодушно, как бы в одном теле, вопияли, зывали, требуя во епископы Церкви Афанасия, и всенародно молили о сем Христа в продолжение многих дней и многих ночей»... (Свидетельство Александрийского Собора 339 г.) 8-го июля 326 г. многочисленными епископами св. Афанасий был посвящен во епископа Александрийского.

Всё епископское служение св. Афанасия проходило среди гонений и преследований. Из 47 лет своего епископства 15 с лишком он провел в изгнании и ссылке. Ариане и мелитиане встретили его избрание враждой и клеветой. Евсевияне видели в нем главную помеху своим соглашательским стремлениям. На соборе в Тире 335 г. св. Афанасий опроверг все возводимые на него обвинения. Но его противники сумели изобразить его перед Константином как виновника и причину смут, и император приказал ему удалиться из Египта на Запад, в Трир. Однако Александрийскую кафедру замещать он запретил. В Трире св.

Афанасий был принят с честью и любовью. За недолгое пребывание свое здесь он оказал сильное влияние на церковные круги, и его имя надолго сохранилось здесь в благоговейной памяти. После смерти Константина в 337 г. св. Афанасий в числе прочих изгнанников получил разрешение вернуться на свою кафедру и был встречен здесь ликованием народа. Но сразу же возобновились и враждебные происки. Евсевиане обвинили его в незаконном возвращении на кафедру без соборной отмены низложения на Тирском соборе. На его место был прислан арианский пресвитер Пист, рукоположенный во епископа арианом Секундом Птолемаидским, но он был предан анафеме египетским епископатом. Несмотря на единодушную защиту св. Афанасия Александрийским Собором 339 года, на Антиохийском соборе 340 г. он был низложен, и на Александрийскую кафедру был возведен Григорий Каппадокиец. Он ворвался в Александрию с вооруженной силой и с кровопролитием захватывал храмы. Св. Афанасий счел полезным удалиться из Египта и отправился в Рим, где на местном Соборе был оправдан от взведенных на него клевет и принят в общение. Папа Юлий выступил на его защиту. В Риме вокруг Афанасия собирались ревнители иноческих подвигов, привлеченные славою египетских пустынных подвижников. В 343 г. св. Афанасий был на Соборе в Серди́ке. В 345 г. Констанций пригласил его вернуться в Египет, и в 346 г. он вернулся в Александрию. В середине 50-ых годов возобновились арианские смуты. Под давлением императора Афанасий снова был низложен на соборах в Арле (353 г.) и Милане (355 г.). В начале 356 г. в Александрию был прислан военачальник Сириан с приказанием схватить св. Афанасия, но он скрылся и удалился в пустыню. Александрийскую кафедру захватил новый епископ – Георгий, и православные подверглись неистовому гонению. На время Александрия становится арианским центром: здесь начинают свою проповедь Аэций и Евномий. Св. Афанасий в это время укрывался в пустыне среди отшельников и в полном уединении. В это время он пишет и рассылает свои главные обличительные и защитительные сочинения. Афанасия всё время искали, но напрасно. Из этой вольной ссылки он смог вернуться только при Юлиане в 361 г., но снова ненадолго. Впрочем, за несколько месяцев своего пребывания в Александрии он успел собрать и провести большой Собор, знаменитый своими определениями (362 г.). В конце 362 г. он снова был изгнан, удалился в верхний Египет и должен был пробыть там до

смерти Юлиана. После предварительного свидания с новым императором Иовианом в Антиохии св. Афанасий прибыл в Александрию в 364 г. Еще раз ему пришлось удалиться отсюда в 365 г. в силу указа Валента о ссылке всех, кто был сослан при Констанции и вернулся при Юлиане. По настоянию народа это приказание было отменено через 4 месяца. Остаток дней своих св. Афанасий провел в Александрии в литературных и пастырских трудах. Он почил 3 мая 373 г., незадолго до своей кончины рукоположив своего преемника – епископа Петра.

Догмат искупления

В своем богословском исповедании св. Афанасий исходил из созерцания исторического лика Христа, Богочеловека и Спасителя, и тринитарный вопрос о рождении и единосущии Сына Божия для него есть прежде всего христологический и сотериологический вопрос – не вопрос умозрения, но вопрос живого религиозного опыта. Действительность свершившегося спасения свидетельствует для св. Афанасия о Божественности и «единосущии» воплотившегося Слова, ибо только воплощение Единородного может быть спасительным. Смысл спасения он видит в том, что тварное человеческое естество соединилось (или, вернее, воссоединилось) с Богом. И это возможно только тогда, если воплотился и стал Человеком Бог. Спасение есть «*обожение*». В этом отношении у св. Афанасия оживает малоазийская традиция (учение св. Иринея).

Св. Афанасий исходит из резкого и решительного противопоставления Бога и твари: «Всё, что ни сотворено, нисколько не подобно по сущности своему Творцу», ибо тварное возникло из не сущих и не может иметь сходства с самосущим бытием. Созданная из ничего, тварь и существует над бездною ничтожества, готовая в нее низвергнуться. Тварь произошла и возникла, и потому есть «естество текучее и распадающееся»; в самой себе она не имеет опоры и устоев для существования. Только Богу принадлежит подлинное бытие, и Бог есть, прежде всего, Бытие и Сущий, – ибо Он не произошел и безначален. Однако тварь существует и в своем возникновении получила не только бытие, но и благобытие – твердую устойчивость и стройность. Это возможно чрез *причастие* пребывающему в мире Слову. И тварь,

озаряемая владычеством, промышленiem и благоустроением Слова, может твердо стоять в бытии, как «причастная подлинно сущего от Отца Слова»... Источное Слово Бога всяческих, как Божия сила и Божия Премудрость, есть настоятель, и строитель, и хранитель мира. По неисследимой благодати Своей Бог не попускает твари «увлекаться и обуреваться собственным своим естеством», но Собственное и единственное Слово Отчее нисходит во вселенную, и распространяет здесь силы Свои, и всё озаряет, видимое и невидимое, и всё в Себе содержит и скрепляет, всё животворит и сохраняет: каждую отдельную вещь и всё в целом. В Слове начало и источник миропорядка и мирового единства. В мире всюду открывается порядок и соразмерность, всестройное сочетание и согласие вещей противоположных. В этом единстве и стройности мира открывается Бог: «Никто не смеет сказать, будто Бог во вред нам употребил невидимость естества Своего и оставил Себя совершенно непознаваемым для людей. Напротив того, Он привел тварь в такое устройство, что, будучи невидим по естеству, Он доступен познанию из дел». Бог откровения есть Слово. «Ибо Слово, распростершись всюду: и горе, и долу, и в глубину, и в широту, – горе – в творении, долу – в вочеловечении, в глубину – во аде, в широту – в мире, – всё наполнило ведением о Боге». В мире на всей твари и на каждой в отдельности «положены некий отпечаток и подобие Божественной Премудрости и Слова, – и это сохраняет мир от тления и распада. Эти мысли св. Афанасия напоминают учение Плотина о мироустроющем запечатлении материи Умом, но между ними резкое различие. По мысли Плотина, Ум запечатлевает бескачественную материю и пребывает в ней. Для св. Афанасия само возникновение и существование твари основано на присутствии в ней Слова. И он резко отвергает стоическое представление о семенных словах: начало мирового строя есть Отчее Слово. Возникновение мира и запечатление его Словом не разделяются для него во времени. Он хочет подчеркнуть двойственность твари: есть в ней собственная текущая и созданная природа и на ней сохраняющий ее отпечаток Слова, чрез который только она и есть: «природа» и «благодать». На различении и противопоставлении этих двух «элементов» зиждется вся дальнейшая система св. Афанасия. Учение о Слове как Премудрости, миродержавной и творческой, развито им еще до арианских споров. В этом учении он продолжает доникейскую традицию, но совершенно свободен от всякого космологического

субординатизма. «Сопребывая со Отцем как Премудрость и взирая на Него как Слово», Сын Божий «созидает, приводит в бытие, и благоустроляет вселенную, и как Сила Отчая поддерживаает в бытии всю совокупность твари... Как благое Рождение от Благого и как Сын истинный, Он есть Отчая Сила, и Премудрость, и Слово, – и не по причастию, точно всё сие дано Ему извне, как дается Его причастникам... Но так, что Он есть Самопремудрость, Самослово, Собственная Самосила Отца, Самосвет, Самоистина, Самоправда, Самодобродетель, Отпечаток, Сияние, Образ, – короче сказать: всесовершенный плод Отца, Сын Единственный, неизменяемый образ Отчий»... И значит, в Сыне адекватно познается Отец... Впоследствии в разгар арианских споров св. Афанасий повторил и развил свое учение о Слове. При этом еще теснее связал творческое действие Слова и Его искупительное дело (воплощение): и то, и другое он объединил в понятие – вход Слова во вселенную. По отношению к твари Слово в Писании именуется Первородным, – «как потому, что Слово, в начале созидая тварь, снизошло к созданным, чтобы могли прийти они в бытие... так и потому еще, что по снисхождению усыновляется Словом всякая тварь»... Прежде времен вечных положен в основание Сын – в начало путей...

В соответствии с общим своим учением о двойственности всякого тварного бытия в творении человека св. Афанасий различает два (логических, но не хронологических) момента: творение (природы человеческой) из ничего и – запечатление, помазание ее образом Божиим, как бы «рождение», или усыновление: чрез Сына в Духе. По благодати Бог становится Отцом тех, кого сотворил. Тварь усыновляется Отцу чрез причастие Сыну, по естеству оставаясь созданием. Изведенный из небытия человек в самом творении помазуется Духом; «дыхание жизни», которое вдунул Бог в Адама, было не душа, но Дух Святый и животворящий; и, имея Его в себе, первозданный человек был духовен – был «духовным человеком». Чрез «уподобление Себе» Бог соделал его созерцателем и зрителем сущего, приобщил его к блаженству истинной жизни. Но благодать и дар Духа были приданы первому человеку как-то извне, потому и могли быть им утрачены: и были действительно утрачены в грехопадении. В грехопадении человек отвратился от созерцания Бога, уклонился от умного к Нему восхождения, как бы замкнулся в себе, предался «рассматриванию себя». И тогда вспыхнули и разгорелись в нем страсти и пожелания и распалась, раздоби-

лась его жизнь. Люди впали в «самовожделение», душа от мысленного обратилась к телесному и забыла, что сотворена по образу благого Бога; как-то выйдя из себя самой, она «останавливается мыслью на не сущем», воображает его и становится «изобретательницей зла». Ибо зло есть не сущее, не имеет образа для себя в сущем Боге и произведено человеческими примышлениями. Множество столпившихся в душе телесных вожделений заслоняет в ней то зеркало, в котором она могла и должна была видеть Отчий образ. Она не видит уже и не созерцает Бога Слова, по образу Которого сотворена, но носит мыслью по многим вещам и видит только то, что подлежит чувствам. Это – некое опьянение и кружение ума... Преступление заповеди лишило первозданного человека мысленного света, возвратило его в «естественное состояние» и чрез это поработило его «естественному» закону тления. Осуетилась мысль, отравленная чувственным пожеланием. И стало человечество погружаться во мрак язычества.

В грехопадении обеднел человек, расторглась природа и благодать. И понадобилось воссоединение, «обновление» твари, «обновление созданного по Образу», восстановление утраченной благодати Божия Образа. Слову, как Творцу, или Демиургу, «подобало воспринять на Себя и обновление дел». И это совершилось: *Слово плоть бысть...* Воспринято Словом всё человеческое естество, и в этом восприятии, оставаясь подобным нам, оно просветлевает и освобождается от естественных немощей, – «как солома, обложенная каменным льном, который, как сказывают, противодействен огню, уже не боится огня, находя для себя безопасность в нескораемой оболочке»... Обреченное «по природе» на тление человеческое естество было создано и призвано к нетлению. Изначальное причастие «оттенкам» Слова было недостаточно, чтобы предохранить тварь от тления. Если бы за прегрешением не последовало бы тление, то было бы достаточно прощения и покаяния, – ибо «покаяние не выводит из естественного состояния, а прекращает только грехи». Но смерть привилась к телу и возобладала в нем... Конечно, по всемогуществу Своему Бог мог единым повелением изгнать смерть из мира. Но это не исцелило бы человека, уже обыкшего неповиновению. И справедливость Божия не была бы при этом соблюдена. В таком прощении сказалося бы могущество Повелевшего, но человек стал бы только тем, чем был Адам, и благодать была бы подана ему снова извне. Не была бы тогда исключена

случайность нового грехопадения. А чрез Воплощение Слова благодать сообщается человечеству уже непреложно, делается неотъемлемой и постоянно пребывает у людей. Слово облакается в Тело, чтобы переоблечь его в жизнь: чтобы не только предохранить его внешним образом от тления, но еще и приобщить его к жизни. Ныне «облечено Тело в бесплотное Божие Слово и таким образом уже не боится ни смерти, ни тления, потому что оно имеет ризою жизнь и уничтожено в нем тление»... Слово изначала пребывало в мире, как в некоем великом теле, устрояя и оживотворяя его. И было прилично явиться Ему и в человеческом Телѣ, чтобы оживотворить его. На человеке был уже начертан лик Слова, и когда загрязнился он и стал невиден, «подобало восстановить его». Это и совершилось в Воплощении Слова.

Слово стало Человеком, во всем подобным нам. Св. Афанасий обычно говорит о «воплощении», но под «плотию» он всегда разумеет полного человека – одушевленное тело со всеми ему свойственными чувствами и страданиями... В силу соединения со Словом Тело освобождается от своей тленности и немощи, – «по причине бывшего в Телѣ Слова». Животворящая сила Слова освобождала Тело Спасителя от естественных немощей: «Христос алкал по свойству тела, но не истаявал голодом»... Тело было «удобостраждущим», доступным страданиям, но в нем было бесстрастное Слово, – и немощи приражались к Телу по попущению и по воле Слова, а не по необходимости и против воли. Господь попускал сказываться всему свойственному телу: алкать, и плакать, и даже принять смерть. Но смерть Господа была попущением Его смирения и любви, не необходимостью. Он был властен разлучиться с Телом, и оно могло умереть. Однако не могло уже пребыть мертвым, «потому что соделалось храмом жизни»... Поэтому оно сразу же ожило и воскресло – «по силе обитающей в нем Жизни». Тело не связывало Слова, но само освобождалось в Нем от своей ограниченности, – и не только от ограниченности, но и от склонности к греху. Ибо силою неизменяемого Слова само изменяемое человечество во Христе пребыло неизменяемым в добре и все обольщения были над ним бессильны. «Человечество преуспевало Премудростью, постепенно возвышаясь над естеством человеческим, обожаясь, соделываясь и являясь для всех органом Премудрости для деятельности Божества и Его воссияния»... «Дела, свойственные Самому Слову, совершались посредством Тела». И в этом служении делам Бо-

жества обожалась Плоть. Человеческое преуспеяние было во Христе непогрешительным... Человеческое естество во Христе было изобильно помазано Духом уже при Крещении во Иордане. И от Него и мы стали принимать помазание, и печать, и вселение Духа, так как в Нем первом освятилась плоть. Просияние человеческой природы во Христе есть просияние всей человеческой природы в ее Начатке. Таким образом, Слово чрез воплощение снова становится («создается») в начало путей, – потому и именуется Первородным... Господь «стал братом нашим по подобию тела», и Его Плоть «прежде иных спаслась и освободилась»... Как «сотелесники Его», и мы спасаемся, или оживотворяемся, «потому что плоть наша уже как бы не земная, но Самим Божиим Словом приведенная в тождество со Словом, Которое ради нас плоть бысть»... Искупление и спасение совершилось не только в Воплощении. Оно продолжалось во всей земной жизни Господа. Господь двояко явил Свое человеколюбие: уничтожил смерть, обновил естество и – «явил Себя в делах», показал, что Он есть Отчее Слово, Вождь и Царь вселенной. Своим видимым явлением Господь показал людям, отпавшим от мысленного созерцания, невидимого Отца. Исполнением закона Он снял с нас клятву и осуждение закона. Но «тление не могло быть прекращено в людях иначе, как только смертью», и потому собственно в смерти надлежит видеть «последнюю цель» спасительного Воплощения... «Для принятия смерти имел Он Тело, и не прилично было воспретить смерти, чтобы не воспрепятствовать и Воскресению»... Крестная смерть была «приношением сходственного», исполнением общего долга. Но «Тело Господа» не могло быть удержано смертью и – воскресло; «чудным образом в одном и том же совершилось двоякое: и смерть всех приведена была в исполнение в Господнем Теле, и уничтожены в нем смерть и тление ради соприсущего в нем Слова»... Господь умер не по немощи естества, но по воле, ради общего Воскресения, «не Собственною смертью сложил с Себя это Тело, но принял смерть от людей, чтобы и эту смерть, коснувшуюся к Телу Его, истребить совершенно». Тело Господа не видело тления и воскресло всецелым, ибо было Телом самой Жизни. Смерть Господа была действительной смертью, но недолго: «Тело Свое ненадолго оставил Он в таком состоянии, только показал его мертвым от приражения к нему смерти и немедленно воскресил его в третий же день, вознося с Собою и знамение победы над смертью, то есть явленное в Теле нетление

и непричастность страданию». И во Христе воскресло и вознеслось и всё человечество, – «через смерть распространилось на всех бессмертие». Восстал от гроба Господь «в Плоти обоженной и отложившей мертвенность», прославленной до конца, – «и нам принадлежит сия благодать, и наше это превознесение», и вводимся мы уже в небесную область, как сотелесники Христа... Учение св. Афанасия об искуплении есть в целом учение о *Воскресении*, о воскрешении человека Христом и во Христе.

Св. Писание возвещает нам о Спасителе две истины: что Он всегда был Бог, Сын и Слово, и что Он стал Человеком. Отсюда двойственность речений в Писании: славных и уничижительных; последние относятся к человечеству Христову... Слово не просто «восхотело быть в теле» или «явиться» в нем, не только снизошло в человека, но *стало Человеком, соделалось Сыном Человеческим*. У Афанасия встречаются нередко неполные и неточные выражения: облекся или обитал, храм, обитель, орган... Но он резко отличает явление Слова во Христе от явления и пребывания Его во святых. Христос *стал* Человеком. Во Христе видимое Тело было Телом Бога, не человека. Он сделал Тело Своим «Собственным», и немощи плоти стали «Собственными» Слову. Дела Христовы не были раздельны, так чтобы одно совершалось по Божеству, другое – по человечеству, но *«всё совершалось совместно»* и нераздельно... Само плуновение Христа было Божественным (и потому целебным, животворным), ибо всё плотское «усвоило» Себе воплощенное Слово. Не *иной* скорбел о Лазаре, и *иной* воскресил его, – но *Один и Тот же*. И от Девы родился по плоти Бог, и Мария есть Богородица. Не пременилось и не преложилось в иное при этом Слово, и не стала плоть, рожденная от Марии, единосущной Слову... Для того и избирается Мария, чтобы «от Нея» восприял Господь Тело, «подобное нам», а не единосущное Божеству. «От Марии Само Слово прияло плоть, и произошел Человек, по естеству и по сущности сущее Божие Слово, а по плоти от семени Давидова и от Марииной плоти соделавшийся Человек»... В описательных выражениях св. Афанасий ясно раскрывает *единство Христа-Богочеловека и неслиянную двойственность* в Нем единосущного Отцу Божества и подобного и сродственного нам человечества. Именно поэтому и был Он Спасителем, Слово и Второй Адам: *Один и Тот же*.

Слово вочеловечилось, чтобы мы «обожились», «чтобы *обожить нас в Себе*». Обожение есть усыновление Богу, «чтобы сыны

человеческие соделались сынами Божиими». И мы, «восприятые Словом, обожаем *ради Плоти Его*», то есть в силу Его воплощения. Ибо не с одним каким-либо человеком соединилось Слово в рождении от Девы, но с человеческим естеством. И потому всё совершающееся в человечестве Христовом *непосредственно* (но не принудительно) распространяется на всех людей, как «сродников» и «сотелесников Его», в силу не только подобия, но и действительного сопричастия всех людей в человечестве Слова. Ибо Он есть лоза, а мы – ветви, «соединенные с Ним по человечеству». Как ветви *единосущны* с виноградною лозою и от нее происходят, так и мы, имея тела, однородные с Телом Господним, от исполнения Его приемлем; и Тело Его есть для нас «корень Воскресения и спасения». Общее обновление, помазание, исцеление, вознесение уже совершилось во Христе, ибо *все понесены Им на Себе*. Это не простое «сходство» или замещение, но подлинное единство. И потому во Христе всё человечество помазуется Духом на Иордане, умирает на Кресте и совоскресает в нетлении – *в Нем*, «потому что носит Он на Себе *наше тело*»... Но это соучастие и сопричастие человечеству Христову должно еще раскрыться и осуществиться в подвиге людей. Чрез восприятие плоти Словом человеческое естество становится «духоприемным» и действительно принимает Духа, становится «храмом Божиим», храмом живущего в нас Духа Святаго: мы становимся «друзьями Духа»... И в принятии даров Духа мы соединяемся со Христом, – «напоеваемые Духом, пием Христа». Ибо «Дух, как помазание, есть дыхание» Сына, и в Нем «Слово прославляет тварь, обожая и всыновляя, приводит ко Отцу». Духом Святым Слово всё запечатлевает и помазует, в Духе «мы становимся причастниками Божеского естества». Дух есть «энергия» Слова, и потому вселение Слова есть стяжание Духа. Слово восприняло плоть («Бог плотоносец»), и люди принимают Духа, становятся «духоносными». Силою Духа в человеческом естестве перегорает чувственное вожделение, изгоняется из него греховное влечение и сообщается способность «не обольщаться видимым». Дьявол теперь (после Христа) «по Христовой силе, как воробей, служит игралищем для детей». Дана человеку власть над бесами и искушениями, и крестным знамением, как знаком победы, прекращается всякое волшебство и чародейство, и демоны изобличаются, что они мертвы. Но главное и основное – исторгнуто из твари жало смерти. Восприятые Словом, люди «уже наследуют вечную жизнь» и «не остаются

ся уже грешными и мертвыми по своим страстям, но, восстав силою Слова, навсегда пребывают бессмертными и нетленными». Смерть перестала ужасать и быть страшной, ибо дано обетование, что, восстав из мертвых, мы во Христе со-воцаримся на небесах. И сейчас уже доступно преодоление мира в подвиге отречения, помазуемого Духом. Этот путь проходят христианские подвижники, силою Духа побеждающие немощь естества, постигающие тайны и носящие Бога. Их подвиг свидетельствует о победе Христа над смертью: такое множество мучеников ежедневно о Христе преуспевает и посмеивается над смертью... И пусть сомневающийся приступит ко Христу с верою, и тогда увидит он немощь смерти и победу над ней. Ибо Христос в каждого приходящего «вдыхает силу против смерти»... Положен Камень краеугольный, «чтобы и мы могли быть надстраиваемы на Нем, как драгоценные камни». В обожении полагается и основа совершенного союза любви между людьми по образу и примеру Божия единосущия – силою Духа.

Искупление есть завершение и восстановление творения, и потому есть дело Слова. Но в нем дается больше, «большая благодать», чем простое возвращение к первоначальному состоянию, чем простое восстановление утраченного в грехопадении. Ибо Слово плоть бысть... И человек непреложно стал «сожителем Бога». Тление упразднено. Тварь получила окончательную устойчивость чрез «Тело Бога». Создалась новая тварь. И об этом было открыто в Писании в именовании Его «Первороденным» и «началом путей». «Прежде холмов рожденная» Премудрость Божия «создается в начало путей» (Притч. 8; 22, 25). Это – предвечный Совет о творении и искуплении Словом и в Слове, о спасительном вочеловечении Слова как начатка «новой твари», превосходящей «первоначальную тварь». И во Втором Пришествии Христовом исполнится всякое смотрение Божие: Христос придет во славе – «воздать всем плод Креста Своего: Воскресение и нетление»...

К ранним годам жизни св. Афанасия относятся только два сочинения апологетического содержания: «Слово против язычников» и «Слово о воплощении Слова» (вероятно, 317-319 гг.). Они связаны по темам и по содержанию, блж. Иероним соединяет их под общим именем «Два слова против язычников». В первом доказывалась ложь и ничтожество язычества и намечается путь восхождения к истинному познанию Бога и Слова от самонаблюдения и от созерцания внешнего мира в его гармонии

и красоте; в этом рассуждении очень сильны эллинистические, в частности, неоплатонические мотивы (в критике идолопоклонства, в изображении пути падения и возвращения души...). Во втором слове раскрывается истина и смысл воплощения и доказывается доводами от исполнения пророчеств и от нравственного обновления, совершаемого в мире христианском. В заключение св. Афанасий отсылает за подробностями к Писанию, изглаголанному Богом чрез мужей богомудрых и святых, но прибавляет, что «без чистого ума и без подражания жизни святых никто не может уразумевать словеса святых».

Единогласное свидетельство современников усваивает св. Афанасию «Житие прп. Антония, отца монахов». Еще при жизни св. Афанасия оно было переведено по латыни Евагрием, пресвитером и потом епископом Антиохийским: вероятно, в 371 или 382 г., во всяком случае, до 383 г., когда умер юноша Иннокентий, которому посвящен перевод. Возбужденные со времени Магдебургских центуриаторов сомнения в принадлежности жития св. Афанасию не имеют за собой серьезных оснований. Житие писано вскоре после кончины прп. Антония (356), по-видимому, в 356-357 гг., во время «нашествия ариан», принудившего св. Афанасия скрыться из Александрии в отдаленные места пустыни. Написано оно для «чужестранных братьев», ревнителей аскетической жизни из страны, где монашество только стало появляться, – вероятно, для римских почитателей монашеского подвига. В «Житии прп. Антония» св. Афанасий видит «достаточный образ подвижничеству». На зарождавшуюся агиографическую письменность «Житие Антония» оказало сильное влияние – между прочим, на иеронимово житие прп. Павла Фивейского.

1) Печатается по изданию: *Г.В. Флоровский. Восточные Отцы IV-го века. Париж, 1931, с. 26-38.*

СОДЕРЖАНИЕ

Житие преподобного отца нашего Антония, описанное святым Афанасием в послании к инокам, пребывающим в чужих странах.....	3
Слово на язычников.....	55
Слово о воплощении Бога-Слова и о пришествии Его к нам во плоти.....	101
Слово на слова: «вся Мне предана суть Отцом моим: и никтоже знает, кто есть Сын, токмо Отец; и кто есть Отец, токмо Сын, и емуже аще волит Сын открыть» (Мф XI, 27).....	152
<i>Г.В. Флоровский</i> Св. Афанасий Александрийский.....	158

Свт. Афанасию Великому

Тропарь

Столп был еси православия, Божественными догматы подтверждая Церковь, священноначальниче Афанасие: Отцу бо Сына единосущна проповедав, посрамил еси Ария. Отче преподобне, Христа Бога моли даровати нам велию милость.

Кондак

Православия насадив учения, злославия терния иссекал еси, умножив семя веры одождением Духа преподобне: темже тя поем, Афанасие.

Краткая история храма святых бессребреников и чудотворцев Космы и Дамиана на Маросейке

Существующий ныне на Маросейке Космодамианский храм построен в 1793 году, но на этом же месте церковь была и ранее, так что следует различать собственно две церкви: старую и настоящую.

Когда именно и кем была построена старая Космодамианская церковь, точных сведений не имеется. Достоверно только, что церковь эта существовала еще в начале 17-го века. Так, о ней упоминается в книге Патриаршего Казенного Приказа за 1625 год и в «Книге царского жалованья московским церквам». Из тех же свидетельств можно видеть, что старая церковь была каменная, одноэтажная и двухпрестольная: с главным престолом во имя святителя Николая и придельным во имя свв. Бессребреников Космы и Дамиана. Поэтому она и называлась в старину по документам нередко церковью св. Николая, хотя в то же время удерживалось наименование по приделу Космодамианской.

Вначале старая Космодамианская церковь не имела ни паперти, ни колокольни, которые были приделаны только в 1651 году.

В конце 17-го столетия над старой Космодамианской церковью была сделана надстройка второго верхнего яруса княжной Евдокией Андреевной Куракиной, и здесь устроена была новая церковь во имя Казанской иконы Божией Матери, почему Космодамианская церковь иногда называлась еще Казанской. Сначала эта церковь была только ружной (состоящей на содержании) княгини Куракиной, и особые от Космодамианского причта священник и псаломщик содержались на средства Куракиной, но в 1771-1772 гг. она поступила в заведование Космодамианского причта и соединилась с приходской церковью.

Следует заметить, что в это время, т. е. в конце 18 века, Космодамианский храм пришел в полную ветхость; была тяжелая, критическая минута... Но Всеблагий Отец Небесный не оставил его Своею милостью, возбудив к усердию сердца добрых людей. Ревнуя о славе Божией, прихожане пришли к мысли не о ремонте церкви, но о со-

оружении нового храма, и притом с некоторым изменением в устройстве. В июле 1790 года они вошли к Митрополиту Московскому Платону с ходатайством ветхий храм сломать и вместо него соорудить новый во имя Спасителя, Исцелителя расслабленного, с двумя приделами: во имя свт. Николая и свв. бессребреников Космы и Дамиана.

Таким образом, главный престол во имя свт. Николая, бывший в старой церкви, перенесен в новую, в южный придел; верхний ярус с престолом во имя Казанской иконы Божией Матери уничтожен, а главный престол посвящен Спасителю, Исцелителю расслабленного.

Замечательно, что наименование нового храма по приделу Космодамианским по-прежнему удержалось, хотя по главному престолу он иногда и назывался Спасским. Это и есть тот самый храм, который существует ныне. На предмет построения этого храма почти все прихожане сделали более или менее значительные пожертвования, но во главе жертвователей и душой святого дела был подполковник Михаил Родионович Хлебников: на его имя была выдана и храмозданная грамота в январе 1791 года.

В декабре 1793 года новый Космодамианский храм был окончен постройкой в черне, а совсем благоуукрашен был только южный придел во имя свт. Николая, который и освящен был 18 декабря того же 1793 года. С того времени начато было и богослужение в новом храме.

Через 2 года, а именно, 21 октября 1795 года, освящен был северный придел во имя свв. бессребреников Космы и Дамиана, а главный – во имя Спасителя, Исцелителя расслабленного, представлявший единственный в Москве храм с таким наименованием, – освящен был 4 октября 1803 года, так что новый Космодамианский храм, собственно говоря, строился в течение 12 лет.

Новый храм, построенный по плану известного архитектора Казакова, представляет собой замечательно искусное сочетание отдельных частей и линий. Оригинально в этом храме устройство приделов: северного Космодамианского и южного Никольского. Приделы эти помещаются в пространстве, имеющем строго выдержанную форму круга. Вид круга имеют также настоящая церковь и отчасти алтарь ее.

В нашествие на Москву неприятелей в 1812 году Космодамианская церковь подверглась общей с прочими церквями участи, лишившись значительной части своего имущества и украшений, и не скоро оправилась от постигшего ее разорения.

До 1857 года Космодамианская церковь разделена была на 2 половины: зимнюю и летнюю. Не отличаясь по своей конструкции поместительностью, храм этот в зимнее время становился особенно тесным, так как холодный храм во имя Спасителя, Исцелителя расслабленного, запирался на зимнее время, теплый же состоял лишь из трапезной и двух приделов. В 1857 году настоящая холодная церковь сделана теплой, для чего в подвале под церковью была устроена духовая печь.

С того времени и до 1893 года крупных капитальных работ в Космодамианской церкви не было. В 1893 году Космодамианский храм обновлен внутри и снаружи. Это великолепное обновление Космодамианского храма тем более приятно, что совпало со столетним юбилеем со времени построения и освящения Никольского придела, отпразднованным с великой торжественностью 18 декабря 1893 года с совершением крестного хода вокруг церкви при громадном стечении богомольцев.

В летописи Космодамианской церкви записано несколько случаев благодатных исцелений, полученных больными от храмовой иконы Спасителя, Исцелителя расслабленного. Эта икона является особо чтимой святыней уже с самого построения и освящения этого храма, привлекая к себе благочестивых поклонников из разных мест столицы. Особенно это бывает заметно в храмовый, единственный во всей Москве праздник, совершаемый в третье воскресенье по Пасхе.

С давнего времени установлено совершать пред этой святой иконой молебствие каждую субботу, по окончании всенощного бдения; причем, на этом молебствии полагается особый тропарь, особый прокимен, особое Евангелие и особая в высшей степени умилительная молитва.

Священник Николай Романский (Москва, 1895 г.)

В начале тридцатых годов храм разделил судьбу многих русских святынь: приход был разогнан, иконы и украшения храма конфискованы и пропали бесследно. Уже было подписано постановление о взрыве храма, но Господь не допустил этого. Впоследствии здание использовалось как производственный склад, мотоциклетный клуб, архив, художественные классы.

В 60-е годы были снесены три церковных дома, а на их месте выстроено огромное административное здание, храм был передан ему под архив. В те же годы была произведена частичная реставрация – восстановлено внешнее убранство храма. Тогда же

был сделан наружный ремонт церкви, водружены золоченые кресты. Однако интерьер храма был изуродован: построено этажное перекрытие и множество перегородок. Из-за многочисленных перепланировок пол дал сильный уклон.

22 июня 1993 года вышло постановление Правительства Москвы о передаче здания храма Русской Православной Церкви. В храме начались ремонтные работы, были возобновлены молебные пения Спасителю и святым Косме и Дамиану. 14 ноября 1993 года, в день памяти святых бессребреников и чудотворцев Космы и Дамиана, в правом приделе состоялась первая Литургия. Некоторое время спустя богослужение было восстановлено и в центральном алтаре.

Храм открыт ежедневно с 8:30 до 19:00, по воскресеньям до 17:00.

При храме работает книжная лавка с большим выбором литературы и именных икон оптом и в розницу. Возможна доставка партий автотранспортом в пределах Российской Федерации.

По всем вопросам обращайтесь по телефону:

(495) 206-90-03

Наш адрес: 101000, Москва, улица Маросейка, дом 14/2, строение 3.

Наш расчетный счет:

Приход храма свв. бесср. Космы и Дамиана
на Маросейке.

ИНН 7709001776,

р/с 40703810738120100514,

Лефортовское ОСБ № 6901/393, г. Москва,

СБЕРБАНК России, г. Москва,

к/с 30101810400000000225,

БИК 044525225

Святитель Афанасий Великий

ИЗБРАННЫЕ ТВОРЕНИЯ

Икона на обложке работы *Е. Малягина*

Компьютерная верстка: *А. Бородин*

Издательство храма

свв. бесср. и чудотв. Космы и Дамиана на Маросейке

ISBN 5-89380-014-1

Формат 60 x 90/16. Объем 10,5 п. л.

Подписано в печать 26.12.2005 г.

Печать офсетная. Бумага для офсетной печати.

Тираж 2000 экз. Заказ № 2484.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Тульская типография».

300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

